

нодъ 2.

1908.

ОТКЛИКИ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

ЭГО ДОСУГИ.

№ 5 и 6

май и июнь

ТИПОГРАФИЯ К. А. БАРАНЕВА. - ВОЛОГДА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. Правительственныя распоряженія	3
II. На Пасху. Стихотвореніе <i>H. C.</i>	17
III. Какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей. <i>Леонида Мищенко</i>	18
IV. Учительскіе силуэты. З. Маркута, <i>Копчика</i> .	24
V. Самоучка. <i>Наивнаю</i>	42
VI. Школа и жизнь. <i>Новою</i>	57
VII. По поводу статьи г. Даниенберга. <i>Я. Зелен- ковича</i>	60
VIII. Очерки школьнаго дѣла въ Россіи. <i>Л. Ми- щенко</i>	64
IX. Школа въ нѣмецкихъ колоніяхъ. <i>Сергія Жа- бокрика</i>	87
X. Антирусскуму—Травиновцу Гаврілу. Учи- теля <i>Гавріла Молчанова</i>	91
XI. Изъ дорожныхъ впечатлѣній. <i>Усманіна</i> . .	94
XII. Библіографическій отдѣлъ. О книгѣ Ма- ляровскаго. <i>Л. Мищенко</i>	102
XIII. Въ С.-Петербургскомъ Обществѣ народ- ныхъ университетовъ (отъ <i>нашего корре- пондента</i>)	109
XIV. Письмо въ редакцію. <i>П. Шестакова</i> . .	111
XV. Временные курсы для народныхъ учителей въ С.-Петербургѣ. <i>А. Бороздина</i>	113
XVI. Правда ли?	114
XVII. Къ читателямъ. <i>Леонида Мищенко</i> . .	118
XVIII. Объявленія	119
XIX. Сказки, басни и другія стихотворенія. Учи- теля <i>П. Вересова</i> . Въ приложеніи	1-32

Экземпляры журнала «Отклики народного
учителя и его досуги» за 1907 годъ высыпаются за
3 р. 50 коп., а подписчикамъ 1908 года за 3 р.

Годъ 2.

1908.

**ОТКЛЮЧИ
НАРОДНОГО УЧИТЕЛЯ**

— И —
Е Г О Д О С У Г И.

№№ 5 и 6

Май и Июнь

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЬЕВА, г. ВОЛОГДА

Редакторъ-издатель А. О. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшая награды.

(1-го января 1908 года, № 1). Награждаются орденами:
Св. Анны 2-й степени: надворные советники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ С.-Петербургскаго Воздвиженскаго, Михаилъ Скородумовъ и Славянскаго, Никаноръ Воронковъ; штатный смотритель Ковельскаго городского училища Николай Доброгаевъ.

Св. Анны 3-й степени: врачъ Астраханскаго городского училища Иванъ Елинскій и учителя Рижскаго городского женскаго училища: Николай Троицкій и Карлъ Рихтеръ и городскихъ училищъ: Кишиневскаго второго, Петръ Добрянскій и Березовскаго, Евгений Поповъ; надворные советники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Опочецкаго, Иванъ Скоковъ, Тотемскаго, Николай Созыкинъ, Алексинскаго, Виталий Юдинскій, Бѣжецкаго, Михаилъ Тюленевъ, Епифанскаго, Николай Баршевъ, Иваново-Вознесенскаго, Александръ Городскій, Шуйскаго, Алексѣй Мокровскій, Астраханскаго пятаго, Николай Мордвинкинъ, Бузулукскаго, Петръ Нѣмковъ, Енотаевскаго, Николай Пуховъ, Козьмодемьянскаго, Иванъ Ильинскій, Слободскаго, Ефимъ Оргинъ, Ядринскаго, Феодоръ Лазаревъ, Екатеринбургскаго, Дитрій Сандригайлло, Илецкаго, Владимиръ Никитинъ, Борисовскаго, Иванъ Поповъ, Каменскаго, исправляющій должность, Федоръ Ястребовъ, Симферопольскаго, Петръ Запорожецъ, Новгородъ-Северскаго, Иванъ Ивженко, Бѣльскаго, Иванъ Трасковскій, Минскаго второго, Алексѣй Федоровичъ и Юрьевскаго, Павелъ Сироткинъ; штатные смотрители городскихъ училищъ: Балтскаго, Андрей Зленко, Каменецкаго, Дометій Онатскій и Кременецкаго, Александръ Палль; учителя городскихъ училищъ: при С.-Петербургскому учительскому институту, Василий Баданинъ, Тотемскаго, Михаилъ Евгеньевъ, Мологска.

го, Михаилъ Пустоваловъ, Рыбинскаго, Тимоѳей Екимовъ, Астраханскаго второго, Иванъ Чернышевъ, Царевококшайскаго, Николай Мошковъ, Челябинскаго, Иванъ Пискасовъ, Могилевскаго, Иванъ Гиѣдовскій, Рижскаго Императрицы Екатерины II: Епифаній Патрицій и Иванъ Дружинскій и Тобольскаго, Василій Боголюбовъ; учитель Уманскаго городского училища. Фотій Щербинскій коллежскіе ассесоры: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Яренскаго, Константинъ Поповъ, Брянскаго первого, Алексѣй Сычевъ, Чебоксарскаго, Кирилль Корниловъ, Рѣжицкаго, Иванъ Юшко и Свенцянскаго, Илья Рублевскій, и школъ ремесленныхъ учениковъ: Чистопольской, Николай Порманъ и Усольской, Евгений Кучерговъ; учителя городскихъ училищъ: Порховскаго, Василій Васильевъ, Шлиссельбургскаго, Александръ Прохоровъ и Хабаровскаго Николаевскаго, Иванъ Поляничкинъ, Киевскаго городского училища Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, Константинъ Карновъ.

Св. Станислава 2-й степени: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Одесскаго „Эффруссі“, Федоръ Воронцовъ, Верхоленскаго, Александръ Михайловъ и Нижнеудинскаго, Сергѣй Шамаховъ; надворные совѣтники: учителя—инспекторы городскихъ училищъ: Кадниковскаго, Николай Писаревъ, Кемскаго, Николай Серебровъ, Малъскаго, Иванъ Прокоровъ, Островскаго, Анатолій Ильинскій, Повѣнецкаго, Александръ Щедровъ, Бронницкаго, Владимира Ильинъ, Костромскаго, Василій Кларкъ, Ярославскаго первого, Владимира Орлеанскаго; Балашовскаго, Сергѣй Праховъ, Бугурусланскаго, Леонидъ Тихонравовъ, Вольскаго, Петръ Чербовъ, Яранскаго, Александръ Поликарповъ, Красноярскаго, Василій Михайловъ-Дойниковъ, Таганрогскаго, Михаилъ Козловъ, Глуховскаго, Викторъ Кирилловъ, Кролевецкаго, Александръ Новицкій и Введенбергскаго, Алексѣй Душечкинъ; интантіи смотрители городскихъ училищъ: Киевскихъ: второго; Петръ Мезько и четвертаго, Иванъ Шебета и Луцкаго, Навальць Савченко; управляющій Красноуфимской низшей сельско-хозяйственной школой Константинъ Оболенскій; врачъ Ревельскаго городского училища Петръ Танинбаумъ; сверхштатный учитель Орловскаго городского училища Михаилъ Козловскій.

Св. Станислава 3-й степени: надворные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Звенигородскаго, Мат-

въй Смирновъ, Ельинскаго, Михаилъ Моховской, Свіяжскаго, Александръ Акатьевъ, Шензенскаго второго, Николай Жуньевъ, Липецкаго, исправляющій должность, Николай Рудницкій, Волковыскаго, Иванъ Данилевичъ, Александрійскаго, Митрофанъ Долининъ, Гостынинскаго, Василій Гурба и Копальскаго, Кирилль Яковлевъ и Арзамасской школы ремесленныхъ учениковъ, Алексѣй Колесниковъ; смотрителя училищъ: Туринскаго горнаго, Иванъ Александровъ и Барскаго городскаго, штатный, Федоръ Дмитренко; учителя городскихъ училищъ: Калужскаго братьевъ Малютиныхъ, Александръ Бѣловъ, Духовицинскаго, Иванъ Смирновъ, Смоленскаго первого, сверхштатный, Василій Оедоровъ, Новосокольскаго, исправляющій должность, Навель Морозовъ, Рыльскаго, Корнилій Шаковъ, Тимскаго, исправляющій должность, Веніаминъ Поповъ и Везенбергскаго, Мартинъ Окасъ и Бѣжецкой школы ремесленныхъ учениковъ М. К. Тенишевой, Сергѣй Донченковъ; коллежскіе ассессоры: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Тиквинскаго, Иванъ Завьяловъ, Волоколамскаго, Михаилъ Мыльниковъ, Александровскаго, Константинъ Райчевъ, Тукумскаго, Христановъ Рышко и Устькаменогорскаго, Николай Осиновъ, учителя городскихъ училищъ: Демянскаго, Петръ Николасъ, Арзамасскаго, Николай Козыревъ, Епифанскаго, Василій Юдинскій, Малоярославецкаго, Константинъ Халкинъ, Александронскаго евангелическаго въ Москвѣ, Дмитрій Щегловъ, Рославльскаго, Александръ Комарницкій, Старицкаго, Иванъ Голубевъ, Оренбургскаго первого, Петръ Антоновъ, Уфимскаго второго, Илья Логиновъ, Чердынскаго, Иванъ Рувиншниковъ, Грайворонскаго, Германъ Матвійченковъ, Донскаго первого, Иванъ Самсоновъ, Алешковскаго, Николай Шматовъ, Верхнеднѣпровскаго, Лука Мариничевъ, Ренискаго, Николай Корецкій, Сорокскаго, Тарасій Шикъ, Виленскаго первого, Алексѣй Розинъ, Ревельскаго, Федоръ Рехинъ, Тюменскаго, Федоръ Сеньковъ, учитель-завѣдующій Таганрогскимъ пятымъ городскимъ начальнымъ училищемъ Александръ Антоновъ; титуларные совѣтники: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Маріинско-посадскаго, Николай Никитинъ, Александровскъ-Грушевскаго, Борисъ Журковскій, Зміевскаго, Петръ Красовскій и Люцинскаго, Василій Шопретинскій и Сѣдлецкой школы ремесленныхъ учени-

ковъ, Николай Николаевъ, врачъ Верейского городского училища Григорій Гамбурцевъ, почетный смотритель Бобринецкаго городского училища, Алипий Деревянкинъ, первый учитель Зайсанского городского училища Иванъ Жилинъ, учителя городскихъ училищъ: Костромского, Сергій Горячкінъ, Нижегородскаго, Павелъ Лебедевъ, Мензелинского, Леонидъ Вавиловъ, Курскаго, Иванъ Кудряевъ, Харьковскаго, Павелъ Птахинъ и Рижскаго Петропавловскаго, Иванъ Федюшинъ, учитель Москвскаго городского Солодовниковскаго училища Александръ Захаровъ; коллежскіе секретари: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ханскоставочнаго, Дмитрій Губинъ и Лемзальскаго, Николай Чебурахинъ; штатный смотритель Таращанскаго городского училища. Андрей Хоменко; учителя городскихъ училищъ: Варнавинскаго, Петръ Оглоблинъ, Каширскаго, Гавріль Петровъ, состоящаго при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ, Алексѣй Паповъ, Харьковскаго, Александръ Ермаковъ и Игнатій Лобойко, Новогрудскаго, Павелъ Демидовичъ и Иркутскаго Императора Александра III, Даніїль Никифоровъ; губернскіе секретари: учитель-инспекторъ Суражскаго городского училища, Антонъ Рафаловичъ; учителя: Плесскаго городского училища, Василій Бекаревичъ, Кіевскаго третьяго городского училища, Семенъ Конопацкій; старшій учитель Бѣльскаго приходскаго училища Осипъ Грудзинскій; учителя-завѣдывающіе училищами городскими приходскими: Галичскимъ, Григорій Невзоровъ, Тамбовскими: четвертымъ, Семенъ Кряжевъ и пятымъ, Михаилъ Николаевскій, Пензенскими первымъ, Петръ Стекловъ, Ростовскими-на-Дону первымъ, Григорій Сватиковъ, Аккерманскимъ Пушкинскимъ, Василій Коштаръ, Бобринецкимъ Руцянскимъ, Михаилъ Ганчо, Севастопольскимъ, Лука Ивановъ, Вѣренскимъ, Михаилъ Катышевъ, Любовинскимъ, Алексѣй Кудринъ, Никольскимъ, Василій Астафьевъ, Ташкентскими: третьимъ, Василій Васильевъ и Жуковскимъ, Степанъ Дорошевъ, Чуйскимъ, Евгеній Замятинъ и Житомирскимъ вторымъ, Евгеній Крушинскій, Токмакскимъ русско-туземнымъ, Василій Ровнягинъ и Казатинскимъ сельскимъ, Митрофанъ Михайловскій, учителя приходскихъ училищъ: Великолуцкаго, Гавріль Кужелевъ, Вологодскаго третьяго, Владиміръ Соколовъ, Новгородскаго второго, Иванъ Яхонтовъ, Жиздринскаго, Тихонъ

Макаровъ, Козельскаго перваго, Александръ Селивановъ, Букановскаго, Даніилъ Солдатовъ, Каменскаго перваго, Петръ Салтыковъ, Новониколаевскаго, Григорій Насоновъ, Слободскаго, Иванъ Бѣлоусовъ, Моршанскаго, Федоръ Синцеровъ, Новочеркасскаго, Степанъ Пономаревъ, Манычскаго, Василій Луковскій, Малонесъ-Байтаскаго, Александръ Ренсковъ, Евпаторійскихъ: первого, Ипполитъ Цюрина и второго, Иванъ Розенбергъ, Борзенскаго Усовекаю, Викторъ Балабанъ, Тростянскаго, Семенъ Ковалевичъ, и Егорьевскаго женскаго, Маркіанъ Добрынинъ и учительськие помощники городскихъ училищъ: Бѣжецкаго, Василій Сетлицкій, и Кашинскаго, Григорій Смирновъ; коллежскіе регистраторы: учителя городскихъ училищъ: Иркутскаго, исправляющій должность, Викторъ Фатуевъ и Такшентскаго, Александръ Виноградскій; учитель-завѣдывающій Илекскимъ русско-киргизскимъ училищемъ Георгій Токмаковъ; завѣдывающіе училищами: Аскызскимъ, Никифоръ Потемкинъ, Тесинскимъ, Викентій Крейсбергъ и Троицкимъ приходскимъ, Александръ Михайловъ и учитель училищъ городскихъ приходскихъ: Владимірскаго первого, Иванъ Георгіевскій, Данковскаго, Федоръ Шевляковъ, Коломенскаго первого, Александръ Нечаевъ, Шуйскаго первого, Владиміръ Лекторскій, Арженовскаго, Филиппъ Ларинъ, Верхне-Кундрюческаго, Александръ Саввинъ, Каменскаго второго, Іосифъ Наугольновъ, Кумылженскаго, Федоръ Крымцевъ, Магулинскаго, Иванъ Любимовъ, Парамонскаго, Александръ Кузнецовъ, Сорокинскаго, Ефимъ Ільшаковъ, Хомутовскаго, Иванъ Леоновъ и Киево-Лыбедскаго, Михаилъ Пашинскій, и Юрьевскаго первого правительственного начального, Мартъ Рейникъ; неимѣющіе чина: учитель Бирской инородческой школы, Николай Холодовъ; учитель-инспекторъ Московскаго городского ремесленного училища, имени Григорія Шелапутина, Карль Кихлевельть; штатный смотритель Черкасскаго городского училища Антонъ Масловскій; инспекторъ Варшавскаго ремесленного училища, имени М. Конарскаго, Николай Федоровъ; врачъ Вятскаго городского училища Иванъ Завалишинъ; завѣдывающіе пизшими ремесленными школами: Орловской, Андрей Черниковъ, Ставропольской, Николай Гемельманъ и Симекой, Георгій Костаревъ; учитель-техникъ Елабужской Александровской школы ремесленныхъ учениковъ

Дмитрій Прямухінъ; учителя городскихъ училищъ: Несторілскаго, Сергій Ланцовъ, Камышинскаго, Михаїль Борисовъ, Чебоксарскаго, Іванъ Болдыревъ, Федоринскаго, Михаїль Глаголевскій, Омскаго, Александръ Шайтановъ и Самаркандскаго, Владимира Донцельбергъ, старшій учитель Могилевскаго третьмо приходскаго училища Константинъ Васильевъ.

Зачитывается въ действительную государственную службу времіи; вольнонаемныхъ занятій: учителю Кунгурскаго городского училища, Сергию Богородскому—въ должности учителя народного училища, съ 18-го октября 1886 по 18-го октября 1889 г.; (дѣлопроизводителю) дирекціи народныхъ училищъ Пермской губерніи Иаку Тимофееву—въ должности учителя народного училища, съ 19-го сентября 1883 по 19-е сентября 1886 г.; (дѣлопроизводителю Митавскаго первого городского начальнико училища св. Анны Альфреду Гудже—въ должности учителя начального училища при Исманскомъ сиротскомъ домѣ купц. Митавѣ, съ 1-го августа 1894 по 1-е августа 1897 г.

Опредѣленія, основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающими вниманія при пополненіи науческихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— «Богородскій, В. А. Общий курсъ русской граматики (Изъ университетскихъ чтений). Издание 2-е, испр. и доп. Казань. 1907. Стр. IV+271. Цѣна 2 р.»

— «Вихертъ, Э. Введение въ геодезію. Переводъ съ немецкаго. Издание «Mathesis». Одесса. 1907. Стр. IV+74. Цѣна 35 коп.»

— «Календарь, Дм. Древесный, календарь Европейской Россіи. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп.»

— «Вишневскій, С. М. Какъ намъ жить, чтобы здорово.

вымѣ бытъ. Издание 4-е, испр., бр. Башмаковыхъ. С.-Пб.
1907. Стр. IV+388. Цѣна 1 р.“

— „Вопросы физики. Издание физического отдѣленія
русскаго физико-химическаго общества. Редакторъ В. К. Лебединскій. С.-Пб. 1907. Выпуски 1—10. Стр. 405. Цѣна по
подпискѣ 2 р.“

— «Гоголь на родинѣ. Альбомъ художественныхъ фототипій и геліографюръ, относящихся къ памяти Н. В. Гоголя. Издание I. Ц. Хмѣлевскаго въ "Полтавѣ". Стр. 8+42 табл. Цѣна 10 руб., въ перепл. 12 руб.»

— «Грибоевскій, В. М. Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Вып. I. (Эпоха Петровская). С.-Пб. 1907. Стр. 208».

— «Дестунина, Софія. Библія, пересказанная дѣтямъ старшаго возраста. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1906. Стр. 708+4 Цѣна 4 р.»

— „Козеровскій, Н. І. Доблести русскихъ воиновъ. Издано при содѣйствії канцеляріи Императорской Главной Квартиры. С.-Пб. Стр. 131. Цѣна не обозначена.“

— «Лезинъ, Б. А. Вопросы тѣбріи и психологіи творчества. Харьковъ. 1907. Стр. 2+445. Цѣна 2 р. 50 к.»

— «Навловскій, И. Фр. Битва подъ Полтавой 27-го іюня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII+243+XXXIII. Цѣна 2 руб.»

— „Сегаль, С. Л. Курсъ гигієны. Издание (второе) Донецкого общества воспитанія бѣдныхъ дѣтей Новочеркасскъ. 1907. Стр. 195+III. Цѣна 1 р.“

“Определеніе основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Pachalery, A. Anthologie des prosateurs et des poëtes fran ais du XIX-me Si cle. I. Prosateurs de la p riode romantique 1800—1850. 2-e  dition enti rement refondue; Odessa. Pages XV+254. Prix 1 р. 30 коп.“— признать неподлежащею допущенію къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Бубликовъ, М., и Н. Гольденбергъ. Русская литература. Хрестоматія. С.-Пб. 1907. Стр. IV+448. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для городск. по Пол. 1872 г. учил.).

— Ельцовъ, И. И., А. Г. Миронова и М. И. Назаровъ. 1) Прописи наклоннаго письма для начальныхъ училищъ. Москва. Вып. I. Стр. 16.—Вып. II. Стр. 16.—2) Прописи прямого письма для начальныхъ училищъ. Москва. Вып. I. Стр. 16.—Вып. II Стр. 16 Цѣна кажд. вып. 10 коп.“

— „Киселевъ, А. Краткая ариометика. Изд. 12-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ училищъ и низшихъ женскихъ уч. зав.).

— „Львовичъ, А. Родная рѣчъ. Часть I. Одесса. 1908. Стр. 175. Цѣна 25 коп.“ (для еврейск. нач. учил.).

— „Нотная азбука. Изд. 2-е, исп. и доп. С.-Пб. Стр. 8. Цѣна 2 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Демковъ, М. И. Курсъ педагогики. Часть I. Основы педагогики, дадактики и методики. М. 1907. Стр. VII+315. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „Поповъ, В. И. Самодѣльный физическій кабинетъ. Курскъ. 1907. Стр. VIII+155. Цѣна 1 р. 25 коп.“

в) въ учителлскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Алтаевъ, А. Янь Гусь изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 2-е изд. ред. жур. «Юная Россія» (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 139. Цѣна 40 коп.“

— «Въ первый разъ вокругъ сѣта. «Книжка за книжкой», кн. 133-я. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1905. Стр. 72. Цѣна 20 к.»

— „*Калгородовъ*, Дм. Древесный календарь Европейской Россіи. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп.“ (для городск. по Полож. 31-го мая 1872 г. учил.).

— „*Киплингъ, Р.*, и др. Эскимосы. „Книжка за книжкой.“ кн. 129-ая. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 17 к.“

— „*Коваленская, Марія*. Ожерелье королевы. (Со шведскаго). М. 1907. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Любичъ-Кочуровъ, І. А.* Сѣрый герой. (Рядовой Рябовъ). Эпизодъ изъ русско-японской войны. Изд. 2-е, испр. и доп., В. Д. Каракагина. М. 1908. Стр. 52. Цѣна 20 коп.“

— „*Нарская, В.* Швейцарія и швейцарцы. „Книжка за книжкой“, кн. 134-ая. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 144. Цѣна 40 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, В. И.* На краю свѣта другъ за друга. Повѣсть для дѣтей изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. 4-е изд. ред. жур. „Юнал Россія“. (Библіот. для семьи и школы). М. 1908. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“

— „*Чеховъ, Н. В.*, и Н. А. Скворцовъ. Родные поэты. Для средняго отдѣленія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 80+П. Цѣна 30 коп.“

— „*Ассонова, Ольга*. Святая война. Повѣсть для юношества изъ временъ первого крестового похода. М. 1905. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Эсты, ихъ жизнь и нравы. Изд. А. С. Панафиной. (Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.). М. 1908. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“

— „Для младшихъ. 1-я книжка. Изд. М. Н. Слѣпцовой. („Книжка за книжкой“). С.-Пб. 1907. Стр. 137. Цѣна 40 коп.“

— „*Иоани Златоустъ*. Золотое слово вселенского учителя нынѣшнему вѣку. Избранныя беſѣды. Къ 1500-лѣтію со дня кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе». С.-Пб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.“ (для городск. учил.).

— «*Кирюшинъ, Е. Д.* Вычисление на счетахъ. М. 1907. Стр. 109. Цѣна 75 коп.“

— «*Круммахеръ*. Двадцать избранныхъ притчъ. («Книжка за книжкой», кн. 23-я). Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“

— «*Лонгъ, В.* Школа лѣсовъ. Рассказы. Вып. III. Бол.

гатырь лѣсовъ и др. рассказы. Переводъ съ англ. А. Ульяновой. (Библіот. И. Горбунова-Посадова). М. 1907. Стр. 100. Цѣна 40 коп.«

— «Мироносицкій, И. Лепта. З-е изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 31. Цѣна 10 коп.»

— „Никольскій, А. М. Подъ открытымъ небомъ. Рассказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 к.«

— «Романовъ, Е. Р. Старина доисторическая Сѣверо-Западнаго края. Популярный очеркъ. Вильна. 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.» (для городск. учитл.).

— „Томисонъ-Сетонъ, Э. По слѣдамъ оленя. Изд. В. М. Саблина. М. Стр. 68. Цѣна 75 коп.«

— „Чистякова-Вэръ, Е. М. Въ добрый часъ. Сборникъ разказовъ для дѣтей, составленный по англійскимъ и американскимъ писателямъ. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. Стр. 241. Цѣна 1 р. въ пакѣ.«

2. Допустить [”]условно слѣдующія книги: ,
къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Утушкинъ, Д. Записки по естественной исторіи. З-е изд. Екатеринбургъ. 1907. Стр. 288+IV. Цѣна 65 коп.« (для 2-хъ классн. учитл., съ предупрежденіемъ автора, что если 4-е изданіе не будетъ во всемъ тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, то оно вовсе не будетъ допущено къ употреблен-ю въ 2-хъ кл. учитл.).

— „Ярошевскій, К. Ѳ. Краткій курсъ естественной исторіи. Часть 3-я. Описаніе человѣческаго тѣла съ гигіеническими указаніями, общій обзоръ животныхъ и растеній и краткій свѣдѣнія изъ физической геологіи. Изд. 21-е. М. 1907. Стр. 341+VII. Цѣна 1 р. 55 к.« (для городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Определеніемъ отдѣла учеваго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Сохранить въ настоящее время за журналомъ «Юная Россія: Журналъ для семьи и школы, подъ ред. Д. И. Тихомирова,» допущеніе къ выискѣ лишь въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 1872 года, училищъ, и притомъ на одинъ только 1908 годъ.

І) пред'бленнія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по тѣхническому и професіональному образованію.

Определеніями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по тѣхническому и професіональному образованію, утвержденными министерствомъ, постановлено:

— 1) „*П. И. Межериачевъ*. Техническое черченіе. Разчеты вычерчиванія главнѣйшихъ деталей машинъ. Изд. З-е С.-Пб. 1907. Цѣна 2 р. 25 коп.“—признать заслуживающимъ допущенія въ качествѣ учебнаго пособія въ ремесленныя и низшия техническія училища, при условіи пониженія цѣны книги для приобрѣтенія ея учебными заведеніями до 1 р. 50 к. за экземпляръ;

— 2) „*Гедеръ*. Большой двигатель внутренняго горѣнія. Перев. съ нѣм. В. В. Варенова. С.-Пб. 1907 г. Цѣна 50 к.“—признать заслуживающимъ одобренія въ качествѣ учебнаго пособія, для ученическихъ библіотекъ ремесленныхъ и техническихъ училищъ;

— 3) „*М. Е. Соловьевъ*. Элементарная геология. Курсы среднихъ горно-техническихъ училищъ. С.-Пб. 1907 г.“—допустить, въ качествѣ пособія, въ библіотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается геология, и

— 4) „*М. Е. Соловьевъ*. 16 кристаллографическихъ сѣтокъ. С.-Пб. 1907 г.“—допустить, въ качествѣ пособія, въ библіотеки тѣхъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ преподается кристаллографія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

Разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

- „*Бумина, А.* Руководство къ введенію дѣтскихъ подготовительныхъ школъ. С.-Пб. 1907. Стр. 51. Цѣна 50 коп.“
- „*Вульфсонъ, Э. С.* Какъ живутъ сарты. Изд. А. С

Панафидиной. (Гдѣ на Руси-какой народъ живетъ си чѣмъ промышляетъ). М. 1908. Стр. 117. Цѣна 30 коп.

— „Днѣвникъ писателя. Ежемѣсячное общедоступное изданіе А. В. Круглова. Годъ 1-й. Январь по декабрь. М. 1907. Цѣна за годъ съ перес. 3 р.“

— „Іоаннъ Златоустъ. Золотое слово вселенского учителя нынѣшнему вѣку. Избранные бесѣды. Къ 1500-лѣтию со дни кончины святителя. Изд. маг. «Вѣра и знаніе» С.-ІІб. 1907. Стр. VI+136. Цѣна 60 коп.“

— „Козеровскій, Н. І. Доблести русскихъ воиновъ. Издано при содѣствіи канцеляріи Императорской Главной Квартиры. С.-Пб. Стр. 131. Цѣна не обозначена“.

— „Нечаевъ, А. П. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека для всѣхъ). М. 1908. Работа лѣда. Стр. 95. Цѣна 35 коп.—Работа рѣкъ и ручьевъ. Стр. 128. Цѣна 40 коп.—Работа подземной воды. Стр. 103. Цѣна 40 коп.“

— „Никольский, А. М. Подъ открытымъ небомъ. Рассказы для дѣтей. Харьковъ. 1908. Стр. 250. Цѣна 1 р. 80 к.“

— „Павловскій, П. Фр. Битва подъ Полтавой 27-го юня 1709 года и ея памятники. Полтава. 1908. Стр. VII+243+XXХIII. Цѣна 2 р.“

— „Романовъ, Е. Р. Старина доисторическая Сѣверо-Западного края. Пошулярный очеркъ. Вильна 1908. Стр. 46. Цѣна 20 коп.“

— „Алтаевъ, А. Янъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 2-е изд. ред. жур. «Юная Россія». (Библіот. для сѣм'и и школы). М. 1907. Стр. 139. Цѣна 40 коп.“

— „Архангельский, И. Вразумитель истинно-христіанской жизни. Сборникъ. Изд. Е. Коновалова и К°. М. 1907. Стр. 320. Цѣна 1 р.“

— „Архангельский, И. Святитель христіанского благочестія. Сборникъ. М. 1904. Стр. 377+V. Цѣна 1 р.“

— „Берлинъ, Я. М. Старине братства сем'и народовъ. Изд., ред. жур. «Юная Россія». (Библіот. для сѣм'и и школы). М. 1907. Очеркъ 3-й. Царица міра машина и король капиталъ. Стр. 71. Цѣна 12 к.—Очеркъ 4-й. Среди тружениковъ. Стр. 107. Цѣна 20 коп.“

— „Ивановъ, Ив. Ив. Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. (Бичерь-Стой). Біографический очеркъ. 3-е изд. ред. жур.

«Юная Россия». (Библиотека для семьи и школы). М. 1907. Стр. 126. Цена 50 коп.»

— „Киплингъ, Р., и др. Эксимосы. „Книжка“ за книжкой“, кн. 129-ая. Изд. М. Н. Слѣпцовой. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цена 17 коп.»

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Тихій свѣтъ. Повѣсти и разсказы. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1898. Стр. 392. Цена 75 коп.»

Отъ управления пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

На 1-ое января 1908 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народного просвѣщенія „капиталъ пенсионной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами 19.458 р. 73 к.

Процентными бумагами на нар. сумму 5.270.790 „ 15 „.

Изъ нихъ:

4½%	закл. лист. Моск. земел. банка	220.000	„	—
„	„ „ „ Бессар.-Таврич.	224.700	„	—
„	„ „ „ Донск. земельн.	233.400	„	—
„	„ „ „ Полтав. земельн.	223.900	„	—
„	„ „ „ Киевск. земельн.	235.300	„	—
„	„ „ „ Яросл.-Костром.	220.500	„	—
„	„ „ „ Вилленс. земельн.	225.600	„	—
„	„ „ „ Нижег.-Самарск.	225.100	„	—
„	„ „ „ С.-Пб.-Тул. поз. банка	166.500	„	—
„	„ „ „ Харьк. земельн.	198.600	„	—
3,8%	конверсіонные облигациі	132.000	„	—
5%	закл. лист. Тифліск. двор. банка	127.600	„	—
4%	свидѣт. Крестьянск. позем. банка	500	„	—
5%	свидѣт. Крестьянск. позем. банка	30.200	„	—
6%	именные обязат. Крест. поз. банка	1.040.065	„	15
4%	свидѣт. государственной ренты	596.700	„	—
4½%	закл. лист. земск. банка Херс. губ.	229.600	„	—
„	облигациі Моск. гор. кред. общест.	225.800	„	—
„	С.-Петербург. кред. общест.	228.700	„	—

5%	внутренній заемъ 1905 г. I выпуска	148.900	"	—	—
"	" II выпуска	188.000	"	—	"
"	Россійскій государst. заемъ 1906 г.	98.062	"	50	"
4%	конс. обл. Россійск. ж. д. 1 и 2 серій	50.062	"	50	"
Итого . .					5.270.790 руб. 15 к.

На Пасху

Солнышко свѣтлое, солнышко лесное
Паскovo свѣтить и ярко горитъ...
Утро весеннее, утро прекрасное
Радуетъ сердце и душу живитъ...

Любо глядѣть: вереницы нарядныя
Мѣда крестьянскаго въ церковь идутъ...
Цтички въ лазури небесной чуть видныя
Солнцу весеннему славу поютъ...

Гулъ колокольный по степи разносится,
Къ общей молитвѣ могуче зоветъ...
Сердце на вольную волюшку просится,
Съ птичками славу Творцу воздаетъ...

Горе, заботы и думы печальныя
Всѣми забыты и словно ихъ нѣтъ:
Радуетъ всѣхъ это утро пасхальное
Пѣсеньки птичекъ и солнышка свѣтъ...

Вмѣстѣ съ людьми свѣтлый праздникъ встречаются!
Поле широкое, рѣчка и лѣсь;
Радостнымъ эхо они отвѣчаютъ
Вѣсти церковной: „Христосъ днесь воскрѣсъ”

H. C.

Какъ мы смотримъ на воспитаніе дѣтей.

Какъ ужасенъ быль бы міръ, если бы не рождались постоянно дѣти, несущія съ собой невинность и возможность всячаго совершенства.

Рескинъ.

Что значитъ понятіе:-воспитаніе?

Въ латинскомъ и нѣмецкомъ словахъ—*educatio* и *Erziehung*,—обозначающихъ это понятіе, можно ясственно отличить корень, общій съ глаголами вести, тянуть—*ducere, ziehen*.

Русское слово—*воспитаніе*—имѣеть корень общій съ глаголомъ *питать*, что гораздо правильнѣе и ближе выражаетъ сущность понятія.

„Слово *воспитаніе*”—какъ справедливо говорить извѣстный русскій педагогъ К. Д. Ушинскій—„прилагается не къ одному человѣку, но также къ животнымъ и растеніямъ, а равно къ историческимъ обществамъ, племенамъ и народамъ, то есть къ *организмамъ* всякаго рода, и воспитывать въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова значитъ способствовать развитію какого нибудь организма посредствомъ свойственной ему пищи, материальной или духовной“.

Дѣлая объединительный обзоръ исторіи, философіи и современныхъ системъ воспитанія, К. Сентъ-Илеръ такими чертами рисуетъ содержаніе и объемъ интересующаго настъ понятія: „Въ отношеніи къ человѣку воспитаніе опредѣляется слѣдующимъ образомъ—это есть преднамѣренное воздействиѳ взрослаго человѣка на ребенка или юношу, имѣющее цѣлью довести его до той доли самостоятельности, которая необходима человѣку для исполненія своего назначенія человѣка на землѣ. Но такъ какъ назначеніе человѣка на землѣ понимается различными людьми не одинаково, то и цѣль воспитанія опредѣляется различнымъ образомъ“.

Очевидно, что искусство воспитанія возникло съ самаго начала появленія человѣка на землѣ.

Та новая школа снободнаго воспитанія, предѣстникомъ который былъ еще Сократъ, идеологами которой по праву считаются Руссо и отчасти Базедовъ, философомъ—истолкователемъ и учителемъ которой по справедливости является гр. Л. Н. Толстой,—смотритъ на воспитаніе, какъ на дѣло глубокой важности, серьезнаго значенія для всего человѣчества, безпощадно исключаетъ пять сферы этого святого искусства всякое насилие, принужденіе, лицемѣріе, ложь, отличія, награды, наказанія, и, придавая трудовой жизни ея истинную цѣну, не спѣшить засаживать дѣтей въ школьные департаменты и упражнять ихъ въ чисто словесномъ, діалектическомъ, не глубокомъ, почти механическомъ обученіи.

Будучи разумнымъ поклонникомъ этой новой школы, разумнымъ, такъ какъ я все же вижу и ея неизбѣжные недостатки, я попытаюсь здѣсь возможно кратче и проще изложить ея принципіальныя основанія и главнѣйшія отличія отъ господствующей нынѣ системы воспитанія примѣнительного, поддѣлывающагося подъ временные идеалы націи, господствующей религіозной общины, сословія, соціально-экономического класса и т. д.—Взгляды крупныхъ и выдавающихся представителей новой школы воспитанія я приведу *in extenso*, въ подлинныхъ выдержкахъ.

Друзьямъ старой школы съ обетавшими принципами, часто весьма далекими отъ христіанскаго идеала, могу только посовѣтовать вспомнить два сказанныя слова покойнаго Шелгунова, обращенные, именно, къ нимъ: „У васъ нѣть силы создавать людей и потому предоставьте имъ создаться самимъ. Вы знаете только свое прошлое, но ваше прошлое не есть законъ будущаго и не обязательно для нашихъ дѣтей. Навязывая дѣтямъ свои тенденціи, свои предвзятныя идеи и убѣжденія мы создаемъ изъ нихъ рабовъ, а не свободныхъ людей“.

Никто лучше великаго Гете не выразилъ этого естественного права дѣтей на свободу: „Мы почему-то думаемъ, что дѣти, которыхъ во сто разъ лучше насъ, должны быть нашими слугами и рабами, должны всегда исполнять наши приказанія, а не свою волю. Отецъ, который на небесахъ, видитъ оттуда только малыхъ и большихъ дѣтей, а о томъ, которые

изъ нихъ болѣе угодили ему, уже давно сказали его Сынъ: „если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“.

Эти слова Гете утверждаютъ великое право дѣтей на свободу, отъ всяческаго насилия на основаніи болѣе прочномъ и, вѣрdomъ, чѣмъ, всѣ политическія партіи и акты договоровъ и гарантій. Прекрасная мысль эта высказана Гете много лѣтъ тому назадъ, но, думается, что именно теперь, въ наше время новой школы и обновленія воспитанія, особенно необходимо вспомнить ее, сроднѣться, сблизиться съ нею, вполнѣ проникнуться ея глубокимъ содержаніемъ. „Спокойно предоставить природѣ свободу помогать самой себѣ и не ускорять эту само помощь, а только слѣдить, чтобы окружающая обстановка и обстановка поддерживали работу природы,— вотъ въ чемъ“— по словамъ Элленъ Кэй— „заключается воспитаніе“.

Исканіе законовъ жизни, внимательное и бережное отношеніе къ внутренней интимной жизни ребенка, непрестаннаго наблюденія надъ природой дѣтей— только эти пути приведутъ, наконецъ, воспитателей къ познанію и проникновенію, вполнѣ очевидными, глубокими истинами, къ которымъ вдумчивые учёные уже давно подошли другими путями.

Чѣмъ болѣе наука знакомить насъ съ природою вещей, тѣмъ, болѣе раскрывается для насъ сила этой природы. Чѣмъ болѣе новышается наше знаніе, тѣмъ болѣе мы склоняемся ограничивать собственное наше вмѣшательство въ работу природы“ (Спенсеръ).

„По мѣрѣ приобрѣтенія болѣе глубокаго познанія законы жизни человѣка становятся все менѣе довѣрчивыми къ себѣ и все болѣе довѣрчивыми къ природѣ“ (Джонъ Форбсъ).

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ дѣти не являются вѣстниками изъ лучшаго міра, развѣ не проще, не глубже, не правѣнѣе люди они насы, своихъ отцовъ и матерей, своихъ воспитателей и учителей.

Сколько скромныхъ и вмѣстѣ мощныхъ силъ въ безошибочномъ и дедикатномъ инстинкѣ справедливости ребенка! Какія сокровища нѣжныхъ чувствъ таится въ его сердцѣ! Кто скорѣе и правдивѣе ребенка откликается на чужое горе, на случайно подмѣченное страданіе? Мало ли истинно геройскихъ примѣровъ самоотверженія показали дѣти? Сколько благородныхъ порывовъ, тончайшихъ и прекрасныхъ лушевъ

ныхъ движений въ существѣ ребенка! Сколько хорошихъ за-
датковъ, какое благодарное, животворное поле для посѣха
всего „разумнаго, доброго, вѣчнаго“....

И при всемъ томъ способности дѣтей не отягощены ни-
чѣмъ, не извращены; самое незначительные предметы, про-
стенія коллекціи, совсѣмъ нѣсложный приборъ, не большая
прогулка, работа на вольномъ воздухѣ, въ саду, въ полѣ—всё
это служить для нихъ развлечениемъ; все это интересуетъ
ихъ, занимаетъ.

Дѣло воспитателя—удовлетворять естественнымъ запро-
самъ дѣтей, помогать имъ естественному развитію. Дѣло вос-
питателя—использовать силы ребенка, открыть его умствен-
ныя и нравственные сокровища, опредѣлить много обѣщаю-
щіе задатки, дать волю и направленіе духовнымъ порывамъ,
движеніямъ чувствъ, оплодотворить богатое нетронутое поле.

„И нѣтъ обязанности радостнѣй этой, потому что нѣтъ
ничего трогательнѣе сердца, которое проникается добромъ,
характера, который становится твердымъ и прямымъ, мысли,
которая проясняется“—говорить Себастьянъ Форъ. „Это—цвѣ-
токъ, распускающійся во всемъ блескѣ своихъ красокъ, во
всей упомѣтливости своихъ благоуханій“.

И въ другомъ мѣстѣ: „И не признаю за собою права
навязывать ребенку свои убѣжденія, къ которымъ я привыкъ
лишь вполнѣ духовно зрѣлымъ и самостоятельнымъ. „Малень-
кій“ не долженъ быть блѣдною тѣнью „большого“; роль отца
не въ томъ, чтобы пережить себя, увѣковѣчить себя въ по-
томствѣ. Воспитатель не долженъ стремиться перевоплотить
себя въ воспитанникѣ, подставить свои сужденія и стремле-
нія на мѣсто сужденій и стремленій послѣдняго.

Нѣ такъ понимаю я роль „старшихъ братьевъ“ какими
являемся мы.

Задача „старшаго“,—задача самая высокая, достойная¹
и благодарна, но въ то же время требующая громадной вни-
мателености и чуткости,—состоитъ въ томъ, чтобы бросать въ
темный мозгъ ребенка лучи свѣта, которые помогли бы ему
ориентироваться въ окружающемъ, привить хрупкой, неус-
тойчивой волѣ навыки, ее развивающіе и укрѣпляющіе, про-
будить въ сердцѣ „младшаго“ чувства, направляющія его
къ добру и истинѣ.

Воспитатель долженъ быть примѣромъ, руководителемъ и опорой, ни болѣе, ни менѣе, если онъ хочетъ, чтобы ребенокъ остался самимъ собой, чтобы развилась его индивидуальность, чтобы онъ сталъ существомъ прекраснымъ, сильнымъ и свободнымъ”...

Итакъ, подъ воспитаніемъ, иными словами, мы понимаемъ любовное, мягкое, бережное воздействиѳ взрослыхъ на подрастающихъ, воздействиѳ, поднимающее ихъ до существующаго уровня жизни. Отношенія къ дѣтямъ должны быть проникнуты любовью; въ дѣятъ мы видимъ существа разумныя, способныя все понять, все впитать. Принужденіе замѣняется доводами, страхъ—довѣріемъ, строгость—добротой, невниманіе—стремленіемъ все объяснить, отвѣтить на всѣ запросы...

Окруживъ дѣтей тихой, спокойной, любовной атмосферой, надо устроить вокругъ нихъ такую обстановку жизни, которая своимъ примѣромъ создавала бы у нихъ привычки, соответствующія требованиямъ идеаловъ нравственности и справедливости. Но этому не слѣдуетъ представлять дѣтямъ жизнь, какъ игру въ мячъ, въ крокетъ или кегли; они должны знать, что жизнь есть трудъ.

„Превращеніе работы и обученія въ игру, правильно говорить Гюйо, плохая подготовка къ жизни. Развѣ жизнь есть игра?”

Вполнѣ былъ правъ Кантъ, говоря, что, пріучая ребенка на все смотрѣть, какъ на игру, мы впадаемъ въ пагубную ошибку. Для Спенсера высшимъ критеріемъ хорошаго метода служитъ удовольствіе дѣтей. Мы думаемъ, что такимъ критеріемъ долженъ быть интересъ, вдохновеніе, но никакъ не удовольствіе въ смыслѣ забавы.

Больше того, трудъ человѣка въ борьбѣ съ силами природы—есть источникъ всѣхъ знаній. Поэтому самая исторія познанія, исторія накопленія, распределенія и синтезированія (обобщенія) свѣдѣній науки должна быть возстановлена для использованія въ видахъ воспитанія дѣтей. Только когда многое будетъ сдѣлано непосредственно дѣтьми, такъ сказать, изобрѣтено, открыто ими самими, только тогда можно будетъ ручаться, что знанія эти не будутъ затвержены лишь вѣнчаниемъ образомъ, лишь механическою работою памяти.

Вотъ почему, думается мнѣ, правильно поставленное воспитаніе, то есть хорошо поставленная жизнь и дѣтей и

большихъ, которымъ ни на минуту не слѣдуетъ забывать заповѣди: „врачу, ищѣлися самъ“, дасть гораздо больше, чѣмъ сотни нравственныхъ правилъ, прописныхъ наставлений или скучный, отвлеченный курсъ морали. Мораль-это вся жизнь, та жизнь, которая въ тысячи мелкихъ фактовъ и черточекъ неизмѣнно пробуждаетъ лучшія чувства дѣтей и безъ принужденія создаетъ устойчивый критерій нравственности въ ихъ сознаніи.

Какова же цѣль, праслѣдуемая мою литературною дѣятельностью въ области воспитанія дѣтей?

Для взрослыхъ я стараюсь неустанно напоминать о великомъ значеніи будущихъ поколѣній, выдвигая воспитаніе дѣтей, какъ центральную, главную задачу общественной жизни, призывая къ работѣ на этой нивѣ всѣхъ родителей и воспитателей, указывая имъ практическіе способы осуществленія хорошихъ идей, литературу, пособія, давая имъ отъ сердца идущіе совѣты, раздѣляя ихъ радости и горе.

Для дѣтей и юношества я имѣю цѣлью способствовать развитію и укрѣпленію въ юной душѣ широкихъ, всеобъемлющихъ и активныхъ, дѣятельныхъ симпатій ко всему живому—человѣку, животному, растенію; выяснить лучшія стороны человѣческаго духа и возвышенныя цѣли человѣческой жизни, близко и вѣрно знакомить ихъ съ жизнью природы, ничего не утаивая и не скрывая прѣтиворѣчій науки; вызвать интересъ къ полезнымъ работамъ и занятіямъ, къ самостоятельности и творчеству.

Нашъ призывъ:

Не угашайте въ дѣтяхъ духа жива.

Леонидъ Мищенко.

Учительские силуэты.

З. МАРКУША.

Это было неопрятное и грубое, но рослое, " здоровое и сильное животное. Звали его Маркуша, а учился онъ въ духовной семинарии.

Впрочемъ, слово *учился* не совсѣмъ точно опредѣляло жизнь Марка Попова, такъ какъ онъ исключительно посвятилъ себя теперь физическому воспитанію. Прежде онъ кое что и кое какъ зубрилъ, чтобы съ грѣхомъ пополамъ переползать изъ класса въ классъ, но то было прежде...

Какъ только добрался Маркуша до четвертаго класса семинарии (а добрался онъ до него чуть не саженнымъ дѣти-
ной), немедленно порѣшилъ, что теперь онъ «все равно, что
кончилъ». На основаніи столь разумнаго и неопровергимаго
доказа и видя въ перспективѣ близкую цѣль своихъ науч-
ныхъ изысканій, Поповъ забросилъ книги и сталъ заниматься
ѣдой и мочіономъ.

— Ты хоть бы немного подчиталъ, Маркуша: вѣдь завтра спросятъ,—посовѣтуетъ бывало кто-нибудь изъ това-
рищей, добродушно улыбаясь.

— И пусть.... лѣниво отвѣтитъ Маркуша. Нашелъ, чѣмъ
испугать... Боюсь я что ли...

— А единицу влѣпить,—не унимался товарищъ. Стыдно
будетъ! Такой дѣтина, и единицу въ журналѣ...

— Это мнѣ-то? удивляется въ свою очередь Маркуша
и любовно оглядываетъ мускулы своихъ рукъ и высокую
грудь. Оставшись доволенъ осмотромъ, онъ такъ бывало зычно
и весело заржетъ, что всѣмъ невольно становилось смѣшино.
Зубреніе съ преподавателями и отмѣтками уходили куда-то
вдалъ, казались ненужными, лишними, жестокими. На лицо
былъ сильный, здоровый Маркуша, съ добродушными глазами

и улыбкой, съ упругими красными щеками, съ твердыми овальными мускулами.... Всѣмъ было пріятно смотрѣть на атлета товарища.. И пріятно и завидно.

Часто, впрочемъ, въ пылу горячихъ споровъ трепали Маркушино имя семинарскіе ораторы, называли его животнымъ, упрекали въ преобладаніи физики надъ психикой и т. д. Но мало ли чего не выдумываютъ наши доморощенные Демосѳены и Цицероны? Въ такихъ случаяхъ Поповъ (если, конечно, онъ былъ тутъ; а бывалъ онъ рѣдко,—ибо все возможно свободное время проводилъ за гимнастикой или на кухнѣ) съ широчайшей и благодушнѣйшей улыбкой подходилъ къ оратору и закрывалъ своейромаднѣйшей ладонью не только ротъ, но все лицо послѣдняго и ласково говорилъ: «Слушай-ка, слушай»...

Тотъ, понятно, вертѣлся; кто-нибудь взбирался на могучія Маркушины плечи среди громкихъ аплодисментовъ и хохота всего класса....

— Вотъ видишь,— разсуждалъ дальне Маркуша. Ты все зубришь, все читашь, а что толку? Я такихъ-то во какъ.. (и Геркулесъ поднималъ одной рукой чахлаго товарища и относилъ его на соотвѣтствующее мѣсто). Ты кончишь и я кончу—какая разница? Ты выйдешь чахоточнымъ и скоро издохнешь, а я.. Вотъ смотри!.. и Поповъ торжествующе обнажалъ руку и сжималъ на показъ свои стальные мускулы.

Аудиторія съ нескрываемымъ восхищениемъ каждый разъ обозрѣвала Маркушины добродѣтели. Многіе пробовали даже пальцами упругость ихъ, точно оправдывая пословицу: «русскій глазамъ не вѣрить,— дай пощупать.»

— То-то же и опо,— заключалъ Маркуша. Я жить хочу и буду жить. На кой чортъ мнѣ всѣ эти дурацкія науки, коли я все равно буду погъ... презрительно сипевывалъ онъ на поль и отправлялся въ гимнастической залъ.

По ходѣ его въ классѣ снова возникалъ споръ. Ученническая масса была всецѣло на сторонѣ Попова и съ глубокой завистью смотрѣла на его силу и здоровье. Многіе старались даже подражать. За то кучка бурсацкой интеллигенціи, такъ называемый, мысляцій и безнокойный ея элементъ, искренно возмущалась этимъ скотскимъ довольствомъ и почвеннымъ міросозерцаніемъ. Они зажигательными рѣчами старались взваломутить стоячее, плѣснѣлое болото и произвести въ немъ

хоть малъшее движеліе. Они звали къ свѣту къ просвѣщенню, и указывали яркій, свѣтлый идеалъ. Старались разбудить интеллектъ, завлекая товарицей интересомъ къ чтенію. Но споры оставались неизбѣжно спорами, а жизнь шла жизнью. Масса была инертна, дальше учебниковъ не шла и не хотѣла идти. Переводная отмѣтка въ журналѣ—ну, и слава Богу; не переводная—ну, надо поправить и оять слава Богу. Чего больши? Тиши, гладь, а главное — покой. Изъ ста учениковъ четвертаго класса едвали было десять человѣкъ, которые бы серьезно относились къ своему образованію, а не выполняли каторжную повинность изъ—подъ палки. Остальные же не учились, а лишь состояли учениками и подчтывали во время учебники для того, чтобы запять соотвѣтствующій номеръ въ разрядномъ спискѣ. Остальное время употребляли на мечтанія и разговоры о будущемъ поповскомъ житьѣ, волочились за городскими дѣвицами и пьянствовали.

Господа преподаватели отлично знали любовь своихъ питомцевъ къ наукѣ и интересъ къ ней, а потому относились къ дѣлу тоже сообразно состоянію умовъ. Всегда можно было знать, кого спросить завтра, а потому — вольному воля.

Смѣшио смотрѣть, какъ положенные полчаса преподаватель разжевываетъ взрослымъ юношамъ слова учебника и на другой день съ серьезнымъ видомъ спрашивается это же самое. И никто не смѣется никому не смѣшина эта комедія. Что дѣлать? Одни служатъ и получаютъ жалованье, а другіе учатся и получаютъ дипломъ, чтобы за него купить мѣсто и присосаться къ мірскому пирогу. Такъ было и такъ будетъ....

— Маркушка, ты хоть бы къ экзаменамъ-то подчтитай малую толику,—вѣдь не хорошо, какъ срѣжешься,—совѣтуютъ все тому же козлу отпущенія для семинарскаго остроумія — Маркушъ.

— Напили дурака,— добродушнаго улыбаясь, отвѣчаетъ тотъ. А это что?—показываетъ опъ на свои усы и лихо ихъ за-кручиваетъ. За то что я выйду къ столу — они должны мнѣ тройку поставить, а какъ грѣшнымъ лѣломъ еще чего — нибудь поговорю изъ билета, тогда меныше четырехъ и не помирюсь.

Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ ученикъ удостоивалъ экзамепаторовъ лишь своимъ выходомъ къ столу, а говорилъ пущаго мало.

Чтобы скорѣе отвязаться и не конфузить усатаго вер-

зилу, а главное его преподавателя, обыкновенно ставили не-частную тройку,—и все обстояло благополучно.

Болѣе прыткимъ ученикамъ на помошь готовились „ко-
ванные“ конспекты. Передъ преподавателями лежали узаконен-
ные конспекты, а для учениковъ специальные, контрабандные.
Въ первыхъ помѣщались только заголовки содергания билета,
а во вторыхъ такимъ же шрифтомъ написано столько изъ са-
мого билета, чтобы отвѣтъ пельзя было назвать полнымъ не-
запишиемъ и съ чистой совѣстью можно было поставить тройку,
а то и больше. Многіе изъ учениковъ считали для себя даже
совершенно излишнимъ перечитывать сотни страницъ учебника,
а готовились къ экзаменамъ прямо по такимъ конспектамъ.
Были и такія фрукты, что совсѣмъ не готовились, надѣясь
ориентироваться въ конспектѣ у экзаменационнаго стола... И
такъ шла наука.

Все это разумѣется было въ послѣднихъ классахъ, ког-
да уже каждый юноша считалъ, что онъ—все равно, что кон-
чиль. Изъ послѣднихъ классовъ увольняютъ очень рѣдко;
развѣ за очень громкое поведеніе при весьма тихихъ успѣхахъ.

Начальство старшимъ классамъ ставить въ заслугу то,
что они прошли искусъ ипытки младшихъ классовъ, гдѣ
семинаристовъ тщательно просбываются. Въ младшихъ классахъ
для семинарскаго юношества предлагается египетская работа
и адскія пытки безтолковой зурбрежки и ломка міросозерцанія
подъ угломъ начальственнаго кодекса. Здѣсь молодежь тщатель-
но сортируется и окрашивается въ желательный цветъ. Кто
пестритъ и не подходитъ подъ общий фонъ, того немило-
сердно изгоняютъ. Илевелы вонъ,—нужна пшеница! Вотъ эта
то „пшеница“ дотягивается до послѣднихъ классовъ въ лѣни
и пьянствѣ, кончаетъ семинарію и идетъ въ попы...

Съ горечью приходится соглашаться, что семинарія вы-
пускаетъ бездарныхъ и тупыхъ кандидатовъ духовенства. Все,
что бодро, свѣже, жизненно, изгоняется изъ учебнаго заведенія
и искореняется въ самомъ зародышѣ. Остается въ благоволеніи
у чернаго и бѣлаго начальства одна тупая, инертная масса,
смиренная до святости. Она—то и заполняетъ кадры духовен-
ства, проповѣдуя рабство, униженіе, долготерпѣніе и подха-
лимство, обѣщающая людямъ *все на небѣ*, а себѣ *огребая, осѣнъ на землю*.

Въ пятомъ и шестомъ классахъ семинаристы готовятся спо-

ціально въ священники и учителя, но эти классы проходятся еще лѣнивѣ, чѣмъ четвертый.

Будущая служба никоего исколеюшко не интересуетъ, такъ какъ всѣ проникнуты непоколебимъ убѣжденіемъ, что преподаваемое здѣсь въ жизни примѣнить во вѣки вѣковъ не придется. Такъ оно па самомъ дѣлѣ.

Каждый семинаристъ отлично насмотрѣлся на жизнь отца, брата или другого какого родственника и зѣаетъ, по скольку приложими въ жизни всѣ эти богословія и гомилетики. Даже педагогика никого не интересуетъ. Правда, пишутъ семинаристы дневники по школѣ, протоколы и конспекты занятій, ходить въ школу и занимаются тамъ по назначению, по вѣдь правда и то, что они считаютъ учительство и народную школу первымъ этапомъ по пути жизненнаго благополучія... Но „что имъ Гекуба и что они Гекубѣ?“

Кончилась учеба, проговорены пачыщенные прощальныя рѣчи, устроена прощальная пирушка и разѣхались наши богословы по разнымъ угламъ россійскихъ палестинъ. Многіе разстались чтобы ужъ никогда болѣе не встрѣтиться. У большинства вмѣсто научного багажа оказались въ результатахъ только наивные дневники, куча старыхъ семинарскихъ сочинений, никуда не нужныхъ, да пѣсеники... О, эти пѣсеники! Съ какой любовью они писались и какъ бережно хранились., Тутъ неизбѣжное — „*знатъ турки пасъ и шведы, Ut in monte stabat quequis, я одинъ безъ отца безъ родимой живу*“ и т. д. и т. д. и т. д.

И будетъ нынѣшній юноша со слезами умиленія и тихой радости рассказывать своимъ внукамъ про добroe старое время. Покажетъ и этотъ пѣсеникъ, а глупые ребятишки его, быть можетъ, осмѣютъ: „какой, скажутъ, у насъ глупый дѣдушка и какія у него смѣшныя пѣсни“. Но у старика болыше ничего нѣтъ. Онъ и теперь, еще будучи съѣжимъ бодрымъ юношей, вынесъ только этотъ маленький, но дорогой ему багажъ....

Семинаристы того выпуска, въ которомъ кончилъ Маркъ Поповъ, почему-то первымъ этапомъ па жизнепномъ пути взяли народную школу, а не дѣячковщину, какъ ихъ предшественники.

Это было бы хорошо, если бы юноши шли въ нашу убогую народную школу съ болѣе чистыми и честными намѣреніями. Но... хорошо оказалось лишь для нихъ самихъ. Земство заполняло школьнную сѣть и понаоткрывало новыхъ

школъ, такъ что учителя были нужны, да и въ церковныя школы окончившій духовную семинарію всегда является же лательнымъ кандидатомъ. Въ числѣ другихъ подалъ прошеніе инспектору народныхъ училищъ и Маркуша. Подалъ, а самъ тотчасъ же отправился къ отцу на полевыя работы, что неизмѣнно дѣлалъ опѣ каждыя каникулы.

«Работа заставляетъ єсть и развиваетъ мускулы, а ъда дасть силу и здоровье», разсуждалъ Маркуша. Дѣйствительно, онъ и пахать и косиль и молотилъ. Отецъ очень любилъ сына, какъ хорошаго, сильнаго работника. Самъ онъ былъ псаломщикъ и работалъ, какъ заправскій рядовой мужикъ. Въ сыни видѣлъ лишь изображеніе себя и нисколько не интересовался его научными подвигами.

Говаривалъ иногда, чтобы тотъ бросить науку, коли та Маркушъ надоѣла: «Поучился—и будетъ, говорилъ онъ. Въ псаломщики и теперь пустятъ, а то смотри, пожалуй, и въ дьяконы»...

Но сынъ упрямо твердилъ, что хочетъ кончить и быть попомъ....

— Не всѣмъ же идти въ попы,—возражаетъ отецъ. Надо кому-нибудь и въ дьячки. Иной попъ хуже моего живеть. Я, слава Тебѣ Господи, тридцать пять лѣтъ прожилъ на одномъ мѣстѣ, а безъ ужину спать не разу не ложился,— молитвенно кончалъ онъ свою рѣчь.

Какъ ни тунь былъ Маркуша, а наивная гордость¹ отца своимъ экономическимъ благополучiemъ даже у него невольно вызывала улыбку.

— Въ попы пойду,—твердилъ онъ на всѣ доводы отца.

— Ну, какъ знаешь,—соглашался и отецъ. Твое дѣло...

Теперь, когда уже Маркуша кончилъ, старому дьячку было и пріятно, что его сынъ не хуже батюшки по ученью; и было жаль, что лишается хорошаго работника.

— Послѣднее лѣто работаетъ,—съ горечью думалъ старикъ, восторгаясь могучимъ размахомъ сына на сѣпокосѣ.

«Экъ садить, экъ садить,—именио, что садило,—не мимо сказано»—шепчутъ беззвучно губы и старикъ подолгу заглядывается на сына, точно запечатлѣвая себѣ на память доро- гой образъ и всѣ его движения.

— А что, батька, покуримъ,—кричить Маркуша и весь горячій, свѣтящійся, дышущій силой, молодостью и здоровь-

емъ подходитъ къ старику и вмѣстѣ усаживается въ тѣнь подъ кустики.. Солнце стоять неподвижно и нечѣть грѣшную землю, а воздухъ точно цакалился и застылъ.

— Ну, и жара! Эка благодать! говорить отецъ, утирая потъ съ лица рукавомъ мокрой уже рубахи.

— Да-а,—равнодушно соглашается сынъ, раскуривая махорку.

— Будеть бы косить-то.. Послѣ обѣда пора за уборку... Какъ ты думашь, Маркуша?

— Мнѣ все равно,—лѣниво отзыается сынъ. Только обѣдать-то еще рано .. Лѣнъ тебѣ, старому, работать.....

— Какъ рано? ужасается дѣячокъ. У попа ужъ ушли...

— Ну, и чортъ съ ними, выругался сынъ. Дадимъ еще прокосъ по два, и мы пойдемъ. Согласенъ?

Старикъ задумчиво качаетъ головой и, какъ бы про себя, говорить:

«И лютъ же ты, Маркушка, на работу, ой какъ лютъ! Не даромъ батюшка и прозвалъ тебя садиломъ,—садило и есть»

— Застынь,—обрываетъ сына,—дадимъ ио прокосъ, да обѣдать пора. Отецъ соглашается и двое работниковъ снова принимаются рубить траву. При чемъ старики не можетъ утерпѣть, чтобы не полюбоваться на своего богатыря.. «Вотъ сила, вотъ сила»...—блаженно шепчетъ онъ и точно въ своихъ жилахъ чувствуетъ приливъ молодой крови, бодрости и энергіи...

Наработавшись такимъ образомъ, оба веселые и довольные отправляются домой. Отецъ усталъ, но бодрится, а сынъ только возбужденъ... Дома ждетъ неприхотливый обѣдъ изъ рѣдкіи съ лукомъ и квасомъ, картошки и пустыхъ щей. Но все это пожирается съ такимъ аппетитомъ и въ такомъ количествѣ, что не испытавшему подобныхъ состояній на себѣ покажется прямо таки невѣроятнымъ.

— Напрасно, Маркуша, въ учителя подалъ,—находясь все еще въ обаяніи сыновьей работоспособности, говорить отецъ за обѣдомъ... Тамъ, братъ, эдакъ не поѣшь... Тебѣ прямо за землю надо браться... Чего тутъ бездомкомъ-то болтаться.. Избалуешься только... Посмотри ты на себя... Какой же ты блѣдоручка? Щынь за троихъ, работаешь за десятерыхъ... Землица матушка любить такихъ-то .. А тамъ, братъ, не то...

— А что? поднимает глаза сынъ, прожевывая хлѣбъ.

— Не проработаешься—не устанешь, а не устанешь—не будешь и ъсть... Безъ ъды, извѣстно, какой ужъ человѣкъ.

— Ой, что ты, отецъ, недовольно хмурясь, возражаетъ дьячиха... Какъ же ему не ъсть.. Виши онъ какой, Господь съ нимъ... И мать съ пѣнкою гордостью обозрѣваетъ своего богатыря, котораго выводила и вынѧчила сама.

— Ростила, ростила, а ты болѣсти накликаешь,—ворчить старуха. Тыфу! и слушать то не охота...

Отецъ и сынъ покровительственно выслушиваютъ воркотню старухи, а сынъ даже поддерживаетъ ее противъ отца.

— «Вѣрно, мама, вѣрно! говорить онъ, ласково обнимая мать. Какія тамъ болѣзни, на что онѣ? Я здоровъ и отъ работы никогда не отстану... Люблю я ее, эту крестьянскую работу» ...

— Ладно, голубчикъ, ладно,—весело тараторитъ дьячиха. Одинъ ты у насъ, какъ свѣченка свѣтлая. На радость и утѣшеніе Богъ послалъ... И боялась же я... Думала и ты умрешь. До тебя-то весь ребята у насъ не жили, все умирали....

И старуха въ тысячу первый разъ принималась протяженно рассказывать, какъ она выводила ненагляднаго Маркушу.

Отецъ и сынъ много разъ все слышали въ различныхъ вариантахъ, а потому безцеремонно встаютъ изъ за стола и начинаютъ вертѣть цыгарки. Дьячиха какъ будто обидѣлась или срѣдала видъ, что обидѣлась. «Опять цыгарки», ругается она:— «хоть бы на улицу шли... Лѣто вѣдь теперъ»...

Отецъ и сынъ весело переглянулись и засмѣялись.

— Мы, мама, въ окошечко,—ласково оправдывался Маркуша, подмигивая отцу и погладилъ громадной мозольной ладоницей матъ по головѣ.

— Ну, и верзило же ты, Маркушка,—захохоталъ отецъ. Мать-то втрое тебя меньше... Да, задумался онъ. Именно что, говорить, изъ маленькаго сѣмечка выростаетъ большое дерево.

— Вѣрио, старики, вѣрио,—подтвердилъ сынъ: только не философствуй...

Всѣ весело засмѣялись.

Почти не замѣтно для счастливой дьячковой семьи прошло лѣто съ ея страдой. Свезены были уже на гумно

спопы и началась молотьба. Это результатъ лѣта, «Нѣть выгоднѣй работы — передъ овиюмъ съ молотиломъ», — говорятъ старики.

Въ одинъ изъ почтовыхъ дній приходитъ къ старому дѣячку самъ батюшка и приносить какой то пакетъ. Явленіе экстра — ординарное! Дѣячокъ ни газетъ, ни писемъ кажется отъ рода не получалъ, особенно первыхъ. Писемъ тоже не ждалъ, такъ какъ Маркуша былъ дома.

— Кому это? — смущенно бормоталъ онъ, не решаясь взять пакетъ.

— Да бери, — сердито сказалъ батюшка, — не укусить... Гдѣ Маркъ Ильичъ?

— Въ овинъ, батюшка, ушелъ. — откликнулась дѣячиха. Появленіе страшной бумаги перенаполнило наивную старуху еще болѣе, чѣмъ ея благовѣрнаго.

— Ему передайте, какъ придется, — рѣшилъ батюшка. Ему это, — отъ инспектора... Ишь, гордцы, — не хотятъ по духовной части идти. Всѣмъ надо по свѣтской. Ну, да ладно! посмотримъ тамъ, — зловѣщѣ гудить басикъ батюшки, который былъ недоволенъ лично инспекторомъ.

— Нѣть, батюшка, робко возразилъ старики. Мой Маркуша по свѣтской части не пойдетъ. Нѣть ему на то моего благословленія... Да и самъ онъ говоритъ, что обязательно приметъ священныій санъ... Теперь-то онъ въ учителя на времія только.. Молодъ вѣдь еще для сана, бормоталъ старики, испуганный зловѣщимъ точомъ попа.

Священникъ ушелъ, недовольно бормоча что-то, а смущенный псаломщикъ тотчасъ побѣжалъ къ сыну на гумно..

— Маркуша, — закричалъ онъ издали, увидя сына. Тотъ вопросительно уставился на отца.

— Тебѣ, братъ, казенная бумага пришла...

— Казенная, говорище?

— Да, казенная... На, — читай скорѣе.. Попъ сердится, задыхался, старики, подавая сыну страшный пакетъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ, коли сердится, — хладнокровно отвѣтилъ сынъ, разрывая закорузымыми руками конвертъ.

Перенаполнившая мирный муравейникъ бумага была простымъ извѣщеніемъ о назначеніи окончившаго полный курсъ ученія въ № духовной семинаріи Марка Нопова на должность учителя въ одну изъ школъ съ предоставленіемъ ему права

преподаванія закона Божія... Воть и все... Маркуша прочиталъ се отцу. Тотъ внимательно выслушалъ, слезливо мигая глазами и глубоко вздыхая.

— Такъ, стало, ъхать надо? глухо спросилъ онъ, не въря скорой разлукѣ...

— Да, надо,—твёрдо отвѣтилъ сынъ.

— А когда?

— Завтра,—отрѣзалъ Маркуша и направился къ дому, ша-гая рядомъ съ отцомъ.

Онъ быль сосредоточенъ и свирѣпо выступалъ по жни-ту, раскачивая на ходу могучимъ тѣломъ. Отецъ какъ-то вѣсёльно съежился и тоже ушелъ въ себя. Онъ привыкъ уже къ тайной надеждѣ, что сына не назначать въ земскую школу и онъ поживеть дома. Разочарованіе было и горько и обидно...

— Отдохнуть надо Маркушѣ,—разсуждалъ старики. Пусть у насъ поживеть... И безъ того съ этимъ ученьемъ отвыкъ отъ дома и отъ насъ старииковъ... Наживется еще на своихъ-то хлѣбахъ...

Старуха робко выслушивала и покорно соглашалась съ мужемъ. Однако теперь эта несчастная бумага рушила своимъ появлениемъ тайныя думки и яркія надежды простодушныхъ старииковъ. Пробовали было они говорить сыну, но тотъ только засмѣялся въ отвѣтъ.

— Чудаки вы, право! Да отъ чего я буду отдыхать? Гдѣ я усталъ?—говорилъ онъ.

— Всетаки,—возражала мать. Наука-то не свой братъ. Махонькимъ быль свезенъ... двѣнадцать годиковъ учился..

— Да—двѣнадцать,—соглашался улыбаясь сынъ: потому-что два раза зимовалъ...

— Какъ хотите, а поѣду въ учителя,—твёрдо заявилъ сынъ. Здѣсь безъ дѣла по посидѣлкамъ буду шляться... Здѣсь-то скорѣе избалуюсь...

— Какъ хочешь,—неохотно соглашались старики: твоя воля... Самъ знаешь: не махонькій...

Когда мать узнала, что ея ненаглядный Маркуша завтра уѣзжаетъ, то просто на просто взвыла, какъ по покойникѣ... Если бы среди яркаго солнечнаго дня грянуль надъ дьячковской избой громъ, то вѣроятно онъ не такъ бы поразилъ ста-рую дьячиху, какъ этотъ нежданый отъездъ.

Старуха то плакала, то ласкалась къ сыну и уговаривала его побить „хоть денечекъ“.

— Потѣшь старуху, — выпричитывала она, дай миѣ на тебя наглядѣться-то, соколь ты мой ясный... и заливалась горькими старушечьими слезами..

— Соколь не соколь, а на ворону не похожъ, — пробовалъ было пошутить дѣячокъ; но шутка вышла неуклюжая и отзывала затаенными слезами.

Сборы были не долги... Весь скарбъ Маркуши свободно умѣстился въ небольшой корзинкѣ... Материнское сердце старалось нагрузить больше всякой снѣди, какъ будто сынъ отправлялся къ сѣверному полюсу или въ кругосвѣтное плаваніе... Лошадь была готова. Отецъ самъ ѿхалъ съ сыномъ въ качествѣ ямщика на доморощепой сивкѣ вплоть до города. Передъ отѣзdomъ по древнему обычаю всѣ сѣли. . Мать, дрожающими руками сняла со стѣны икону и, заливаясь слезами, благословила сына.

Прослезился и отецъ. Сынъ поцѣловалъ серьезно икону, схватилъ въ мощныя объятья спачала мать, потомъ отца, разцѣловалъ обоихъ и спѣшно выѣжалъ на улицу. Старики едва успѣвали за своимъ богатыремъ.

Осмотрѣвшись, все ли въ порядкѣ, путники тронулись. Старуха долго еще стояла, заливаясь слезами и крестя рукой отѣзжающихъ. Лишь только когда тѣ скрылись, она сиротливо поилелась въ домъ, слегка пошатываясь..

До города было всего шестьдесятъ верстъ. Вначалѣ отецъ и сынъ ѿхали молча, каждый подавленный своими думами. Но мало по-малу разговоръ настроился и дорога прошла почти незамѣтино, по скольку незамѣтино можетъ пройти на одной безсмѣнной лошади.

Въ городѣ остановились, копечно, на постояломъ дворѣ, а на другой день Маркуша получила свое первое жалованье, бумагу обѣ открытіи училища и подробный маршрутъ поѣздки. Маркуша восчувствовалъ себя капиталистомъ и нарадостяхъ со старикомъ вынили малую толику...

Они разстались оба довольные другъ другомъ. Недавняя острыя боль разлуки улеглась... Отецъ поѣхалъ домой, а сынъ на земски съ лошадяхъ къ мѣсту своей первой службы...

— Ну-съ, посмотримъ, — разсуждалъ юноша, — что это за шутка — учительская жизнь... Мало, должно быть, занимательна, да и не особенно питательна.

И подъ аккомпаниментъ дребежжанія тарантаса и толчковъ въ бока и спину стала обсуждать свою будущую дѣятельность па пользу меньшей братіи.

— «Какъ грамотный мужикъ, такъ и подлецъ», — почтумо-то былъ убѣждены новоиспеченный учитель.

И кляузы онъ заводить, и съ попомъ ругается, и книжки тамъ всякия читаетъ... «И по всѣмъ деревнямъ школъ настроимъ, будемъ всякия книжки читать», промелькнулъ въ головѣ отрывокъ изъ какой-то пѣсни.

Маркуша сквозь полудремоту стала перебирать всѣхъ знакомыхъ мужиковъ и старался въ каждомъ грамотномъ майти только отрицательныя черты, какихъ не было, по его мнѣнію, у неграмотныхъ...

— Н-ида! дѣла, — вслухъ проговорилъ онъ.

— Что, баринъ? обернулся ямщикъ, думая, что сѣдокъ спрашивается у него что-нибудь.

— Поѣзжай, — недовольно отвѣтилъ сѣдокъ.

Но ямщику хотѣлось поговорить, тѣмъ болѣе что отлично зналъ кого везетъ.

— Много я вашего брата перевозилъ, — продолжалъ онъ, ой, много... Эй вы, голуби, — неожиданно крикнулъ ямщикъ лошадямъ. Голуби начали старательнѣе отбивать станціонную дробь.

— Всякіе тоже и изъ вашего брата есть, — заговорилъ ямщикъ, какъ бы про себя, сидя къ Маркушѣ пол-оборота. Иной хороший человѣкъ, а иной и не приведи Богъ. Иного везешь — самому любо: знаешь, что умный человѣкъ — пойметъ; а иной онѣть же... Ты чего, каряя, — строго обратился онъ къ пристяжкѣ и огрѣль ее вдоль спины кнутомъ.

— Инь, подлецъ, подъ водку подговаривается, — выругался мысленно Маркуша.

Чтобы подтвердить свое предположеніе, онъ спросилъ ямщика: а что, ты, братецъ, грамотный?

Тотъ такъ и просіялъ, точно подарили рублемъ.

— «Какъ же, какъ же», весело заговорилъ ямщикъ въ отвѣтъ. Три зимы въ школу бѣгалъ... Сколько одной обутки прирвалъ... Похвальный листъ получилъ...

— А теперь вѣроятно и читать не умѣешь? охолодилъ восторги грамотѣя сѣдокъ.

— Съ нашимъ удовольствиемъ, — обидѣлся ямщикъ. Въ какой хопь книгѣ прочитаемъ...

— А это не все равно? улыбнулся Маркуша.

— Вѣстимо нѣть,—съ апломбомъ отозвался грамотный и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на повичка-просвѣтителя.

— На то наука нужна, а у насъ прокламація одна.

— Самъ-то ты «прокламація», съзвизъилъ Ионовъ и недовольно замолчалъ.

Ямщикъ, сообразивъ, что баринъ обидѣлся, тоже замолкъ и отвернулся къ лошадямъ.

Стояла осень. По сторонамъ дороги красовались осины и березы въ пестрыхъ осеннихъ узорахъ. Листья густо уже обсыпали землю, но и на деревьяхъ еще ихъ много трепетало. Только грязная дорога зловѣще зияла своими рѣтвиными и колеями. Было и тихо, и грустно, и жутко... Даже Маркушъ стало почему-то не по себѣ.

Цѣль путешествія была маленькая деревушка Тушицино. Въ неї школу открыли потому, что она была въ центрѣ района. Пріѣздъ учителя всколыхнулъ все населеніе. Отъ мала до велика Тушицицы бѣжали къ избѣ Сидора Карпова, где наято было земствомъ помѣщеніе для школы. Болѣе смѣлые пробовали было проникнуть въ квартиру учителя, по Маркушу безъ всякой церемоніи осадилъ любопытныхъ: «чего ис видали — крикнулъ онъ — не медвѣдь чай».., Публика съ любопытствомъ смотрѣла въ окна квартиры съ улицы.,.

— Вотъ такъ лѣпшій,— говорили съ восторгомъ мужики, умиленные Маркушинымъ дородствомъ.

— Попадись къ нему въ лапы,—заразъ изломаетъ...

— Мамка, я пе пойду въ школу,—хныкали ребятишки, учителя боюсь... У насъ и въ волости-то нѣть эдаково страшново...

Потолковала публика, потолковала и начала расходиться по домамъ.

Междудѣньемъ Маркушъ согрѣли самоваръ, наварили яицъ, а самъ Сидоръ Карповъ притащилъ бутылку водки... Теперь этотъ кулакъ рѣшилъ задобрить своего постояльца. «А тамъ видно будетъ» — рѣшилъ мужикъ, стараясь выказать гостю все свое расположеніе и хлѣбосольство...

— Выкушай изъ рюмочки-то, Маркъ Ильичъ, — лебезилъ самъ хозяинъ...

— Яичекъ-то тепленькихъ скушай,—угощала хозяйка. Они у насъ супротивныя*)...

*) Самая свѣжая. Супротивъ — сей часъ,

Маркуша съ жадностью дорожнаго человѣка пожиралъ все съ громаднѣйшимъ удовольствіемъ,

Хозяева на первый разъ были очень довольны своимъ квартирантомъ.

Дальше начиналась уже тягучая учительская жизнь не подготовленнаго семинариста. Прелюдіями къ ней были изборъ ребятишекъ и молебенъ. Это было почти все, что вынесъ новый учитель изъ семинарской педагогики.

Началось ученье. Тупоголовому Маркушѣ на первыхъ же порахъ пришлось убѣдиться, что его педагогическая подготовка ниже всякой критики. Помнилъ онъ свои «пробные уроки» въ семинарской образцовой школѣ и хотѣлъ было счастье ихъ за образецъ, но это оказалось совершиенно невозможнымъ. Тамъ и выручало и помогало товарищество, а тутъ сорокъ плохо вымытыхъ рожицъ смотрѣли на учителя и ждали отъ него одного откровенія.

Хитрые глазенки лукаво смеялись, когда громоздкая, неуклюжая фигура Маркуши растерянно тощалась у классной доски и покапывала въ кулакъ съ постояннымъ привлечениемъ ни къ селу ни къ городу словъ «ну да». Маркуша пугался и краснѣлъ отъ стыда за свое безсиліе, а ребята съ недоумѣніемъ смотрѣли и изподтишка хихикали... Это учителя злило, выводило изъ себя, бѣсило, и онъ запутывался еще болѣе. Пробовать было онъ кричать, пробовать уголь, вихры, уши, щипки, однако ясно чувствовалъ себя побѣженнымъ. Словомъ, всѣ средства «научныхъ» были исчерпаны, а дѣло настраивалось туго и у могучаго Маркуши, что называется, опускались его сильныя мускулистыя руки.

По деревнямъ съ быстротой молнии разнесся слухъ, что «учитель самъ ничего не знаетъ». Мужики злобно обсуждали столь важный міровой вопросъ и высказывали свои педагогическія соображенія.. Однако умиленные Маркушинымъ могуществомъ открыто не протестовали, а ждали, «что будетъ дальше»...

Самъ Маркуша, чуя свое безсиліе, пожалъ за совѣтомъ въ сосѣднюю школу и получилъ тамъ несказанное утѣшеніе. Сосѣдъ былъ изъ крестьянскихъ мѣстныхъ парней, тѣхъ, что самъ народъ такъ мѣтко окрестилъ «выживагами».

Онъ саркастически засмѣялся на просьбу новичка и сказалъ ему:

— Охъ, юноша, юноша! Посмотрѣть на Васъ — прямо богатырь; а какой вы въ сущности ребенокъ! Да занимайтесь Вы, какъ Богъ на душу положить — все сойдетъ... Бросьте всѣ эти научные методы, побросайте къ черту или къ его матери (а это будетъ подальше) всѣ методическія руководства: толку отъ нихъ не выйдетъ все равно никакого... Знаете сами грамотѣ — ну и валяйте безъ всякихъ лукавыхъ умствованій. Учили же до насъ деревенскіе грамотѣ, и мы учимъ... Результаты будуть, а какіе? — намъ что за дѣло! Двадцать бумажекъ въ мѣсяцъ получаемъ — на двадцать и сдѣлаемъ. Больше съ насъ и спрашивать нечего! Право, смѣшно и читать и слышать крики о народной школѣ и просвѣщеніи мужика.. Да ну его къ черту! Что онъ мнѣ и въ самомъ-то дѣлѣ. Онъ живеть, и я жить хочу... Если бы здѣсь не было у меня домишка, земли и семьи, укатилъ бы я въ городъ... Тамъ бы я эти несчастные двадцать рублей на улицѣ выпишалъ... Плюньте и вы на всю школьнную канитель. Живите пока что... А! тамъ въ попы съ учительскихъ-то хлѣбовъ... Чѣмъ скрѣбѣ, тѣмъ лучше... Вы вѣдь духовную кончили?

— Гость издалъ утвердительное мычаніе ..

— То-то и оно — возликовалъ гость лукаво улыбаясь.. Всѣ Вы суетесь въ народную школу, а зачѣмъ? Годъ, два проживете, а тамъ — «прости, прощай село родное». Что Вамъ до школы и что она для Васъ?? Законоучительствуютъ наши батюшки чай сами знаете какъ. У нихъ все то «никогда», то «недосугъ»..!

Хозяинъ хлоннулъ гостя по плечу и оба засмѣялись...

Всю обратную дорогу Маркуша блаженно улыбался: ему очень понравились разглагольствованія сосѣда и онъ безноворотно рѣшилъ имъ послѣдовать.

— Точижа Юпоры была найдена и повидимому началась новая жизнь. Теперь учитель не стоялъ ужъ безтолково у доски, а властно, съ видомъ укротителя, похаживалъ по классу. Ребята притихли и изъ боязни даже не улыбались при пресловутомъ учительскомъ «*ну да*».

— И пошла школьнная наука на помочахъ Маркуши — строгое пошла къ несчастію «безтолковыхъ мужичатъ».

Но кромѣ школы оставалось обжорство и длинные, скучные, деревенскіе вечера. Съ первымъ Маркуша скоро поладилъ, сторговавшись завтракать, обѣдать и ужинать въ одной

крестьянской семьи; за то последних положительно не зналъ куда и на что убить. Гимнастики не было, а читать онъ не любилъ. Изъ этого несчастья вызволили учителя крестьянскіе парни.. съ которыми онъ быстро сошелся на почвѣ силы — удали — молодечства .. Приходилось иногда даже пить водку; хотя это Маркушъ и не нравилось, но нужно было поддержать и закрѣпить новое знакомство ..

Шумная компания съ гикомъ, свистомъ, подъ звоночкальяновъ ходила каждый вечеръ по посѣдкамъ и безобразничала. Маркуша бывъ съ ней, Въ началѣ ему было стыдно, но потомъ вошелъ во вкусъ и онъ. Тѣмъ болѣе, что скоро онъ завелъ себѣ «дроля» *). Молодого учителя потянуло къ дѣвушкѣ. Ему захотѣлось любви, женской ласки, словомъ всего такого, что такъ дорого, понятно и естественно въ молодости. Сближеніе началось случайно, но прекратить его казалось трудно, даже невозможно.

Ребята поспѣшили, конечно, использовать по мѣрѣ силъ и возможности учительской романѣ. Каждый вечеръ кто-нибудь, изъ главарей этой орды являлся нахально въ квартиру Маркуши и грубо тащилъ учителя на посѣдки.

Иногда Маркушъ было некогда, и онъ отговаривался. Разъ даже пробовалъ вытолкнуть хулигана изъ квартиры, но ребята съ улицы повыбили въ школѣ стекла и пригрозили поколотить самого учителя..

Какъ ни силенъ бывъ Маркуша, какъ ни надѣялся онъ на свои богатырскія мускулы; однако сообразилъ, что ребята его могутъ поймать, когда это имъ заблагоразсудится..

У нихъ ножи и гири, а этими орудіями можно убить и медведя, особенно изъ за угла. И Маркуша съ телячьей почкою поплыть внизъ по течению. Мужики сначала косились, но вскорѣ помирились, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, борясь съ которымъ давно признано бесполезнымъ..

Романъ его все шелъ дальше и, дальше.. Кумушки уже стали ноговоривать на свое мѣсто, языкомъ, конечно, о «бракѣ чести». Самъ Маркуша злился на себя и, тысячу разъ давалъ зарокъ неходить больше къ Принцѣ. Но... зарокъ зарокомъ, а любовь любовью... .

*) Дроля — дѣвушка, которую парень постоянно выбираетъ въ играхъ. Такъ же и парень, который выбираетъ дѣвушку.

На одной изъ посѣдокъ случился скандалъ. Маркуша поссорился съ ребятами и не удовлетворилъ ихъ водкой. «А коли такъ, то вотъ».. Гиря мягко стукнула и учитель упалъ безъ чувствъ.. Вышла безобразная свалка, какія, впрочемъ, перѣдко приходится наблюдать въ настоящее время въ деревняхъ?..

Иришка взвизгнула дикимъ голосомъ и какъ бѣшеная бросилась въ толпу ребятъ и прикрыла своимъ тѣломъ безчувственного учителя. Другія дѣвушки тоже бросились разнимать ребятъ... Пыль скоро охладился, тѣмъ болѣе что дѣвушки и баба считаются въ тѣхъ мѣстахъ неприкосновенными... Бесѣда сама собой разбѣжалась изъ боязни уголовщины. Только Иришкѣ со всѣмъ самоотверженіемъ любящей дѣвушки хлопотала около любимаго человѣка. Ей помогали двѣ-три подруги. Дѣвушки омыли кровь и вливали въ ротъ водку, чтобы привести избитаго въ сознаніе.. Это имъ долго не удавалось, а фельдшера близко не было. За нимъ уѣхалъ хозяинъ дома, гдѣ была посѣдка ..

По деревнѣ съ тайнымъ страхомъ говорили, что учитель убить.

Къ прїѣзду фельдшера Маркуша очнулся и дико оглядался кругомъ. Скоро опять наступило забытье.. Фельдшеръ, осмотрѣвъ учителя, оказалъ ему первую помощь и приказалъ немедленно отправить въ городскую больницу. Стоялъ Февраль и дорога не очень истомила больного... Однако выздоровленіе шло медленно...

По уѣзду разнесся слухъ о дикой расправѣ деревенскихъ хулигановъ надъ учителемъ и никто не хотѣлъ идти въ замѣстители Марка Попова.

Школа въ Тупицынѣ пустовала. Погоревали мужики о произшедшемъ, да и забыли. Не забыла только Иришка своего богатыря Маркушу. Ея дѣвичье сердце изболѣлось и извело эту первую красавицу...

— Ой, дѣвонька, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ жалѣли дѣвушку подруги.. вотъ она любовь-то... И сушитъ и губить человѣка... Да...

Маркуша между тѣмъ поправлялся. Его организмъ очевидно выдержалъ бы и не такую ломку. За то воспыпалъ онъ ненавистью ко всему, что относилось къ Тупицыну и школѣ. Прїѣзжали не разъ въ больницу мать и отецъ уби-

тые горемъ и, по выпискѣ изъ больницы, взяли его къ себѣ на поправку...

Маркуша немедленно подалъ прошеніе на священническое мѣсто, чтобы замолить всѣ вольныя и невольныя прегрешенія.

Въ Іюль была его свадьба, а 15 Августа посвященіе въ іерейскій санъ...

Кафедральный соборъ сиялъ огнемъ и золотомъ... Нѣжно замирали и грохотали пѣвческие голоса... Служба была торжественная и соборъ былъ полонъ городской разряженной публики.. Всѣ казались религіозны, чисты и счастливы...

Происходило посвященіе «благоговѣнаго сего мужа-діакона Марка во пресвитера»... Маркуша былъ счастливъ; среди молящихся стояла не менѣе счастливая его жена.

...А тамъ гдѣ-то далеко, далеко отъ этого торжества совершается другой обрядъ ..

Въ полѣ былъ поставленъ столъ; около него въ грязномъ фартукѣ съ ножомъ въ рукѣ стоялъ докторъ и вскрывалъ чай-то уже почернѣвшій трупъ. Кругомъ стояли понятые и отгоняли мухъ, а дальше была громаднѣйшая толпа народа. Всѣ были суровы, многіе плакали... И было тихо, тихо... Изрѣдка подъ ножомъ хрустѣли кости ..

...Иришка узнала о женитьбѣ Маркуши и не могла вынести... У ней былъ выкидышъ.

... Покинутая, опозоренная, загаженная и несчастная, она вдругъ отчего-то и сама умерла..

Ее нашли мертвой въ полѣ..

Здѣсь теперь совершаются таинство раскрытия причинъ смерти молодой дѣвушки...

Солнце ласково смотрѣть, но сильно печеть... Ничто не шелохнется... Только мухи жужжатъ надъ трупомъ, да изрѣдка изъ толпы слышны всхлипыванія. Всѣ молчатъ... Докторъ отрывисто бросаетъ слѣдователю результаты вскрытия, тотъ молча записываетъ.

Они узнали драму дѣвушки и прониклись уваженiemъ къ этой неизвѣстной героинѣ...

Но для слѣдствія нужны физіологическія причины...

Ихъ-то теперь ножъ доктора и ищетъ.....

САМОУЧКА.

I

Его не поняли... и онъ такъ и остался такимъ же не понятымъ для многихъ другихъ...

А все таки онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ пробить себѣ дорогу и выбраться въ люди.. но „не выпла линія“ и онъ остался не понятымъ, искалѣченнымъ, выбитымъ изъ колеи деревенской жизни...

Въ библіотеку-читальню онъ ходилъ почти каждый день. Книгъ на домъ ему изъ публичной библіотеки безъ залога не давали такъ же, какъ и многимъ другимъ бѣднякамъ, неимущимъ, подобнымъ ему... ибо въ библіотекѣ публичной есть такой уставъ, посредствомъ котораго всѣ бѣдняки, не имѣющіе рубля для залога, лишены возможности читать и пользоваться книгами и журналами дома... и онъ не читалъ и не пользовался дома... а ходилъ въ библіотеку каждый день и садился тамъ скромно гдѣ-либо въ уголкѣ и начиналъ читать...

Но и тамъ ему не позволили... Какъ-то разъ онъ взялъ „толстый журналъ“ (по уставу библіотеки журналы, по полученіи ихъ съ почты, лежатъ четыре дня на столѣ въ библіотекѣ, а потомъ отдаются подписчикамъ первого и второго разряда...) и сталъ его читать... Но напрасно... Не успѣлъ онъ и половины статьи прочесть, какъ у него потребовали журналъ для тѣхъ, кто дороже платитъ...

Это былъ не высокаго роста молодой человѣкъ. Вѣчно онъ былъ задумчивый, вѣчно волнующійся... иногда ни съ того ни съ сего начиналъ смеяться и смеялся такъ весело, такъ пріятно, что трудно глядя на него сказать, что онъ чувствовалъ какое-либо огорченіе или обиду какую...

Не успѣлъ онъ окончить сельскую начальную школу, какъ его родители взвалили на него непосильный трудъ хлѣб-

бопашества... Трудная это штука—быть въ деревнѣ пахаремъ—земледѣльцомъ... вѣчно работай безъ отдыха и срока и вѣчно голодай.

Какъ ни рвался онъ поступить въ двухклассное министерское училище, но нужда, злодѣйка доказала, что «Аркадій Нилычъ въ начальной школѣ блестяще закончилъ курсъ своихъ наукъ и образованія»... а саморазвитіе и самообразованіе такъ-таки и осталось у него недоконченное... А сколько онъ переболѣлъ изъ-за него, сколько вымучился и перестрадалъ тѣломъ и душой—и учесть не возможно...

— Извѣлся малецъ въ конецъ!.. говорили глядя на него престарѣлые родители.—Все читаетъ и читаетъ книжки-то эти всякие!.. ночи не спитъ... сколько онъ «красину» пожегъ за эти зимы... хоть бы Богу шелъ куда помолиться: къ Іоанну Кронштадтскому, въ Кіевъ, либо въ Троице-Сергіеву лавру, авось Богъ и вразумилъ бы, и получшилъ бы и пересталъ читать!..

— Выхлопочи ему, Нилочка, изъ волости паспортъ пускай сходитъ постранствуетъ, помолится!.. говорила своему старику матъ Аркадія Нилыча.

Рѣшено было стариками выхлопотать паспортъ для Аркадія... и выхлопотали... но не такъ думалъ самъ Аркашка.

— Не пойду я Богу молиться... Ни-зач-то.

— Не-пой-ду!.. что, я лѣтній не исправный!? Богомола изъ меня хотять сдѣлать!.. Вотъ пойду въ какую либо деревню большую, да и начну учить лѣтишекъ грамотѣ тамъ... вотъ это будетъ польза для народа, а шарлатанить не буду.

И ушелъ.

Сколько ни грозили ему старики, что и Богъ накажеть и поліція „по этапу назадъ приведеть“... нѣтъ, не испугалася; съ пачпортомъ то и Богъ и поліція ничего не подѣлаются...

Вечеромъ, наканунѣ своего ухода, Аркадій Нилычъ по обыкновенію зашелъ къ своему другу старому учителю, Галактіону Виссаріоновичу, который въ это время съ пришедшими къ нему поповичемъ—студентомъ распивали чай и мирно бесѣдовали...

— А! легокъ на поминѣ! встрѣтилъ Аркадія Нилыча старый учитель.

— А мы только сейчас говорили про тебя—что молъ, это нашъ Аркашкъ не появляется на сценѣ.

— Я припѣль къ вамъ проститься!.. нервно началъ Аркадій Нилычъ.

— Что такое? изумленно, полуиспуганно промолвили въ одинъ голосъ студентъ и учитель.

— Жизнь моя есть сплошное страданіе!.. Такъ жить нельзя, какъ я живу!.. Вѣчная борьба съ родителями! Я эту борьбу-пытку больше нести не могу и не стану! Я уже не маленький. Мнѣ семнадцать лѣтъ, и я сужу здраво. „Власть земли“ мнѣ не позволила поступить въ двухклассное училище, я остался дома читать... мнѣ не даютъ керосину въ лампу. «Власть тьмы» меня осмѣиваетъ за то, что я выписалъ газету и журналъ. Это издѣвательство. Среди слезъ и горя жить, среди непросвѣщенаго и темнаго люда! И я ухожу!.. Ухожу и сдѣлаюсь такимъ же учителемъ, какъ и вы, старый мой другъ... Даже болѣе чѣмъ учителемъ сдѣлаюсь!.. Буду проповѣдникомъ: кричать, вопить, звать къ себѣ на помощь, работать на благо темнаго непросвѣщенаго народа! кто хочетъ, кто можетъ, кто умѣеть!.. Скверно быть мужикомъ, терпѣть и унижаться!.. И я не буду... Я хочу быть человѣкомъ и человѣкомъ свободнымъ! Не буду, и не хочу быть, и господиномъ. Ибо позорно быть какъ рабомъ такъ и господиномъ: то и другое унижаетъ человѣка. И я ухожу и буду хотя маленькимъ учителемъ народа. У меня уже и паспортъ въ рукахъ и котомка за плечами. Что ждеть меня впереди покажетъ будущее... но я ухожу въ народъ, какъ вышедшій изъ народа.

Галактіонъ Виссаріоновичъ съ его постыдителемъ, студентомъ, поняли, что этотъ человѣкъ не на шутку задумалъ идти и что ему нельзя не помочь. Но какъ и чѣмъ помочь?

Раздумывать было некогда.

— Ты вотъ что, Аркадій!—Насъ хоть два человѣка здѣсь въ селѣ, которые понимаютъ тебя и дорожатъ тобой, началь учитель, на лицѣ котораго отразилась отъ неожиданности радость и тревога. Сядь и пей чай!.. послѣдній, такъ послѣдній разъ!.. чтожь такое?!.. а мы помечтаемъ, какъ лучше устроить, чтобы не возвратиться тебѣ назадъ съ позоромъ и не усугубить твоє страданіе!..

— Идея свѣтлая.... а участь твоя горькая!.. Въ лаптахъ и вт. такомъ костюмѣ въ учителя тебѣ идти не возможно, хотя бы и въ школу грамоты. Въ нашъ подлый вѣкъ отдаютъ честь костюму, а не человѣку и его уму и способностямъ... промолвилъ студентъ поповичъ.

— У меня старые сапоги хорошие: сейчасъ же и одѣтай.. вотъ они! На Кавказъ дойдешь и не истопчешь...

— А у меня студенческое пальто и фуражка!.. Вѣлья по парѣ дадимъ. Да ты будешь... чортъ знаетъ какой учитель въ этомъ костюмѣ!..

Учитель Галактіонъ Виссаріоновичъ недавно получилъ изъ земства свое грошевое жалованіе, и рѣшилъ теперь купить «пoldюжину ячменного».

Пивные бутылки стояли подъ столомъ, за которымъ сидѣлъ разряженный въ новыи костюмъ будущій молодой учитель.

Галактіонъ Виссаріоновичъ вмѣстѣ со студентомъ, заїдя въ переднюю комнату, горячо спорили. Студентъ доказывалъ необходимость еще „пoldюжину“ въ честь новоявленнаго работника на нивѣ народнаго образованія, въ кото-^{ри}го онъ вѣрилъ и надѣялся... Учитель напротивъ былъ не идеалистъ и требовалъ реальности... „вужно на дѣлѣ... узнать... тогда...“

Долго бы они спорили, еслибы сторожъ Наумъ не посовѣтовалъ бросить жребій: „пиво“, такъ пиво, а „пусто“, такъ пусто. Хотя и самъ испугался, подавая свою рваную шапку („для шаронъ“), чтобы не было пусто, т. к. тогда ему болѣе и не попадетъ.. и придется ожидать еще пѣлый мѣсяцъ!

Маленькие жребіи—двѣ желтенькихъ свернутыхъ бумаженки—были брошены въ рваную дѣдовскую шапку! Страшно боялся студентъ, когда дѣлъ Наумъ протянулъ свою старческую руку въ шапку, чтобы вынуть оттуда роковую „грамотку“ и въ душѣ злобствовалъ на Наума за его „опрометчивый шагъ“.

— Пус-то! громко промолвилъ учитель, развернувъ вынутую изъ шапки „грамотку“.

— Врѣшь!.. наше выиграло!..

И учитель, снабдивъ сторожа деньгами и корзиной, послалъ не медля въ пивную... Старикъ долго не заставилъ себя ждать. И на столѣ учителя стояла другая „пoldюжина“.

— Вотъ, дружокъ Аркадій! началъ учитель—горекъ напѣхлѣбъ и тяжель трудъ, но за то и заслуга велика! Мы носили знанія, свѣта и правды!.. а знаніе великая вещь!.. ибо възнаніисила! А у когосила, у того власть и жизнъ! Помни.—Развѣ такой бы былъ нашъ многомильонный народъ, еслибы онъ имѣль знаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу?! Вѣдь если бѣденъ мужикъ, бѣдно и государство... Богатъ мужикъ,—богато и государство!. А у насть? терпѣніе и смиреніе... Охъ ужъ эти терпѣніе и смиреніе, громадную роль онъ сыграли въ обнищаніи нашего рядового крестьянства!.. Вы думаете, что я—старый учитель? да, я годами старъ, но умъ мой трезвъ... Я помню „Бутырки“ въ Москвѣ и этапы... и этимъ я горжусь!.. тамъ жизнь, тамъ свобода!.. но ты—молодой человѣкъ: не бойся тюрьмы и гонителей... ибо чѣмъ больше тѣмы, тѣмъ ближе къ свѣту!. Вотъ тебѣ рубль на дорогу, „полдюжины“ букварей, задачникъ и пособникъ въ преподаваніи... и... вѣра... въ великое будущее.. а затѣмъ, прощай, другъ...

На же вотъ, и я дамъ!.. и студентъ поповичъ высыпалъ на колѣни Аркадію всѣ имѣвшіяся у него въ кошелькѣ мѣдные деньги, собранныя съ мужиковъ за упокой ихъ мужичьихъ душъ...

— Мужичьи души!..— пусть онъ покоются въ царствѣ небесномъ! въ царствѣ рая... но ты не долженъ стремиться искать этого рая, гдѣ рядомъ съ нимъ пекутся въ гееннѣ огненной и скрежещутъ зубами голодные, холодные, изнуренные, обездоленные твои же братья!.. Это—старая вѣра и старый Богъ; наша вѣра и Богъ новые!.. Богъ братства, равенства, свободы, любви... Вѣра въ справедливость!. Девизъ нашъ: „Борьба за эту вѣру“. Имѣй дружбу и дѣлисъ со всѣми и всѣмъ!.. Будь справедливъ. Нѣть въ людахъ справедливости, но ты ее ищи и она должна быть!.. Отправляйся въ путь и помни старыхъ своихъ друзей, которые не однимъ совѣтомъ хотятъ помочь народу!..

Аркадій Нилычъ, забросивъ за спину свою котомку и нахлобучивъ „свою“ студенческую фуражку, простясь съ своими друзьями, тронутый до слезъ, вышелъ вонъ изъ училища и мѣрными шагами поплелся изъ своего села, оставивъ позади своихъ стариковъ и свое дѣтство.

— Бѣдный самоучка! что его ждѣть?! промолвилъ учитель въ слѣдъ уходящему.

— А и много жъ ихъ погибло и погибнетъ на руси многострадальной!.. сказалъ студентъ.

— Ни-и-ши-и!!! крикнулъ учитель своему бывшему ученику и другу, утирая бѣлымъ платочкомъ свои старчески слезы.

— Двѣ корреспонденціи изъ нашего села напечатаны уже въ газетахъ... Думалъ ли кто, что наше село явится въ печати?! и кто?.. мы развѣ? Нѣтъ, простой бѣдный мужичекъ самоучка!

II

Заря занялась и потухла и на голубомъ небосклонѣ уже былъ замѣтенъ восходъ приближающагося солнца, когда Аркадій Нилычъ, довольно усталый отъ непривычной ему тяжелойочной ходьбы по большой столбовой шоссейной дорогѣ, приблизился къ губернскому городу...

Магазины и лавки еще были заперты, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ этотъ шумный и незнакомый для него городъ. Въ городъ онъ шелъ тоже съ цѣлью, — найти редакцію и сдать тамъ свой первый литературный очеркъ.

Адресъ редакціи ему спрашивать не нужно было, такъ какъ онъ ему давно уже былъ извѣстенъ изъ газетъ, которыхъ онъ получалъ и въ которыхъ напечатаны были его двѣ корреспонденціи.

Долго пришлось ему ждать пріёма въ редакціи, и онъ, побродивъ по городу, зашелъ въ одну изъ чайныхъ и началъ согрѣвать свои кишкі подкрашеннымъ чаемъ.

Въ чайной народу, было много. Было отвратительно грязно.. Соръ валялся по полу и подъ столами, на многихъ столяхъ было налито... Стирать со столовъ „половые“ не успѣвали... Посѣтители чайной приходили, пили чай и опять уходили... ихъ мѣсто занималось другими и еще и еще... здѣсь была публика сѣрая... Всѣ какъ будто спѣшили... Мужики пріѣзжіе въ городъ спѣшно хлѣбали изъ блюдечекъ грязныхъ немытыхъ „фруктовый чай“ и жадно кусали и глотали баранки.. Нѣкоторые, побогаче, покупали лежавшія на стойкѣ невзрачныя на видъ тонкія калбаски и тоже съѣдали и уходили... Мимо ихъ, бродя отъ одного стола къ другому, шныряли босяки—„торговцы“ и предлагали посѣтителямъ не

занесгдатаямъ крестики, гребенки, колечки, поминальницы, ножницы, нитки. Приходили монахини съ тарелками и просили „на улучшениѣ обителей“; за ними шли матерые деревенскіе мужчины „сборщики“ съ образками, просящіе на устройство погорѣвшаго храма. Мужики отдавали имъ свои гропши и семитки и, утирая носы полами своихъ полушибуковъ и армаковъ, начинали снова пить „фруктовый чай“ и потѣтъ... Газетчики поминутно вскакивали въ чайную съ свѣжими газетами и предлагали одному-другому №№ газеты, но ихъ никто не покупалъ.—Ня-да-до! говорили мужики; мы Газетъ не читаемъ!.. «Никчemu» они намъ!.. газетчики назойливо навязывали другимъ газеты и иные покупали «по ошибкѣ» газеты, припертые къ стѣнкѣ газетчиками и не найдя, что имъ отвѣтить какъ отвязаться...

Аркадій Нилычъ, глядя на это, скверно себя чувствовалъ. Поскорѣе вышелъ вонъ изъ чайной и направился по бульвару къ редакціи. Не дойдя немногого до редакціи, онъ сѣлъ на лавочку, снялъ свою котомку съ плечъ, досталъ оттуда свой очеркъ и сталъ его просматривать..

Застьвчиюстк и робость его чутъ было не погубили, но онъ поборовъ себя и подойдя къ дверямъ редакціи, тихо отворилъ ихъ и мгновенно очутился въ пустой и обширной залѣ. За столомъ сидѣлъ высокаго роста молодой человѣкъ, и изъ выдвинутаго ящика вынималъ рукописи и опять ихъ туда укладывалъ...

Вамъ что? обратился онъ къ Аркадію Нилычу.

— Вотъ... статья!.. краснѣя и переминаясь съ ноги на ногу досталъ изъ кармана Аркадій Нилычъ.

— Давайте, просмотримъ... Только я сейчасъ, извините, не могу: занятъ... послѣ зайдите какъ—нибудь...

— Да я дальний... Изъ Павловскаго, въ учителя иду... я писаль къ вамъ корреспонденціи ужъ... смущенно оправдывалъ началь Аркадій Нилычъ.

— Ахъ, это вы—авторъ корреспонденцій изъ Павловскаго?

— Да, я..

Студентъ вы или?..

— Нѣть я крестьянинъ—самоучка... Не можете ли мнѣ дать совѣтъ, куда направиться «учительство вать домашнимъ способомъ?», не много посмѣльевъ проговорилъ Аркадій Нилычъ.

— Сядьте, пожалуйста, на стулъ и сумку свою сбросьте.. Меня какъ будто ктото что-то спрашивалъ объ этомъ; подумаю.

— Самоучка... въ учителя... совѣтъ... тихо проговорилъ подъ носъ себѣ онъ.

Молчаніе.

— Нельзя ли вамъ, молодой человѣкъ, попытаться поступить въ одну изъ школъ? Тяжело будетъ такъ жить вамъ самоучкѣ.

— Нѣтъ... поздно!.. нужно дѣло... люди вѣкъ свой учатся и ничего не дѣлаютъ!.. я такъ не хочу!.. прошло времѧ!. возбужденно проговорилъ Аркадій Нилычъ.

Молодой человѣкъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и оттуда скоро возвратился вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, который несъ толстую книгу!.

— Вотъ дружокъ: съ насы вамъ приходится получить гонорару три рубля семьдесятъ, идите роспишитесь въ этой книгѣ!.. а относительно совѣтовъ—вотъ записочка къ моему давнишнему товарищу. Это верстъ сорокъ по тракту.—село Грайворово... Онъ вамъ укажетъ.. тамъ нуждаются въ такихъ учителяхъ... Пишите что-нибудь намъ... а теперь извините., заняты...»

Аркадій Нилычъ дрожащими руками росписался, получивъ записочку и деньги, робко поблагодарилъ членовъ редакціи за оказанную ему услугу и, нахлобучилъ фуражку и закинувъ свою сумку за спину, двинулся въ путь!.

Трактовая дорога все дальше и дальше направляла его въ глушь забытыхъ сель и деревень... въ такую же глушь, какую онъ только что оставилъ съ болѣзняеннымъ чувствомъ.

Была уже ночь, когда Аркадій Нилычъ сталъ стучаться у оконъ большой деревни Понизовья съ тѣмъ, чтобы остановиться на ночлегъ. Долго стучался онъ у оконъ Понизовьевъ, которые, какъ на зло, не пускали его и посыпали: „проваливать дальше!“

Нараспашку Аркадій Нилычъ доказывалъ понизовцамъ стоя и стуча у оконъ, что, онъ человѣкъ честный и идетъ въ учителя „по деревнямъ“ и имѣть записку къ учителю въ село Грайворово, до котораго осталось еще 12-ть верстъ. Понизовцы ему не вѣрили... „Мало васъ шляется тутъ учителей непутевыхъ всякихъ“!. Такъ бы и остался Аркадій Нилычъ бѣзъ

ночлега, еслибы не „сотский“. Сотский былъ человѣкъ болѣе культурный, чѣмъ другіе понизовцы, и не успѣлъ Аркадій Нилычъ проговорить подъ лай стаи собакъ свое „пустите на ночь“, какъ изъ окошка послышался ласковый голосъ „войдите“...

Въ избѣ сотскаго было опрятно и чисто. Полъ и лавки были вымыты. Въ переднемъ углу стоялъ небольшой самоваръ. На окнахъ красовались маленькие цветы. По стѣнамъ были расклѣены газеты различныхъ временъ и изданій. На другой стѣнѣ висѣли старые „чиковики“, — недорогіе часы съ одвѣй гирькой. Возлѣ нихъ красовался «численикъ» съ портетомъ Пушкина; на немъ было открыто «красное число», на завтрашній девъ. — Все это показывало, что обитатель этого дома не можетъ жить такъ, какъ всѣ остальные понизовцы, въ грязи, темнотѣ и невѣжествѣ. И онъ бы своей властью отправилъ Аркадія Нилыча «въ очередь» ночевать, но, взглянувъ на него, сразу почувствовалъ къ нему симпатію и подумалъ, что это человѣкъ новый, и что-либо интереснаго внесеть въ его обыденную и однообразную жизнь.

Послѣ короткихъ разспросовъ они разговорились и результатомъ ихъ «будущаго» знакомства потребовалася самоваръ. Хозяйка его, уже не молодая, не замедлила приготовить самоваръ и поискать что-либо къ чаю.

— Такъ вы значить въ Грайворово идете учительствовать?

— Нѣть, собственно говоря я не въ Грайворово, а туда отъ одного человѣка къ знакомому записка. Въ тѣхъ мѣстахъ нуждаются въ учителяхъ, вотъ я туда и направился: буду учительствовать...

— Вотъ дѣла-то какія!.. Дѣльно! А знаете? если я завтра, праздничнымъ дѣломъ, соберу мужиковъ да оборудуемъ въ нашей деревнѣ школу! А?

— Чѣмъ? я на все согласенъ... за тѣмъ и пошелъ...

— Я «подгрую» мужиковъ... какъже! дѣды наши жили-ничего не знали, и отцы тоже, и дѣти будуть по ихнему... Во всей деревнѣ кромѣ меня только трое могутъ расписаться.. школа нужна, необходима!.. я поставлю на свое мѣсто, и она будетъ!.. Какъ! человѣкъ нашелся—самъ прішелъ къ намъ... и вдругъ его отпустимъ «въ чужую деревню»?

Самоваръ весело шумѣлъ передъ собесѣдниками, Анна Лаврентьевна поминутно потчивала своего гостя, будущаго учителя, чаемъ съ молокомъ и яйцами... Маркъ Григорьевичъ, понизовскій сотскій, разводилъ плавы устройства училища...

— Лавка у васъ есть какая-нибудь въ деревнѣ? освѣдомился Аркадій Нилычъ.

— Есть; тутъ бакалея одинъ кулакъ торгуешь, мелочишкой такъ тамъ кое-какой: баравки, керосинъ, табакъ и прочее-такое...

— Такъ вотъ мелочи рубль... Маркъ Григорьевичъ! похлопочите къ, обѣду тамъ что-нибудь: завтра у васъ день по-гошу коли такъ. Можетъ и будетъ что.

— Бу-удеть! Какъ не быть? А деньги—это Аннѣ Лаврентьевнѣ... она столомъ завѣдуетъ!..

Утромъ Аркадій Нилычъ еще спалъ, а ужъ, Маркъ Григорьевичъ обошелъ всю свою деревню съ призывомъ на „экстренную сходку“.

Каждому домохозяину въ отдельности, прия въ хату или стоя подъ окномъ, говорилъ: „у меня ночуетъ учитель, который идетъ въ Грайворово; пока его, уговорилъ оставаться у насъ учителемъ... Дорого онъ не возьметъ, а школа и учитель намъ не обходимы.“

Побуждалокътому Марка Григорьевича частью сознаніе полезности дѣла, а главное надежда имѣть въ деревнѣ человѣка, съ которымъ бы онъ могъ поговорить, позаимствовать отъ него что-либо новое, о чемъ онъ будетъ рассказывать въ волости народѣ...

Обойда всю деревню и приказавъ мужикамъ явиться „на экстренную сходку“, Маркъ Григорьевичъ засталъ уже шипящій самоваръ. Любимые имъ „блинички съ масломъ“ уже были приготовлены на склеенной „фарфоровой“ тарелкѣ. Аркадій Нилычъ умывшись утирался чистенъкимъ полотенцемъ, поданнымъ ему хозяйствкой. Анна Лаврентьевна сажала въ печь черные ржаные пироги съ картофелемъ...

— Извините старика! опять забылъ какъ васъ звать?

— Аркадій Нилычъ.

— Такъ вотъ, Аркадій Нилычъ, будемъ чай пить, а потомъ на сходку-уговориваться съ мужиками... У Плотниковыхъ тамъ они соберутся... Я бы ихъ и сюда позвалъ»

да знаете, дѣло мужицкое: понацлюютъ на полѣ, понахаркаютъ, понакурятъ... (варвары мужики!..), а хозяйка моя этого не любить: она у меня не такого роду!..

— Блинчиковъ, Аркадій Нилычъ, закусывайте побольше, — не стѣснайтесь насыть!.. а тамъ съ мужиками не скоро уговоримся... нужно сразу всю эту „канитель“ покончить!.. Будьте какъ дома...

— Я и то не стѣсняюсь какъ дома... благодарю!..

— Вы дайте мнѣ съ нами договариваться, а то они васъ собьютъ... И дорого запрашивать не надо... по рублю съ мальчика, и достаточно... (вишь, деньги-то дороги у мужика). Въ Мурашкинѣ и Сверчкахъ тоже не дороже платить учителямъ... Домашнимъ способомъ пока школы... глушь.. толковали Маркъ Григорьевичъ, идя съ учителемъ на сходку.

Сходка была вся въ сборѣ, огромный домъ Плотниковъ былъ весь переполненъ народомъ. Старики домохозяевы уже перетолковали... Школа и учитель были признаны мужными и необходимыми.

— Вотъ имъ тутъ! здороваюсь началь Маркъ Григорьевичъ. А это нашъ учитель Аркадій Нилычъ! не то что у Мурашкинцевъ оставной солдатъ или въ Аленовѣ дѣячекъ пропойца! Ну что, какъ у васъ тутъ? толковали между собой?

— Какъ же! только вотъ Егоровичъ говоритъ, что такія школы „никчemu“ и ихъ нигдѣ не видно.

— Слушайте Егоровича!.. а намъ нужно хоть какъ-нибудь научить дѣтей читать да считать, чтобы не обсчитывали насъ разныѣ Егоровичи!..

— Всякая грамота не худа, а нонѣ урожай!.. Нужна школа!.. слышались голоса. Неужели мы хуже Сверчковцевъ или Аленовцевъ?

— Крестьяне! позвольте я вамъ скажу свое первое слово, началь Аркадій Нилычъ. Народъ умолкъ и наступила тишина.

— Никто не станетъ отрицать той громадной пользы, которую принесетъ вамъ и вашимъ дѣтямъ наука. Ученому всегда лучше живется, чѣмъ неученому. Онъ прочтетъ что въ книжкѣ написано, что въ газетахъ, все онъ видитъ, все знаетъ; напишетъ письмо или прочтетъ повѣстку; все въ его рукахъ! Здѣсь раздавались голоса о бесполезности такихъ частныхъ деревенскихъ школъ. Не правда! каждая школа

приносить пользу. Она напримѣръ облегчаетъ труда тѣхъ же учителей, къ которымъ вы можете потомъ отдать своихъ грамотныхъ дѣтей. И притомъ въ вашей деревнѣ ^вайдется свыше тридцати или сорока мальчиковъ, которыхъ вы не отадите въ Грайворово или куда-нибудь учиться и они такъ и будутъ рости неграмотными. А это крайне печально какъ для васъ, такъ и для всего народа. О! счастливъ тотъ человѣкъ, кто дорожить наукой! кто стремится и ищетъ знанія, свѣта! Но не достаточно, чтобы научившись грамотѣ оставаться только грамотнымъ!.. Нѣтъ! Нужно пополнять свое знаніе, сколько кому и какъ возможно: покупать и выписывать журналы, газеты и книги... Вѣрьте, что я не зло вамъ говорю! Я не нахлѣбникъ какой и шарлатанъ пришелъ къ вамъ издалека, чтобы прокормиться... и сидѣть сложа руки на вашей шеѣ!. Негодянемъ и подлецомъ нужно быть, чтобы устраивать все счастье на несчастіи другихъ! Я имѣю иное, которое знаніе и какое имѣю, я все отдаю на пользу народа, на пользу тѣмъ, кто въ немъ нуждается!.. И вамъ принесу пользу и только пользу!.. Если же вы судите иначе, то я удалось отъ васъ съ тѣхнѣмъ прискорбiemъ душевнымъ... Но только помните, что *несчастенъ тотъ человѣкъ, который не старается о своемъ саморазвитіи и самообразованіи, не говоря уже о грамотности...*

— Нѣтъ, чѣмъ! Учить надо, необходимо. Мы и рады что пришелъ къ намъ человѣкъ!.. Развѣ мы хуже людей? по рублю заплатимъ отъ каждого мальчика... а ихъ ^в наберется до 30 шт. и больше; и кормить будемъ учителя, чѣмъ?..

— По два рубля надо съ мальчика!.. такъ дешево!.. Да и квартира чтобы была одна, а не шляться по деревнямъ! завопилъ Марко Григорьевичъ.

— Нѣтъ, такъ дорого...

— Дьяволы!!! вамъ все дорого!.. На горѣлку ^{да} на таѣ бакъ, такъ не дорого, а на науку гроша жалѣютъ!.. человѣка упросиль, онъ остался ночевать! самъ старался, шлялся по деревнѣ для вашей же пользы, макары ироклятые!!.. Началь ругаться Марко Григорьевичъ.

„Галдѣй“ въ концѣ концовъ прекратился. Школа была съорганизована. Крестьяне уговорились по рублю платить съ каждого мальчика учителю и по полтиннику на квартиру.

„Квартировалъ“ Аркадій Нилычъ у Марка Григорьевича. Школа (хата вдовы Арины) отоплялась общими силами.

Таково начало Понизовской школы, въ настоящее времѧ земской, въ будущемъ министерской.

Мужики, выговоривши съ Аркадіем Нилыча ведро, водки и довольные имъ и Маркомъ Григорьевичемъ, весело встрѣтили приближающуюся ночь, послѣ которой они снова прошлились и взялись за дѣло и работали безъ отдыха и срока, не разбираясь что дѣлалось вокругъ ихъ.

На второй сходкѣ Марко Григорьевичъ поставилъ на свое мѣсто, чтобы Понизовцы выписали „міромъ“ газету и журналь.

— Что ж! мы не жалеемъ на бумажки деньги-то! говорили, выруганные въ сласть М. Григоревичемъ мужики,

III

Минуло семь лѣтъ съ того времени, какъ Аркадій Нилычъ былъ учителемъ у понизовцевъ. Благодарятъ ли теперь его пітомцы, тѣ двадцать девять мальчиковъ, которыхъ онъ научилъ грамотѣ (читать, писать и считать) въ теченіе одной зимы, вышелъ ли кто изъ нихъ „въ люди“, продолжаютъ ли они по прежнему выписывать газету и журналъ, и что стались съ „сокеткимъ“ Маркомъ Григорьевичемъ, — все это для Аркадія Нилыча покрыто мракомъ неизвѣстности... Жизнь ему не позволила на второй годъ сдѣлаться такимъ же учителемъ... Долго онъ странствовалъ и скитался, по бѣлу свѣту, искалъ себѣ дѣла и занятія (при которомъ могъ бы пополнить свое саморазвитіе и самообразованіе...) и не находилъ его... Причиной всему — отсутствіе диплома. Писалъ по прежнему статьи въ столичные и провинціальные газеты и журналы, но мало гдѣ обращали на нихъ вниманіе.. Въ большинствѣ случаевъ надъ ними въ редакціи глумились, считая что это писалъ какой либо безграмотный недуучка..

Озлобясь на весь міръ, на самого себя и на все окружающее, отлично познакомившись съ многими классическими писателями и перечитавъ не мало всякихъ книгъ, газетъ и журналовъ, разшатанный Аркадій Нилычъ наконецъ возвращается въ свое родное село и сталъ въ немъ жить самымъ послѣднимъ бѣднякомъ... Хатка его была уже полуразваливъ, шеюся, съ сарая вѣтеръ солому поразбросалъ по огороду гумно стояло покосившись на бокъ..

Часто онъ, работая на гумнѣ и задыхаясь отъ пыли и дыму выговаривалъ въ слухъ въ пространство:

— Вотъ бы вы, господа образованные и просвѣщенные, по-работали такъ-то надъ добываніемъ хлѣба для себя и другихъ!.. это не то, что какіе либо либеральные фельетоны стрѣчить или еще что!..

«На сходы онъ рѣдко становился, а когда придетъ, все молчатъ угрюмо... лишь изрѣдка промолвить:»

— Нѣть правды на земль! Вѣчно мы будемъ жить послѣдними, «забитыми», задавленными, впозоренными, обезчещенными!.. Счастливо жить есть кому и безъ насъ... на то есть сильные, великие, могучіе, образованные, художники талантливые! Свѣтъ прошелъ! Мало видѣть хорошихъ и честныхъ защитниковъ народа!.. Видно правильно сказалъ Тургеневъ, что „частіе наше основано на несчастії другихъ“!.. Врѣть тотъ, кто говорить о какомъ-то братствѣ и равенствѣ!.. Люди звѣри!.. Ложь все это!.. заканчивалъ Аркадій Нилычъ. Что именно ложь, онъ не договаривалъ и не пытался доказывать!..

Иногда онъ плакалъ спрятавшись въ сараѣ или гумнѣ и читая свои статьи и корреспонденціи въ бережно сохранившихся газетахъ и журналахъ. Иногда бралъ тетрадку и начиналъ читать про себя стихи,—плоды своего юнаго творчества!..

Несложны были стихи самоучки Аркадія Нилыча, хранимые и перечитываемые имъ. Но сколько было въ нихъ грусти и неподдельной искренности и прямоты!..

О юное милое дѣтство!.. никогда оно не возвратится къ Аркадію Нилычу!..

Къ деревенскому труду Аркадій Нилычъ сдѣлался совершенно неспособнымъ. Все больше и больше сталъ онъ задумываться и грустить. Иногда въ полночь проснется и пойдетъ по селу пѣть пѣсни или ораторствовать.. и такъ это грустно было и тяжело!..

Скоро однако Аркадій Нилычъ угодилъ въ клиническую больницу душевно больныхъ.

— Задавили! никто не помогъ мнѣ! Всюду жали!.. Всюду гнашаются нашимъ братомъ мужикомъ—самоучкой!

— Воры! от-дай-те народу свое знаніе! Вы на его хлѣбѣ себѣ его получили!.. От-дай-те же!.. а то сами у васъ его

отымутъ!.. на черта намъ, ваша земля! Будьте вы прокляты и съ землей!.. Загубить всѣхъ мужиковъ, весь народъ, земля!.. Прогрессисты проклятые, кровь изъ меня всю выпили!.. жили изъ насть всѣ вытянули!.. Народъ! Крестьяне! васъ обманули!.. не давай-те свой хлѣбъ ученымъ!.. неистово кричалъ онъ иногда въ больницѣ ..

Смерть Аркадія Нилыча послѣдовала отъ разрыва сердца, какъ констатировалъ земскій врачъ.

На одной бумаженкѣ покойнымъ было написано красными чернилами:.. „Изъ всѣхъ людей, живущихъ въ мірѣ никто не мучился и не страдалъ болѣе самоуечекъ...“

Проклять пусть будетъ тотъ день, въ который была напечатана моя первая корреспонденція.. Жаль Некрасова что онъ умеръ; онъ бы конечно написалъ, что мужикъ самоучка страдаетъ больше по редакціямъ, чѣмъ по тюремамъ... Народъ и крестьяне! никогда не покупайте и не читайте книги и газетъ и не пишите въ нихъ ни одной строчки для вашего спокойствія душевнаго!.. Живите такъ, какъ жили ваши отцы и дѣды, и пользуйтесь своимъ счастьемъ рабства, тьмы и невѣжества!.. и не развивайтесь... Скверно быть развитымъ и быть послѣднимъ... а вы будете вѣчно послѣдними...“

Форма и образъ правленія могутъ измѣниться; а люди не могутъ измѣниться... Будутъ и сильные и слабые, богатые и бѣдные, умные и идіоты, честные и подлецы, образованные господа и рабы. Не ищите правды въ людяхъ, а саміе ее создавайте и тогда найдете... Надѣйтесь только на собственные свои силы... Будь гордъ и ни передъ кѣмъ не унижайся. Нѣть работы—издыхай съ голоду. Борись съ жизнью и гибни честно. Любите кандалы, тюрьму и ссылку.. въ ней позвія и мошь народа .. Шѣшій всегда считай врагомъ того кто ёдетъ...“

Одинъ контроль и кулакъ не спасетъ насть отъ гибели, если мы нравственно будемъ падать все ниже и ниже... А гибель всѣмъ намъ неминучая... и каждый рано или поздно погибнетъ по своему... Охъ, еслибы погибли эти проклятые люди, которые меня здѣсь затворили и загубили!.. Но нѣть..“

Письмо оборвалось--видно у человѣка мученика больше не осталось творчества и крови... жизни, бѣжала...

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

Въ началѣ 1905 г. я обратился въ редакцію „Южныхъ Записокъ“ (Одесса) съ просьбой высыпать мнѣ на комиссію нѣсколько экземпляровъ „Южныхъ Записокъ“. Журналъ этотъ былъ направленія прогрессивнаго, темы затрагивались современные, писали бойко. Среди сотрудниковъ встречались фамиліи: И. Бѣловонскаго, К. Баранцевича, Брусянина, В. Короленко, проф. Овсянко-Куликовскаго, С. Протопопова, А. Серафимовича, А. Яблонскаго и мн. др. Журналъ въ скоромъ времени стали высылать. Условія стачи на комиссію были очень хороши. По продажѣ №№ я долженъ былъ высылать по 10 коп. за каждый проданный № въ контору (№ въ продажѣ шелъ за 15 коп.). Прежде всего я предложилъ журналъ учащимъ № уѣзда и нѣкоторымъ врачамъ, Журналъ охотно брали. Одинъ врачъ просилъ высылать ему каждый вновь выходящій №. Брали журналъ не только крестьяне и фабрично-рабочіе, но и лица духовнаго званія. Предложилъ я №№ „Юж. Зап.“ и въ Уѣздн. Зем. Управѣ, и прежде всего г. Предсѣдателю. Предсѣдатель охотно согласился взять иѣсколко №№. Когда я предложилъ журналъ другому члену Управы, то послѣдній посмотрѣлъ журналъ и сказалъ: „а что, позвольте узнать, сколько вы получаете за комиссию. Навѣрно помимо тѣхъ денегъ, которые вы получаете отъ проданнаго №, вы получаете еще за то, что распространяете такой вредный журналъ“. Я сказалъ, что я получаю 5 коп. съ проданнаго №. Членъ не повѣрилъ и указалъ въ № на одинъ приговоръ отъ крестьянъ одной изъ южныхъ губерній. Въ приговорѣ высказывалась надежда крестьянъ, что Царь Батюшка смѣнить министровъ, которые обираютъ и грабятъ страну, и поставить такихъ, которые будутъ служить на пользу народу. Указанъ такой приговоръ, членъ ска-

заль, что соціалисты желаютъ, чтобы такие приговоры распространялись среди населения. Я возмущенный отошелъ. Этотъ же членъ, выдавая мнѣ деньги на руководліе въ школу (выдача денегъ была разрѣшена), говорилъ, что навѣрно эти деньги пойдутъ у васъ на другія цѣли (революціонныя). При этомъ членъ искренно хотѣтъ. Каково было въ душѣ учителя, это можетъ хорошо знать тотъ, кто пережилъ или переживаетъ всѣ подобнаго рода нападки и несправедливыхъ обвиненія. При всякомъ удобномъ случаѣ этотъ членъ Управы говорилъ мнѣ: „что вы тамъ дѣлаете? убили одного, зарѣзали другого, у васъ экспропрації“. На мое возраженіе, что я этого не дѣлаю, онъ отвѣчалъ, что это у васъ въ волосы. Наглость и издѣвателство члена доходили до того, что онъ однажды сказалъ мнѣ смѣясь: «вы навѣрно экспроприровали у священника N» (Неподалеку отъ мѣста моего училища явились къ мѣстному священнику экспропріаторы и взяли у него 20 руб.). Не могу не сказать и о слѣд. фактѣ.

Учащіе нашего уѣзда получаютъ жалованье съ 1-го числа каждого мѣсяца за мѣсяцъ, причемъ учащимъ конечно воспрещаются отлучки въ городъ въ учебное время. Я пріѣхалъ за жалованьемъ наканунѣ 1-го. Членъ Управы не разрѣшилъ получку, ссылаясь на то, что учащіе могутъ получить жалованье съ 1-го. Управа иногда отказывала въ получкѣ жалованья и 1-го, если это былъ воскресный день (единственный день, въ который учащіе могутъ явиться въ Управу), ссылаясь на недосугъ и др. обстоятельства. Я заявилъ Члену Управы, что мнѣ по семейнымъ обстоятельствамъ нельзя оставаться въ городѣ, что у меня нетъ денегъ и семья голодааетъ. Членъ Управы (имѣющій великоколѣпный магазинъ съ хорошими винами и закусками, имѣющій горячай ужинъ съ венгерскимъ и др. виномъ) сказалъ, что въ деревнѣ проживутъ и одной кринкой молока. (Нужно замѣтить, что молоко въ деревнѣ продается не всегда). Я пошелъ къ предсѣдателю (на домъ), который и разрѣшилъ выдачу жалованья. Говорить что каждый человѣкъ имѣетъ свою судьбу. На долю сельскаго учителя выпали холодъ, голодъ, страданіе, терпѣніе, молчанье и вѣчное покорство.

„Страдай, молчи, покорствуй и не плачь!“

Эти известныя стихи могутъ быть съ полнымъ правомъ

отнесены и къ сельскому учителю. Современная прекрасная действительность прибавила бы еще слѣдующія слова: и будь доволенъ, что тебѣ нѣ всегда еще даютъ 20-25 руб. въ мѣсяцъ жалованья и держать тебя въ холодной школѣ, а не въ одиночной тюрьмѣ.

Новий.

По поводу статьи г. Данненберга.

Пишу подъ впечатлѣніемъ случая, бывшаго во время диктовки: ученикъ 2-го отдѣленія написалъ вполнѣ сознательно слово ВАНЯ такъ: ВАНЬА, то есть точно согласуясь съ звуковымъ произношеніемъ. Когда мальчикъ съ азартомъ сталъ доказывать справедливость его написанія, я согласился съ нимъ, назвалъ объясненіе правильнымъ, но сообщилъ, что принято писать и печатать такія сложные слоги упрощенно, т. е. вмѣсто НЬА, просто НЯ.

Раньше, разъ встрѣчались сомнѣнія на этотъ счетъ, я всегда давалъ объясненіе буквамъ Ю, Я, Ё, Е, и никогда мнѣ мое собственное колоссальное невѣжество, мое заблужденіе не казалось столь пагубнымъ въ дѣлѣ обучения грамотѣ, какимъ представляется авторъ статьи „Темное пятно на свѣтломъ (?) *) фонѣ звукового способа обучения грамотѣ“ (От. нар. уч. № 3.).

Г. Данненбергъ говоритъ въ своей статьѣ о лжи и недовѣріи ребенка къ непосредственнымъ наблюденіямъ при изученіи алфавита. Но развѣ дѣти въ современной школѣ когда-нибудь иначе обучались? Развѣ истинное знаніе и истинная вѣра не замѣнены суррогатомъ знаній и вѣры? Развѣ не все условно и неестественно извращено въ угоду всему-только не истинѣ?

Но г. Данненбергъ касается реформы только алфавита. Повернемся къ нему лицомъ. И что же мы видимъ? Таже условность. Ребенку и здѣсь приходится на вѣру принимать, что звуки членораздѣльной рѣчи воплощаются въ рукахъ

*) Вопросительный знакъ мой. Откуда взялъ г. Данненбергъ, что звуковой способъ „свѣтлый“, не знаю. Достаточно пробѣжать книгу Вахтерова „На первой ступени обучения“, чтобы видѣть противорѣчія и шаткость основаній этого способа и откуда не выпесешь впечатлѣнія естественнаго, а также и *свѣтлаго*.

учителя въ печатные буквы. Онъ чувствуетъ обманъ и условность такого воплощенія. И нужно воображеніе ребенка и вѣра въ авторитетъ учителя, чтобы согласиться съ предлагаемымъ;—и онъ соглашается, хотя все это противорѣчить сущности вещей.

Разберемся въ слѣдующемъ: не слишкомъ ли пессимистично смотритъ авторъ статьи на преподаваніе лишнихъ буквъ, говоря: „въ дѣтяхъ воспитывается недовѣріе къ собственнымъ правдивымъ наблюденіямъ и внѣдряется способность принимать ложь за истину?“ Не попадемъ ли мы при предлагаемой реформѣ изъ одного круга компромиссовъ въ другой?

Обратимся къ дѣтямъ, къ ихъ играмъ, къ ихъ рисункамъ. Простой кусокъ дерева въ рукахъ дитяти превращается въ красавца ребенка, съ которымъ онъ ведетъ пѣльми часами самая оживленная бесѣды; простыя тряпочки—въ шелковыя нарядныя платья; хворостина изображаетъ кровнаго рысака; рядъ стульевъ жѣлѣзную дорогу; столъ служить домомъ и т. п.; въ рисункахъ и того болѣе,—ребенокъ ничего не видить не согласнаго съ его наблюденіями, ложнаго если на лицѣ нарисованномъ въ профиль нанести два глаза и ротъ во всю щеку, съ черточками вместо зубовъ; ноги и руки изображаются просто палочками, черезъ пляжу видны, волосы и черепъ; домъ не теряетъ своей красоты и натуральности, если окна подъ крышей, стѣны до того прозрачны, что не мѣшаютъ вамъ видѣть семью за чайнымъ или обѣденнымъ столомъ и пр., и построенъ—то онъ не по вертикальной линіи, и пропорціи частей требуютъ желать многаго, и т. д.

И неужели можно допустить мысль, что ребенокъ обманываетъ себя, или что съ этими неточностями „внѣдряется ложь и недовѣріе къ собственнымъ правдивымъ наблюденіямъ“ Конечно, нѣтъ. Онъ всему даетъ свое объясненіе. Почему же нельзя допустить что, если учитель дасть необходимое объясненіе условному изображенію звуковъ буквами, обманъ самъ собою уничтожится и вредъ потеряетъ свою остроту.

Чувствуемъ ли мы вредъ отъ того, что всю жизнь по навыку помнимъ, четыре правила ариѳметики и забываемъ точное ихъ объясненіе?

Теперь перейдемъ ко второму вопросу. Предлагаемая реформа г. Даниенбергомъ не сокращаетъ алфавита и, нови-

димому, не облегчаетъ орфографіи. Не облегчаетъ потому, что разговорная рѣчь дѣтей и литературная многими отличаются въ произношениі. Научить же дитя говорить сразу правильно невозможно, и будетъ оно путаться въ правилахъ письма, какъ и путалось до сего времени. Сокращая же алфавитъ на буквы я, е, ё, ю, придется признать сложныя йа, ѹо, йэ, йу и ѿ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, и пр., которыхъ безъ гласной И никакъ сказать ребенку (часто и взрослому) нельзя; значитъ, надо признать за Ь гласный звукъ. Но введя сложныя гласныя и смягченныя согласныя, все же примѣнять ихъ будетъ трудно, такъ какъ, напримѣръ, Я и послѣ согласной съ Ь сохраняетъ оттенокъ ЙА, или какъ различить начертаніе слова ПЯ и ПЬЯ, ОБЬЯ и ОБЯ и т. п. по звукамъ.

Чистую рѣчь мы слышимъ отъ взрослыхъ, дѣти-же чисто не говорять, нерѣдкость слышать замѣну буквъ д-т, б-п, г-х, ф-хв, з-с. И вновь мы впадаемъ въ необходимую условность, въ кругъ компромиссовъ, изъ котораго выходъ, пожалуй, и невозможенъ.

Я готовъ признать зло отъ алфавита (безъ ъ, ѹ, ё, и), но не въ самомъ алфавитѣ, а въ той авторитетности, съ которой ведется обученіе грамотѣ. Зло это проникаетъ въ самую глубь духовной жизни ребенка, поселяетъ неувѣренность въ своихъ выводахъ и парализуетъ ініціативу и творчество.

Глупыхъ людей много не потому, что они глупы, а потому, что авторитетъ „дерзновенныхъ“ убиваетъ деликатный умъ большинства людей. Убивають его въ школѣ съ первыхъ дней вступленія въ область авторитетовъ.

И вѣра въ авторитетность такъ вѣилась въ души всѣхъ, что, лишь начнется война смѣлыхъ противъ какого-нибудь архаизма, и взоры всѣхъ обращаются къ кудесникамъ—ученымъ авторитетамъ, дескать какъ отцы науки скажутъ, такъ тому и быть. Убить у насть частный починъ, духъ творчества въ созиданіи общественнаго благополучія. Авторитетъ держитъ за семью печатями великий духъ ініціативы.

И учительство россійское отъ того молчить; соберутся два-три труженика на нивѣ народной, поохаютъ, повздыхаютъ, да на томъ и разойдутся. Боятся повѣдать всенонародно скорби и думы свои; осмѣютъ, назовутъ высокочкой. Да хорошо ежелъ только обругаютъ, можетъ быть и хуже. Знавалъ

я „реальный“ случай изъ мрачной дѣйствительности. Одному товарищу, н. учителю, вздумалось поднять войну противъ „авторитетнаго“ ю, и лишь только, бѣдняга, занесъ палку, чтобы по чести воздать „сей губительницѣ душъ молодыхъ“ за ея безсовѣстную, беззлаберную, противоестественную жизнь въ русскомъ алфавитѣ, какъ наши авторитеты забили тревогу, поднялся шумъ, бѣготня, донесенія и кончилось изгнаніемъ не буквы ю, а дерзкаго хулителя и нерадѣтеля старины, несчастнаго учителя. Среди зими, съ больною женой, съ двумя крохотными малыми дѣтьми, безъ денегъ въ карманѣ выселили бѣднягу изъ казенной квартиры въ 24 часа.

Авторитетность уничтожить—не комара убить. Правда, авторитетность въ дни революціи сильно покачнулась въ своихъ основаніяхъ, однако не сочувствуя и раздѣленіе взглядовъ нужны, чтобы синхронъ съ пьедестала, нужно общественное сознаніе необходимости въ реформѣ. Что съ того, что я закричу: карауль! Теперь обыватель плотнѣе ставни закроетъ, а въ уши фунтъ гигроскопической ваты воткнетъ. Не видно, не слышно—такъ-то покойнѣе! Грустно это, омерзительно и гадко, да что подѣлаешь съ суровой дѣйствительностью.

И такъ, г. Данненбергъ, прежде чѣмъ бросать упрекъ учительству въ непониманіи глубокаго вреда отъ современнаго алфавита, давайте призовемъ учительство къ борьбѣ съ академичностью и авторитетностью обученія. Пусть дѣти указываютъ намъ путь къ истинѣ, а мы, учителя, станемъ очищать путь ихъ слѣдованія отъ сорныхъ травъ и наноснаго мусора.

Весь міръ, все окружающее измѣнчиво и условно; чѣго же бояться условнаго изображенія того, чѣго, подъ часъ, и изобразить нельзя?

Я. Зеленкевичъ.

Очёрки школьного дѣла въ Россіи

Еще въ маѣ 1904 г. въ г. Касимовѣ Рязанской губерніи состоялся подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ В. П. Стратилатова первый съездъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Касимовскаго уѣзда. Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдовтвій этого съезда, могущимъ имѣть не только специально хѣстное, районное значеніе, должна считаться около года тому назадъ выпущенная въ свѣтъ на средства Касимовскаго уѣзднаго земства книга „Учительскій съездъ въ г. Касимовѣ Рязанской губерніи. По отчету инспектора народныхъ училищъ В. П. Стратилатова“.

Всѣмъ наиболѣе цѣннымъ въ этой книгѣ непосредственно и косвенно по столкновенію и разъясненію многихъ весьма важныхъ вопросовъ школьнаго дѣла Россіи я воспользуюсь въ настоящей статьѣ, позволяя себѣ преимущественно преследовать цѣли не обычнаго журнально-библіографическаго отчета, а скорѣе всего обзора по существу.

Учите каждого!—Вотъ первое требованіе рациональной школы, столь глубоко продуманной и серьезно, аналитически—научно обоснованной извѣстнымъ англійскимъ писателемъ Гербертомъ Спенсеромъ, съ которымъ, быть можетъ, не всегда можно соглашаться даже и въ деталяхъ, но отрицать крупное выдающееся значеніе трудовъ котораго врядъ ли кто рѣшился въ нашъ ХХ вѣкъ.

Учите каждого!—Вотъ тотъ боевой лозунгъ—девизъ прогрессивнаго движенія нашего переходнаго времени, столь неспокойно и бурно требующаго всевозможныхъ радикальныхъ реформъ и часто скоропалительныхъ коренныхъ перестроеній, едва ли не всегда достижимыхъ сразу, какъ-то абстрактно, въ времени и пространства какъ-то само-собой, безъ вся-

кихъ координированныхъ усилий и трений, вызываемыхъ, именно, практикою дѣла, дѣятельностью *de facto*.

Надо замѣтить, что очень часто, къ крайнему сожалѣнію, такие и имъ подобные общіе, широкіе и неопределенные лозунги—„крылатыя слова“, быстро и по подражанію схватываются массою, едва ли не навязываются искусственно и выставляются либо уточнистами, признающими правильными всѣ порывы своихъ чувствъ, либо людьми, мало знакомыми съ специальную техникою дѣла, положимъ, и педагогического, его особенностями, только ему свойственными методами, пріемами вліянія и съ дѣйствительными реальными средствами выполненія на практикѣ.

Наше время соціально-экономического и политического переворота внесло, повторяю къ сожалѣнію, большую смуту во всѣ такіе, скажемъ, не только общественные, но и дѣловые вопросы, снабдивъ ихъ прогрессъ совершенно ненужною для скромнаго дѣла сегодняшняго дня страстностью, партійностью въ самомъ узкомъ смыслѣ, фанатическою нетерпимостью и прочими „камнями на вороту“, которые, игнорируя техническую сторону вопросовъ, не только обострили ихъ подчасъ до невыносимой боли, но и многіе изъ нихъ загнали въ душный тупикъ, откуда буквально не видно выхода при современномъ *status quo*.

По отношенію къ выдвинутому, въ этой статьѣ, лозунгу:—Учите всѣхъ!—къ моему внутреннему удовлетворенію, при объективномъ разсмотрѣніи общаго положенія можно избѣгнуть этихъ нежелательныхъ и глубоко досадныхъ трений и противорѣчій. Учите всѣхъ!—говорить редакція журнала „Русскій Начальный Учителъ“ въ передовой статьѣ „на 1907 годъ“ № 1. Учите всѣхъ!—поддерживаетъ редакцію и г. Н. Рудольфъ въ своей статьѣ „къ вопросу о всеобщемъ обученіи“. Такимъ образомъ, общій, широкій и неопределенный лозунгъ момента получаетъ конкретную базу и, такъ сказать, освященіе педагоговъ—специалистовъ.

Учите всѣхъ...

Но гдѣ тѣ, къ кому можетъ и долженъ быть обращенъ этотъ гуманный, человѣчный призывъ, гдѣ они—печальники о темнотѣ и невѣжествѣ народномъ, гдѣ народные учителя? Ихъ голосъ долженъ имѣть рѣшающее значеніе; отъ ихъ энергіи, умѣнія организовать и вести дѣло зависитъ истин-

ная цѣнность и практическая осуществленность всѣхъ, даже наиболѣе совершенныхъ, проектовъ и законодательныхъ распоряженій по народному образованію, понимая, впрочемъ, подъ этимъ терминомъ всю систему и совокупность воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, существующихъ въ государствѣ, начиная отъ простейшихъ и элементарнѣйшихъ школъ грамотности и кончая высшими школами, со всѣми разнообразными типами специальныхъ школъ включительно отъ низшихъ профессиональныхъ школъ до институтовъ для благородныхъ дѣвицъ и кадетскихъ корпусовъ, отъ школъ ремесленныхъ учениковъ до школъ правовѣдѣнія, техническихъ, музыкальныхъ, рисовальныхъ и т. п.

На первый взглядъ такое сопоставленіе (чуть ли не механическое) различныхъ школъ можетъ показаться страннымъ, парадоксальнымъ; но если вникнуть глубже въ самую суть вопроса, то станетъ вполнѣ ясно, что вся современная система образования и воспитанія юношества не только Россіи, но и всего человѣчества, вообще вездѣ, где существуетъ какая бы то ни было специализація школы для дѣтей и юношней, не достигшихъ возмужалости, (*) что вся эта система основана на^и признаніи возможности предѣшненія для каждого отдельного индивидуума той конечной формы, до которой онъ можетъ и долженъ развиться. Въ большинствѣ же случаевъ въ основе этой системы лежитъ даже не это теоретическое положеніе, а простое практическое стремленіе приспособить людей къ существующему порядку. Послѣдняго вопроса, однако, я не буду касаться здѣсь, чтобы за его неопределенностью и расплывчивостью не вызывать нежелательныхъ уклоненій вовсе въ сторону и непроизводительной въ данномъ случаѣ полемики.

Впрочемъ, я считаю своею нравственнюю обязанностью для желающихъ заняться этимъ специально указать статью „Дѣтскій трудъ и народное образованіе“ г. Э. З. (январь—апрель журнала „Образованіе“ за 1903 годъ).

Такъ или иначе, но передъ нашимъ отечествомъ встаетъ на очередь серьезный вопросъ о необходимости количествен-

*) И «стигшихъ» возмужалости въ специальныхъ батальонныхъ, батарейныхъ и бригадныхъ школахъ въ войскахъ, въ школахъ, знакомыхъ автору по личному педагогическому опыту.

номъ и качественномъ составѣ народныхъ учителей, приспособленномъ къ современнымъ расширеннымъ потребностямъ. Откуда взять учителей?

Въ медалированномъ сочиненіи ученицы 1-ой Тифлисской Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназіи выпускного VIII класса М. Н. Вамензонъ „о необходимости всеобщаго народнаго обученія“, какъ, впрочемъ и почти во всѣхъ аналогичныхъ сочиненіяхъ, дѣлаются ссылки и указанія на Германію и пресловутаго „немецкаго учителя“^(**), ссылки требующія извѣстнаго развитія и дополненія. Разница между Германіей и Россіей въ этомъ смыслѣ громадная и въ количественномъ отношеніи, и въ качественномъ, и въ самой базѣ практической подготовки народныхъ учителей.

Въ Россіи къ 1 января 1899 года было: учительскихъ институтовъ—9, учительскихъ семинарій и школъ—всего 63; число и тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ съ целью приготовленія учителей для городскихъ, уѣздныхъ и начальныхъ училищъ, конечно, признавалось и признается недостаточнымъ и состояніе ихъ, при крайне скучныхъ средствахъ, неудовлетворительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, контингентъ учащихся въ учительскихъ институтахъ къ тому же 1 января 1899 г. равнялся 1525, а въ учительскихъ семинаріяхъ 4388, въ инородческихъ учительскихъ школахъ 364, въ земскихъ учительскихъ школахъ 697, всего 6974 учащихся на 130—милліонное населеніе Россіи. Неволѣло вспомнить, что, когда прежде выдвигался проектъ обязательнаго всеобщаго обученія, ему часто противопоставляли прогрессивное увеличеніе числа училищъ вовсе не достигающее истинной цѣли, но не требующее такого рѣзкаго перехода, неизбѣжно связаннаго съ пониженіемъ качественного уровня средн资料的 учителя.

Указанныя цифры, относящіяся къ Россіи и вводящія школу въ кругъ объектовъ изслѣдованія, такъ называемой нравственной статистики наряду съ церковью, движениемъ и политикою населенія, браками и законными рожденіями (но сколько въ послѣднихъ находятъ выраженіе факторы не-физиологического порядка), рожденіями незаконными и развра-

^(**) См. мою рецензію на вып. 7 книги Э. Реклю „Земля и люди“ стр. 211-215 № 7-8 журнала „Русский Начальный Учитель“ за 1906 годъ.

томъ, преступленіями и самоубійствами, эти незначительныя цифры приобрѣтутъ тѣмъ болѣе печальное значеніе, когда мы попытаемся освѣтить ихъ отношеніе къ необъятному пространству нашего отечества (особенно ощущителенъ недостатокъ учителей на окраинахъ), углубленіемъ исторической перспективы и критико-аналитическимъ сравненіемъ, хотя бы, напримѣръ, съ положеніемъ педагогического дѣла въ столь согласно восхваляемой Германіи.

Въ самомъ дѣлѣ, первымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, учрежденнымъ съ цѣлью приготовленія учителей всевозможныхъ начальныхъ училищъ, было главное народное училище, открытое въ С.-Петербургѣ въ 1783 году и просуществовавшее до 1804 года. Въ 1820 году возникъ первый учительскій институтъ въ вѣдомствѣ императорскаго С.-Петербургскаго университета, но черезъ два года былъ упраздненъ. По уставу 1828 года право быть учителемъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ было предоставлено всѣмъ, кто могъ выдержать установленное для того (положеніемъ 1 марта 1846 года) испытаніе при университѣтѣ или гимназіи. Больше того, до 1864 года специальныхъ учрежденій для подготовки учителей въ низшія учебныя заведенія не существовало вовсе; такимъ образомъ 81 годъ прошелъ для этого дѣла почти безъ всякихъ осознательныхъ результатовъ.

При изданіи въ 1864 году положенія о народныхъ училищахъ министерство народного просвѣщенія устроило первую учительскую семинарію для западной окраины,—съ тѣхъ поръ, со времени подъема и въ школьному дѣлу, вызванного общественнымъ движениемъ „эпохи великихъ реформъ“, возникло довольно много аналогичныхъ заведеній, въ общемъ числѣ, однако, для Россіи недостаточныхъ, какъ мы уже видѣли выше. Изъ этихъ учебныхъ заведеній учительскіе институты учреждаются со времени изданія положенія о городскихъ училищахъ 1872 года съ цѣлью приготовленія учителей для этихъ училищъ.

Періодические лѣтніе сѣзьмы учителей, образующіе собою педагогическіе курсы и открываемые, съ разрѣшенія понечи теля мѣстнаго учебнаго округа, по представлению инспектора или директора народныхъ училищъ (правила по этому предмету утверждены г. министромъ народного просвѣщенія 5 августа 1875 года)—эти сѣзьмы часто называются *временными*

учительскими семинариями и пытаются служить цѣлямъ само-развитія учащихъ, обмѣна мнѣніями, наблюденіями и выводами изъ личного опыта и т. д. Расходы по устройству такихъ съѣздовъ обычно принимаются на себя тѣ учрежденія и лица, по ходатайству которыхъ учреждаются и открываются эти курсы-съѣзы.

О расходахъ по Касимовскому учительскому съѣзду, понесенныхъ Касимовскимъ уѣзднымъ земствомъ, будетъ сказано ниже въ связи съ резолюціями и послѣдствіями названного съѣзда.

Я не имѣю свѣдѣній о подобныхъ учительскихъ съѣздахъ за-границею и съѣздахъ международныхъ, но смѣю утверждать, что значеніе такихъ съѣзовъ особенно должно быть велико и плодотворно, именно, у насъ въ Россіи.

Для подтвержденія этой мысли конкретными данными и для дальнѣйшаго развитія сравненія съ Германіей сообщу кое-какія свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи и постановкѣ дѣла въ заграничныхъ семинаріяхъ. Въ Западной Европѣ подъ именемъ семинаріи (отъ латинскаго слова *seminarium*—разсадникъ) понимаютъ образовательное учрежденіе для подготовленія духовныхъ лицъ и учителей преимущественно народныхъ школъ. Название „семинарія“ появляется впервые во времена тріечтского собора (1545-1563г.г.) и было официальнымъ наименованіемъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ цѣлью подготовленіе духовныхъ лицъ. Позже и въ Германіи и во Франціи была сознана необходимость въ учрежденіи аналогичныхъ семинарій для подготовки будущихъ учителей, преимущественно учителей для народныхъ школъ. Еще герцогъ саксенъ-готскій Эрнестъ Благочестивый (скончавшійся въ 1675 году) предполагалъ открыть такую семинарію. Мысль обѣ учрежденіи семинарій для учительницъ защищалъ Фенелонъ въ своемъ сочиненіи о воспитаніи дѣвицъ, выпущенномъ въ свѣтъ въ 1687 году.

Ранѣе этого въ 1684 году была открыта въ Реймсѣ „Seminaires des maîtres d' école“. Мысль же герцога саксенъ-готскаго Эрнеста Благочестиваго была осуществлена, претворена въ дѣйствительность въ Германіи Августомъ Германомъ Франке въ Галле, и основанная имъ въ 1695 году *Seminarium praesertorum* выпустила много учителей для среднихъ и низшихъ школъ. Въ 1732 году была открыта семинарія близъ

Штеттина, въ 1735 году—близь Магдебурга, въ 1784 году—въ Берлинѣ, запоздавшемъ и съ открытиемъ своего университета противъ другихъ германскихъ городовъ, и т. д.

Мало-по-малу эти полезныя учрежденія, часто именовавшияся, кромѣ того, и нормальными школами, распространились—раскинулись въ большомъ числѣ, съѣю большей или меньшей густоты, по территории Германіи, Австріи и Швейцаріи, находясь подъ дѣятельнымъ покровительствомъ духовныхъ лицъ, какъ католического, такъ и протестантскаго вѣроисповѣданія, и такъ называемыхъ филантропистовъ, ставившихъ цѣлью подобныхъ учебныхъ заведеній, по словамъ Іоганна-Бернгарда Базедова (Басседау), воспитаніе „не католическое, лютеранское или реформатское, а христіанское“, где „учебники свободны отъ нетерпимости богословско-догматическаго христианства“. Базедовъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ идеи „Эмиля“ Руссо, хорошо знакомый съ воззрѣніями Амоса Коменскаго, выпустилъ нѣсколько педагогическо-общественныхъ сочиненій, на ряду съ которыми выступила и на практикѣ реформаторомъ воспитанія въ Германіи, а если окажется возможнымъ, то и въ другихъ странахъ, указывая повсюду то, что должно было стать „языкай реального и номинальнаго человѣческаго познаванія“. Цеопольдъ-Фридрихъ-Францъ, герцогъ дессаускій, поручилъ Базедову практически осуществить его педагогическую систему въ особомъ училищѣ, которое въ 1774 году было основано въ Дессау Базедовымъ подъ названіемъ „Philantropiæ“.

Это былъ пансионъ для учениковъ до 18—лѣтнаго возраста, обучаемыхъ языкамъ нѣмецкому, французскому, латинскому и греческому и, кромѣ того, «всѣмъ наукамъ, потребнымъ въ благоустройствѣ общества, а также всѣмъ учащимъ и гимназическимъ предметамъ, до приготовительныхъ къ университетскимъ включительно»—какъ значилось въ программѣ пансиона. Таковъ былъ широкій и отчасти не определенный масштабъ размаха энергичной и кипучей науки Базедова. Впрочемъ, въ числѣ одобрительныхъ отзывовъ о пансионѣ Базедова и педагогическихъ началахъ, положенныхъ въ его основаніе, были отзывы такихъ авторитетовъ, какъ Роковъ, Гамбахъ, Иゼлиновъ, Кантъ, Эйлеръ и многие другие.

Какъ въ системѣ Базедова впослѣдовѣи были усмотрѣ-

ны недостатки и ёвоеобразная односторонность, такъ и, вообще, по отношенію къ учительскимъ семинаріямъ въ извѣстномъ историческомъ періодѣ наступило охлажденіе. Вновь обратили на себя особое вниманіе семинаріи учителей въ Германіи примѣрно начиная съ 1807 года, вслѣдствіе общаго национальнаго возбужденія, охватившаго Германію послѣ разгрома ея Наполеономъ въ 1806 году, и подъ мощнымъ вліяніемъ свѣтлыхъ идей Песталоцци.

Однако можно съ увѣренностью утверждать, что только въ послѣднія десятилѣтія прошлаго XIX вѣка забота о систематическомъ подготовленіи свѣдущихъ учителей для народныхъ школъ была признана въ Западной Европѣ непремѣнною и продуктивно-полезною обязанностью государства. Въ самомъ дѣлѣ, статистика указываетъ, что болѣе чѣмъ изъ 200 правительственныхъ семинарій въ Германіи ^и 40% были открыты послѣ 1872 года, создавшаго легенду о «школьномъ учителѣ»; кроме того; изъ 36 правительственныхъ и частныхъ женскихъ семинарій учительницъ въ Пруссіи лишь одна семинарія нынѣ существуетъ около бѣ лѣтъ.

Принимая во вниманіе, что учительскія семинаріи въ другихъ государствахъ привились и распространились, главнымъ образомъ, по примѣру Германіи, и что въ самой Германіи прогрессъ въ этой области не является ^и наслѣдіемъ давнихъ временъ, а лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ систематическихъ, строго согласованныхъ, координированныхъ усилий, мы должны сознаться, что задача, стоящая передъ нами въ настоящее время не такъ ужъ трудна и недостижима. Въ самомъ дѣлѣ, и во Франціи, где во время революціи дѣлу подготовки народныхъ учителей оказывалось большое вниманіе, стали особенно заботиться объ *écoles normales* (какъ тамъ именуются семинаріи), лишь въ XIX вѣкѣ, именно, подъ вліяніемъ успѣховъ Германіи. Во Франціи нормальная школы въ настоящее время урегулированы декретомъ 29 іюля 1881 года. Кромѣ этихъ школъ во Франціи, а также въ Италіи и Венгрии, функционируютъ особья семинаріи для подготовленія учителей и учительницъ высшихъ народныхъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Каковы же задачи подготовки учителей въ семинаріяхъ отчасти во исполненія и развиваются на живыхъ учительскихъ съѣздахъ?

Главное дѣло чисто педагогического характера семинарій, курсовъ и подготовительной практики учителей-выработка метода, умѣнья сообщать знанія и развивать силы учащихся; все перечисленное здѣсь, какъ то и вполнѣ понятно, имѣетъ одинаковое значеніе съ самимъ знаніемъ учащихъ. Никогда не слѣдуетъ забывать такихъ простыхъ истинъ: правильный методъ приносить великую неоцѣнимую пользу даже и при необширныхъ познаніяхъ учителя, наставника, лица ведущаго общедоступное народное чтеніе, бесѣду; при извращенномъ же методѣ самая обширнѣйшія, ученыхъ познанія имѣютъ въ школѣ и особенно въ школѣ начальной весьма сомнительное достоинство. Вотъ почему часто профессора высшихъ учебныхъ заведеній, знаменитые ученые, общепризнанные специалисты—оказываются посредственными и часто вовсе неудовлетворительными преподавателями.

Изъ моей личной педагогической практики я могъ бы привести много случаевъ, когда молодой офицеръ при близкомъ пониманіи солдата и правильномъ методѣ достигалъ поразительныхъ результатовъ въ преподаваніи полуграмотнымъ и даже неграмотнымъ вовсе солдатамъ геометріи, ариѳметики съ дробями и тройнымъ правиломъ, начатковъ топографіи, подрывного, телефонного, телеграфного, саперного дѣла. Не разъ также случалось сталкиваться съ едва преображенюю трудностью пониманія тѣми же самыми нижними чинами ученыхъ академиковъ, теоретиковъ-специалистовъ, не владѣющихъ никакими педагогическими способностями.

Въ интересной хотя мѣстами пристрастной и отчасти парадоксальной книѣ „изъ Америки“ Дюлонъ такими чертами обрисовываетъ Германскія семинаріи:

„Въ своихъ воспитанникахъ семинаріи развивають потребность знанія, вмѣсть съ умѣніемъ успѣшно заниматься, и кладутъ первое основаніе столь обширному образованію, какое не всегда встрѣчаемъ и между университетскими студентами. Но въ особенности нужно обратить вниманіе на то практическое умѣніе преподавать*), какое семинаріи развивають въсвоихъ способнѣйшихъ (?) воспитанникахъ. Превосходные упражненія, основательно подготовленныя теоретически

*.) Курсивъ, какъ и далѣе поставленный въ скобкахъ ?, принадлежитъ мнѣ.
Л. М.

и производимыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюдениемъ искусенныхъ руководителей, принесли гораздо больше пользы, чѣмъ тысячи продиктованныхъ тетрадокъ. Эти упражненія довели способнѣйшихъ воспитанниковъ семинарій до совершенства въ искусствѣ дѣлать вопросы,— имѣющемъ столь огромное педагогическое значеніе,— въ умѣніи говорить съ дѣтьми, въ умѣніи заинтересовать ихъ предметомъ преподаванія, наконецъ, въ умѣніи пробудить въ дѣтяхъ, доведенныхыхъ, иногда горькою бѣдностью до состоянія животнаго, все свойственноеихъ человѣческой натурѣ. Этимъ же упражненіямъ воспитанники семинарій обязаны и своимъ искусствомъ выбирать соотвѣтствующій данному случаю методъ и своею способностью управлять вѣренными имъ классами. Между этими воспитанниками мнѣ приходилось встречать и превосходныхъ учителей пѣнія и отличныхъ учителей рисованія, чистописанія".

Такой отзывъ г. Дюлона побуждаетъ меня еще нѣсколько далѣе развить свѣдѣнія о Германскихъ семинаріяхъ, устройство которыхъ весьма различно. Характеръ семинарій измѣняется отчасти и оттого, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитанники—интерны, въ другихъ—экстерны. Самая продолжительность обученія въ учительскихъ семинаріяхъ не однообразна: въ Пруссіи, напримѣръ, она равняется 3 годамъ, которымъ предшествуютъ еще 2-3 года усиленныхъ занятій въ приготовительной школѣ, а въ Саксоніи, гдѣ во всѣхъ семинаріяхъ введено обязательное изученіе латинскаго языка, продолжительность курса доходитъ до 6 лѣтъ. Въ Пруссіи, вообще, изученіе иностранного языка предоставлено на болѣе или менѣе свободный выборъ самаго учащагося.

Въ большинствѣ нѣмецкихъ семинарій, какъ это можно понять изъ цитированныхъ выше словъ г. Дюлона, введено въ программу изученіе музыки, особенно игры на органѣ, такъ какъ въ Германіи учителя обыкновенно занимаются также и должность органистовъ въ церквахъ. Во всѣхъ семинаріяхъ Германіи обучаются гимнастикѣ и рисованію, весьма часто также и сельскому хозяйству, садоводству и разведенію плодовыхъ деревьевъ. При всѣхъ благоустроенныхыхъ семинаріяхъ состоятъ образцовые школы, въ которыхъ семинаристы старшихъ классовъ упражняются въ преподаваніи, подъ присмотромъ и ближайшимъ руководствомъ своихъ

учителей. Кроме того, многие семинаристы находятся въ тѣсной связи съ учреждениями для глухонѣмыхъ, гдѣ семинаристы практически занимаются съ глухонѣмыми.

Вотъ тотъ *minitum* фактическихъ свѣдѣній о Германскихъ семинаріяхъ, который крайне необходимъ, какъ база, основной материалъ для анализа и сравненія. Однако, я долженъ сознаться, что и въ работахъ русскихъ писателей и въ сочиненіяхъ многихъ иностранцевъ вовсе не отѣняется, не выясняется разница между двумя различными коренными типами Германскихъ семинарій, отсутствіе которой (то-есть, ясной разницы) вноситъ путаницу въ понятія и не позволяетъ точно указать статистической данныя, относящіяся къ учительскимъ семинаріямъ въ собственномъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи въ настоящее время существуютъ при университетахъ или находятся съ ними въ тѣсной внутренней, органической связи многочисленные практическіе институты,* носящіе название семинарій историческихъ, статистическихъ, экзегетическихъ, катехизическихъ, гомилетическихъ, литургическихъ, филологическихъ, археологическихъ, педагогическихъ, наконецъ. Подобная семинарія служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ чисто научнымъ теоретическимъ лекціямъ профессоровъ, почти всѣхъ факультетовъ.

Изъ вышеуказанного перечня такихъ университетскихъ семинарій видно, что болѣе детальная специализація приходится на факультетъ теологической—богословской; однако, наибольшее значеніе среди этихъ семинарій имѣютъ педагогическая семинаріи, цѣль которыхъ практическое подготовленіе учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. И при такихъ семинаріяхъ, не какъ общее правило, часто находятся особыя школы для педагогическихъ упражненій будущихъ учителей.

Первообразомъ семинарій при университетахъ является вышеупомянутая *seminarіum* *ргаесрторум*. Кроме того, уже въ XVIII вѣкѣ въ Германіи возникъ цѣлый рядъ подобныхъ педагогическихъ семинарій въ такомъ хронологическомъ порядке: въ Геттингенѣ въ 1737 году, въ Галле при универ-

*)Нѣчто подобное представляютъ наши общества любителей естествознанія, изслѣдований въ области исторіи, психологіи, даже музыкальные кружки при университетахъ,—также специальный аэродинамический институтъ Д. И. Рябушинского въ Кучино, подъ Москвою. *Л. М.*

ситетъ въ 1776 году, въ Берлинѣ при гимназіи въ 1788 году. Въ поясненіе послѣдней даты слѣдуетъ прибавить, что самыи университетъ въ Берлинѣ основанъ едва только въ 1810 году.

Особенно усиленно рекомендовалъ учрежденіе педагогическихъ семинарій при университетахъ Іоганнъ Фридрихъ Гербартъ, философъ—реалистъ въ своей метафизикѣ и идеалистъ въ этикѣ, страстно преданный педагогикѣ и ся величимъ задачамъ. Однако по мнѣнію многихъ другихъ авторитетныхъ писателей, съ практической точки зренія является гораздо болѣе удобнымъ соединеніе учительскихъ семинарій съ средними учебными заведеніями и даже, по мѣрѣ возможности, съ семинаріями для подготовки народныхъ учителей. Интересенъ въ этомъ отношеніи взглядъ офиціальныхъ руководителей школы въ Германіи: изданніемъ еще въ 1890 году циркуляромъ прусской министръ народного просвѣщенія фонъ-Гослеръ предписалъ, чтобы все кандидаты въ учителя, до допущенія ихъ къ пробнымъ класснымъ урокамъ и систематическимъ запятіямъ, пробыли годъ въ педагогической семинаріи. Результатомъ непосредственна:о вліянія этого циркуляра явилось поспѣшное открытие ряда новыхъ учительскихъ семинарій, именно, при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ...

Въ какомъ же положеніи находится наше отечество на окончаніи такой серьезной реформы, какъ введеніе всеобщаго народного обученія? Вопросъ этотъ отнюдь не праздный и, тѣсно примыкая къ оценкѣ ближайшаго и даже отдаленнаго прошлаго начальной школы, неоднократно всплывалъ на очередь въ послѣдніе года. Въ внесенному въ 1902 году на разсмотрѣніе нижегородскаго губернскаго земскаго собранія интересномъ докладѣ А. И. Зыбина встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія мысли.

„Съ тѣхъ поръ,—говорить г. Зыбинъ во вступленіи къ своему докладу,—какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я перебѣжалъ изъ города въ деревню и изъ бюрократа превратился въ мѣстного дѣятеля, съ тѣхъ поръ, какъ началъ смотрѣть на жизнь русскаго человѣка въ деревнѣ не съ отдаленной точки зренія теоретического закона, съ тѣхъ поръ мало-помалу начало кореннымъ образомъ измѣняться мое прежнее представленіе о русскомъ крестьянинѣ, объ условіяхъ его

жизни, индивидуальныхъ особенностяхъ его своеобразного характера, а затѣмъ измѣнился и мой взглядъ на тѣ правительственный мѣропріятія, которыя уже приняты или еще не приняты, но которыя слѣдовало бы принять для того, чтобы сдѣлать русскаго земельнаго работника полезной силой государства. Такія мѣропріятія должны были бы коснуться многоразличныхъ сферъ: самоуправлениія, аграрныхъ отношеній,—гражданскаго и уголовнаго права и, наконецъ, образованія. Настоящий мой докладъ касается послѣдней сферы, поэтому о ней только я и буду говорить. Подъ влияниемъ чужихъ мнѣній и теоретическихъ выводовъ въ городѣ я былъ противникомъ идеи широкаго народнаго образованія, полагая что мужику нужно заботиться только о хлѣбѣ, образованіе же для него роскошь, а всякая роскошь вредна дѣлу. Переѣхавъ въ деревню и присмотрѣвшись къ этому самому мужику, я, во первыхъ, сталъ убѣжденнымъ защитникомъ народнаго образованія, какъ главнаго и единственнаго залога успѣшнаго цѣлесообразнаго и жизненнаго проведенія всѣхъ другихъ необходимыхъ реформъ въ жизни крестьянства, а во вторыхъ, сталъ не менѣе убѣжденнымъ противникомъ образованія въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ по закону установлено. А потому, считая своей обязанностью, какъ землевладѣльца, какъ гласнаго земства и вообще какъ русскаго человѣка, говорить правду о томъ, что явили плохого, и предлагать то, что по моему разумѣнію хорошо, я и позволилъ себѣ выступить передъ губернскимъ земствомъ съ настоящимъ моимъ докладомъ“.

Причинъ неудовлетворительной постановки дѣла г. Зыбинъ указываетъ двѣ: 1) неудовлетворительность школьнай программы (этой причины, какъ и многочисленныхъ вынужденій автора по адресу правительства и закона, мы здѣсь касаться не будемъ вовсе); 2) контингентъ учителей народныхъ школъ и ихъ соціальное положеніе (вотъ эта-то причина въ данный моментъ является наиболѣе интересною въ нашихъ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія вопроса); что касается школьнай учителей и учительницъ (цитируемъ г. Зыбина), то „все это—молодыя, честныя, добросовѣстныя силы, но такія, которыя еще сами вчера учились и которыми еще слѣдуетъ много и долго учиться; и вотъ эти неопытныя дѣти отправляются учить и воспитывать другихъ дѣтей въ

обстановкѣ, совершенно имъ незнакомой, и, главное, нравственно и материально весьма тяжелой, и начинаютъ вершить то дѣло, для которого нужны и любовь, и талантъ; и долговременный опытъ. Странная вещь: для того, чтобы выдрессировать собаку или лошадь, хозяинъ обратится непремѣнно къ специалисту, знающему дѣло по опыту, и не поручить это дѣло первому встречному, а для того, чтобы воспитать человѣка, какъ оказывается, специального знанія вовсе не требуется,—такъ какъ какое же специальное знаніе, какой опытъ у 18-лѣтняго юноши или девицы, кончившей курсъ начального училища?“

По мнѣнію г. Зыбина, „положеніе народного учителя должно быть твердое и высокое какъ въ соціальномъ, такъ и въ материальномъ отношеніи: должность эта должна быть почетная, корпорація учителей сильная, материально независимая, пополняться она должна людьми съ высокимъ образовательнымъ и возрастнымъ цензомъ; и тогда можно требовать настоящаго воспитанія народа“.*)

Опускаемъ нападки г. Зыбина на священниковъ—законноучителей...

Какъ известно, на святкахъ 1902-1903 г.г. въ Москвѣ состоялся первый съездъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, на которомъ характерный обмѣнъ мнѣній вызвалъ докладъ доктора Д. Д. Бекарюкова „о мѣрахъ къ поддержанію здоровья учащихъ“. По мнѣнію докладчика необходимо, „чтобы число учащихся на одного преподавателя не превышало сорока“.

„Наши русскія условія“—написала Л. Н. фонъ-Рутценъ— „не позволяютъ провести въ жизнь этого дѣйствительно хорошаго и при другихъ уловіяхъ необходимаго ограниченія: половина Россіи неграмотна! Попробуйте ограничить число учащихся нормою въ 40 человѣкъ и осуществление идеи всеобщаго обучения отодвинется въ далекое будущее. Подобная мѣра гибельно отзовется на народномъ образованіи: многихъ учениковъ придется удалить изъ школы“.

Мнѣніе Л. Н. фонъ-Рутценъ кое-кто поддержалъ тотчасъ же, однако большинство высказалось противъ предложенія

*) Всѣ цитаты взяты изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Въ книгѣ Дюлона „Изъ Америки“ встрѣчаемъ аналогичную сѣтованія по поводу молодого возраста американскихъ учительницъ.

такихъ тяжелыхъ русскихъ условий. Я добавлю, что это было въ 1903 году, до русско-японской войны и всѣхъ последующихъ внутреннихъ смутъ и волнений, хотя, для меня въ данномъ случаѣ интересенъ самыи предпосылки, ясно показывающій—неосвѣщенность и неопределённость этого вопроса.

Ораторы возражавшіе противъ только что изложенного мнѣнія говорили приблизительно слѣдующее: Заявленіе госпожи фон-Рутценъ объ отдаленіи всеобщаго обученія несправедливо, потому что Россія—богата; только на народное образованіе у насъ расходуется очень мало. Мы слышимъ о двойномъ и тройномъ трудѣ учителя: учащіе, моль, обязаны принимать всѣхъ иныхъ свѣта, такъ какъ церцодлненіе школы зависитъ отъ недостатка средствъ. Но въ томъ, что и дѣло, что существуютъ условия, неблагопріятныя для лучшей постановки дѣла. Госпожа фонъ-Рутценъ хочетъ провести хорошее дѣло—дѣло народнаго образования, не считаясь съ силами учащихъ, и хорошее дѣло требуетъ и хорошихъ средствъ...*)

Предложеніе докладчика доктора Д. Д. Бекарюкова было принято.

Извѣстный земскій дѣятель Кн. Н. Д. Долгоруковъ, также выступавшій на этомъ же съездѣ докладчикомъ, почти одновременно съ этимъ помѣстилъ въ мартовской книжкѣ журнала „Образованіе“ за 1903 годъ статью подъ такимъ заглавіемъ: „О начальвыихъ училищахъ. О пересмотрѣ положенія о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года“. Въ этой статьѣ между прочимъ, встрѣчаетъ слѣдующее египето автора.

„По нашему глубокому убѣждѣнію, школа должна быть въ концѣ концовъ государственна, то есть государство, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ совокупность всѣхъ гражданъ, и при ближайшемъ участіи ихъ въ дѣлахъ управления, обязано давать возможность каждому подростающему гражданину извѣстный минимумъ знаній, называемый начальнымъ образованіемъ, наблюдать, чтобы этотъ минимумъ вѣдь проходили и, кроме того, такъ построить общую систему своихъ школъ чтобы всякий, окончивший начальную школу могъ при благопріятныхъ условияхъ (**).“

*) Дневникъ съѣзда № 4; см. также „письмо къ редакторамъ Дневника“ въ № 8.

Л. М.

**) Курсы мой.

Л. М.

Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ примѣръ Англіи, такъ какъ въ ней, несмотря на всю преобладающую роль частной и общественной инициативы въ всѣхъ отрасляхъ жизни, государство въ школьномъ дѣлѣ въ послѣднее время выступаетъ все въ болѣе объединяющей, а отчасти и поощряющей роли⁴⁾.

Докладъ Печальныи докладъ Казанской уѣздной земской управы Собранию послѣдней очередной сессіи 1902 года дать поводъ г. В. В. Хижнякову указать, чтоnota разочарованія въ современной начальной школѣ, которая слышится въ докладѣ Казанской управы, не составляетъ ея особенности. Въ послѣднее время подобная же оценка постановки начального обучения и школьной программы дѣлается все болѣе общую, и это ярко выражилось въ рѣчахъ общественныхъ дѣятелей и постановленіяхъ различныхъ общественныхъ [собраній, пестикшаго года^{4)*}].

„Россія нуждается“, — говоритъ въ своемъ докладѣ Костромская уѣздная управа, — „въ распространеніи грамотности, на чемъ мы держимся доселе, а именно въ народномъ образованіи и просвѣщеніи“.

„Школа“, — по словамъ предсѣдателя Грязовецкаго (Вологодской губерніи) уѣздного комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, г. Брянчанинова, — «тогда только удовлетворяетъ своему высокому назначению, тогда она даетъ ученику такую подготовку, такую сумму знаній, такое развитіе, что окончившій въ ней курсъ можетъ продолжать свое образованіе чтеніемъ полезныхъ книгъ, когда она возбуждаетъ въ немъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ, когда онъ, постепенно развиваясь, почтуетъ себя свободною личностью и, познавши свое собственное человѣческое достоинство, будетъ признавать его цѣль другихъ». Для освобожденія народа отъ тяжелаго ига умственного мрака и нравственнаго неразвитія „требуются не жалкіе, паліативы въ видѣ земскихъ начальныхъ училищъ или скромныхъ, по своимъ размѣрамъ и еще болѣе по своему содержанію, библиотечекъ съ ограниченными каталогами, а необходимы мѣры радикальныя, измѣненія коренные, обоснованныя на правильной системѣ“.

*) В. В. Хижняковъ, очередная земская [собранія] сессій 1902 г. Журналъ „Народное Хозяйство“ за 1903 годъ, книга 1-я. Л. М.

Таковы упреки, обвинения, туманные перспективы будущего, выходящие изъ известной категоріи взглядовъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей...

Ну, а учитель? педагогический персональ?..

Вѣдь, изъ кучи всѣхъ этихъ, иногда противорѣчивыхъ мнѣній и запросовъ можно же прійти къ какому-нибудь положительному выводу и разъ намѣчены недостатки, энергично двинутыя по пути ихъ исправленія, усовершенствованія, переработки системы, если это дѣйствительно вызывается жизненными требованіями.

Что касается недостатковъ, отчасти намѣченныхъ выше и зависящихъ отъ свойствъ и условій существованія опредѣленной профессиональной среды, то они безусловно есть и съ ними необходимо серьезно считаться.

Не даромъ же первый съездъ учителей городскихъ по положенію 1872 года училишъ въ Москвѣ призналъ желательнымъ, чтобы для приготовлеія учительницъ были учреждены учительскіе институты, по образцу мужскихъ.

На открытии этого съезда 2 Января 1903 года директоръ учительского института Ф. И. Егоровъ, сообщивъ краткую исторію возникновенія съезда, разрѣщенного бывшимъ министромъ народного просвѣщенія (нынѣ покойнымъ), генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, такими словами заключилъ свою рѣчь:

„Нашъ съездъ чисто профессиональный; затрагиваемые имъ вопросы могутъ интересовать только учителей городскихъ училищъ; поэтому введеніе въ съездъ постороннихъ элементовъ могло бы помѣшать дѣятельности съезда“.

«Сознаніемъ въ средѣ учителей, что голосъ ихъ будетъ имѣть извѣстное значеніе въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ, относящихся какъ къ учебно-воспитательной постановкѣ, такъ и къ самому школьному строю—читаемъ мы въ газетѣ „Новое время“—«закрѣпится вѣра учителей въ свое призваніе, возрастетъ интересъ къ своему профессиональному труду, превратить педагогическое дѣло изъ ремесленного, формального въ живое».*)

Не входя здѣсь въ оценку и анализъ политики обще-

*) „Новое Время“ отъ 9 января 1903 года. Статья «къ общественному положенію учителей». *Л. М.*

ственныхъ дѣятелей съ представленіемъ идей школы государственной, и приведу здѣсь матеріалы по вопросу объ учительскихъ курсахъ и съѣздахъ.

За границей положеніе этого вопроса во много разъ представляется болѣе благопріятнымъ и, если хотите, даже болѣе рациональнымъ. Общеніе между учителями за границею считается не только полезнымъ и рекомендуемымъ, но даже и обязательнымъ. Больше того, законъ обязываетъ учителей посещать учительские съѣзды, созываемые ежемѣсячно, точно также, какъ онъ обязываетъ каждого подростающаго ребенка пройти курсъ начального обученія.

Въ самомъ дѣлѣ, по параграфу 5-му инструкціи окружнымъ инспекторамъ въ герцогствѣ Гота, имъ предписывается ежегодно созывать по шести учительскихъ съѣздовъ по участкамъ, учителя же каждого школьного района должны собираться, по менѣшей мѣрѣ, ежемѣсячно. Кромѣ того предписывается одинъ разъ въ годъ собирать всѣхъ учителей герцогства.

Въ Пруссіи уѣздная инспекція училищъ обязана созывать учительские съѣзды возможно чаще, при чемъ, однако, допускаются также съѣзды учителей и по ихъ желанію и ихъ собственной ініціативѣ.

Учительские съѣзды для меня представляются собраніями, члены которыхъ, и учителя и учительницы народныхъ школъ, подъ предсѣдательствомъ руководителя, обсуждаютъ различные вопросы начального народного образованія, выясняютъ нужды и потребности этого дѣла, являющіяся по мѣрѣ его развитія, и постановляютъ по всемъ разобраннымъ и дебатированнымъ свои заключенія и пожеланія.

Въ Россіи учительскіе съѣзды въ первое время существованія земства разрѣшались довольно легко; затѣмъ устройство ихъ стало регулироваться различными правилами и формальными условіями, а въ 1885 году состоялось распоряженіе министерства народного просвѣщенія, которымъ съѣзды учителей были запрещены вовсе. Это воспрещеніе сохраняло свою силу до 1899 года, когда съѣзды эти были разрѣшены съ большими и весьма существенными ограниченіями, касающимися какъ самого порядка разрѣшенія съѣзовъ, такъ и ихъ организаціи и правъ устроителей ихъ, главнымъ образомъ, земствъ.

Согласно правилъ 1899 года, учительскіе съѣзды могутъ устраиваться только по-уѣздно, губернскіе же съѣзды учителей и учительницъ не допускаются. Уѣздные съѣзды учителей, на программу которыхъ земства могутъ имѣть самое незначительное вліяніе, ограничены срокомъ продолжительности своей не болѣе семи дней. Быть можетъ, исходя изъ вѣчнаго соперничества за свои права съ представителями вѣдомства народнаго просвѣщенія, земства за послѣдніе годы крайне рѣдко устраивали учительскіе съѣзды, преимущественно предпочитая организовывать педагогическіе курсы.

Однако, какъ говорить А. Пругавинъ, «хотя у педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣзовъ имѣется, разумѣется, не мало точекъ соприкосновенія, но въ общемъ цѣли и задачи ихъ различны».

Коммиссія 1-го съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, работавшая подъ предсѣдательствомъ князя Петра Дм. Долгорукова, по этому вопросу пришла къ такимъ заключеніямъ. Учителскіе съѣзды могутъ созываться: во-первыхъ, самими учителями, причемъ, пока у учителей не будетъ организованнаго корпоративнаго устройства, извѣстная, опредѣленная часть всего количества учителей той территории, для которой созывается съѣзъ, подаетъ письменное заявленіе о созывѣ съѣзда или учительскому обществу взаимопомощи, или общественнымъ учрежденіямъ, содержащимъ школы, или училищному совѣту, или учебному комитету; во-вторыхъ, учительскими обществами взаимопомощи, другими учительскими организаціями; далѣе, общественными, учрежденіями, содержащими школы, если въ данной мѣстности неѣтъ учительскихъ обществъ; наконецъ, училищнымъ совѣтомъ или учебнымъ начальствомъ. Учрежденія, созывающія съѣзды, опредѣляютъ ихъ составъ, срокъ, продолжительность, программу и вырабатываютъ инструкцію, касающуюся порядка съѣзда. Открываются съѣзды явочнымъ порядкомъ, посредствомъ заявленія попечителю учебнаго округа. *)

Говорить о томъ, что все это—самая крайня мнѣнія, съ которыми даже не стоитъ и считаться, въ наше время было бы весьма опрометчиво, но задаться вопросомъ: Не пострадаетъ ли отъ этихъ мѣстныхъ сенаристскихъ, авто-

*) „Русскія Вѣдомости“ за 1903 годъ, № 6; Дневникъ съѣздовъ № 10.

номныхъ стремленийъ общая согласованность школьного дѣла? . отнюдь не лишне.

Что касается педагогическихъ курсовъ, выше названныхъ мною временными семинаріями, то они представляютъ собою учительское собраніе, организованное, именно, въ формѣ временнаго учебнаго заведенія для обученія и усовершенствованія учителей въ теоріи и практикѣ педагогическаго дѣла. Многія губернскія земства, желая, чтобы педагогическіе курсы приносили учительскому персоналу возможно большую пользу не только черезъ ознакомленіе съ чисто специальными вопросами учительской техники, но чтобы они въ тоже время способствовали расширению умственного кругозора учителей и учительницъ и увеличенію запаса ихъ знаній, приглашали профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній и специалистовъ, получившихъ извѣстность къ наукѣ и практикѣ, для чтенія лекцій по психологіи, гигіенѣ, естествознанію, міровѣдѣнію, исторіи, литературѣ и т. п. предметамъ.

Первый параграфъ правилъ 1875 года такимъ образомъ опредѣляетъ задачу учительскихъ педагогическихъ курсовъ: „Временные педагогические курсы имѣютъ цѣлью ознакомление мало-подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а также обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и, вообще, усовершенствованіе ихъ въ дѣлѣ веденія начального обученія“. По поводу неудачнаго выраженія «мало-подготовленные учителя» приходится согласиться съ мнѣніемъ Московской комиссіи по народному образованію, утверждавшей, что какую бы основательную школьную подготовку ни получилъ народный учитель, черезъ нѣсколько лѣтъ учительской работы онъ неизбѣжно окажется отставшимъ и слѣдовательно „мало-подготовленнымъ“, говоря кратко, такимъ образомъ, освѣженіе знаній и педагогическихъ пріемовъ черезъ извѣстные промежутки времени необходимо, вообще, для всѣхъ народныхъ учителей.

Та же комиссія первого съѣзда учительскихъ обществъ взаимопомощи, работавшая подъ предсѣдательствомъ князя Петра Дм. Долгорукова, доложила съѣзду такія соображенія по вопросу о курсахъ.

Учителя народныхъ школъ нуждаются въ пополненіи и расширѣніи своихъ личныхъ знаній по предметамъ какъ

педагогическимъ, такъ и общеобразовательнымъ. Общеобразовательные курсы соответствуют не только наступцной потребности учительского персонала, но и цѣлаго ряда лицъ разнообразныхъ знаній и профессій. Въ виду этого болѣе цѣлесообразнымъ является устройство курсовъ не специально учительскихъ, а общественныхъ. *)

Право учрежденія курсовъ должно принадлежать какъ общественнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ, педагогическимъ, просвѣтительнымъ и другимъ обществамъ, а также обществамъ взаимопомощи учащихъ. Для облегченія устройства курсовъ желательно устройства лекціонныхъ бюро во всѣхъ городахъ, где есть высшія учебныя заведенія, ученыя общества и тому подобныя учрежденія, по примѣру московскаго бюро при обществѣ распространенія техническихъ знаній.

Желательно, чтобы земства и другія общественные учрежденія (вѣроятно, городскія управления?), которые почему-либо сами не могли устроить курсовъ, командировали учащихъ на курсы въ другія губерніи по соглашенію съ ихъ учредителями, приходя имъ на помошь своимъ средствами въ видѣ постоянныхъ пособій. Кромѣ курсовъ, организованныхъ какъ самостоятельный учрежденія, желательно устройство общедоступныхъ курсовъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ обширными помѣщеніями, лабораторіями, библиотеками и наглядными пособіями. Желательно, чтобы разрѣшенія на учрежденіе курсовъ и утвержденіе лекторовъ давались своевременно безъ излишней регламентации и стѣсненій.

Комиссія считаетъ самымъ благопріятнымъ условіемъ, для безпрепятственного развитія дѣла народнаго образования

*) Не знаю, можетъ быть, въ этомъ отношеніи я и неправъ, но, говоря слова поэта,

Мышать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ;
Я не изъ ихъ числа...

Я лично не понимаю такого сліянія общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ съ общеобразовательными курсами общественнаго характера. Общеобразовательная знанія, действительно, нужны разнымъ категоріямъ лицъ и профессій: техникамъ, офицерамъ, журналистамъ, ремесленникамъ, рабочимъ и т. д., но не надо забывать, что самыя знанія эти, ихъ кругъ и объемъ принадлежать къ разнымъ педагогическимъ ступенямъ.

Л. М.

явочную систему при учреждениі общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ и лекцій. Но такъ какъ необходимо пока считаться съ существующими въ учебномъ вѣдомствѣ традиціями, то комиссія представила проекты положенній о курсахъ на случай, если бы явочная система не была допущена.

По проекту общеобразовательныхъ курсовъ, они устраиваются обществами, органами самоуправлія, частными лицами. Курсы находятся въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія, если они устраиваются, какъ самостоятельный учрежденія, и разрѣшаются тогда властю попечителя мѣстнаго учебнаго округа. Если же курсы организуются при учебныхъ заведеніяхъ, то они состоятъ въ вѣдѣніи того министерства, которому подчинено данное учебное заведеніе, и разрѣшаются тѣмъ порядкомъ, который будетъ установленъ въ данномъ вѣдомствѣ.

Курсы предназначаются или для учащихъ обоего пола, или вообще для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія въ общеобразовательныхъ предметахъ. Ближайшее завѣдываніе, учебной частью курсовъ возлагается на особаго завѣдующаго, избираемаго учредителями курсовъ и утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ избираются учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели курсовъ, а равно и представители отъ учрежденій составляютъ педагогическій совѣтъ съ выборнымъ предсѣдателемъ для обсужденія и решенія всѣхъ вопросовъ, касающихся веденія учебнаго дѣла курсовъ.

Педагогическіе курсы, по проекту комиссіи, устраиваются тѣмъ же порядкомъ, какъ и общеобразовательные. Выборъ учебныхъ предметовъ принадлежитъ учредителямъ курсовъ, программы же преподаванія составляются руководителями по соглашенію съ учредителями и утверждаются попечителемъ учебнаго округа.

Не входя въ детальное разсмотрѣніе этихъ проектовъ и не занимая той или иной позиціи въ жгучемъ вопросѣ о прерогативахъ учредителей или единаго руководительства центральныхъ правительственныхъ учрежденій, я долженъ, однако, отмѣтить, что въ Россіи вообще однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ является педагогическая подготовка учителей. Въ Россіи, для которой К. Д. Ушинскій настаивалъ

на кафедрѣ педагогики въ университѣтѣ, учителя тѣхническихъ, профессіональныхъ, подготовительно-профессіональныхъ и многихъ другихъ школъ чаше всего лица съ солидными познаніями и специальными, и общими, но почти вовсе не знакомыя съ методами, пріемами педагогики, съ крайне труднымъ и важнымъ искусствомъ обученія. Вотъ почему, по моему личному мнѣнію, эти жизненные вопросы и на курсахъ должны занять первенствующее мѣсто.

О съѣздахъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ связи съ разсмотрѣніемъ очередныхъ отчетовъ дѣятельности постоянной комиссіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго Техническаго общества я полагаю дать свѣдѣнія въ особомъ очеркѣ, обѣнцанномъ другому органу и связаннымъ съ предыдущими единствомъ критического отношенія.

Л. Мищенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Школа въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

Въ каждомъ, хотя маленькомъ, нѣмецкомъ селѣ имѣется школа и въ ней—русскій учитель. Въ маленькихъ и бѣдныхъ селахъ школой, зачастую, служить церковь, а въ селахъ побольше и побогаче—выстраивается специальнѣо училищное зданіе, но почти всегда съ отсутствіемъ опредѣленнаго удобнаго плана. Нѣмецкая школа представляеть изъ себя зданіе о двухъ комнатахъ—и только.

Ни рекреаціоннаго зала, ни, взамѣнъ зала, большого коридора, ни учительской—ничего этого почти нигдѣ не существуетъ. Это, однако, не мѣшаетъ нѣмецкимъ сельскимъ обществамъ затрачивать довольно солидныя суммы на постройки школъ. Напр., я знаю школу стоимостью въ 12 тысячъ руб., по словамъ старосты, а между тѣмъ она не имѣть ни зала, ни хорошаго коридора, и ко всему тому громадныя классныя комнаты очень плохо нагрѣваются. И такія неудобства сплошь да рядомъ. А средства выбрасываются портночныя. Зависитъ это оттого, что строительная комиссія состоять всегда изъ нѣмцевъ—поселянъ, несвѣдущихъ въ строительномъ дѣлѣ.

Строять школы такъ, чтобы много мѣсть было во время уроковъ; вѣтъ таковыхъ—какъ себѣ кто хочетъ. И вдобавокъ еще не имѣется и форточекъ. Лично я служу въ третьей нѣмецкой школѣ; видѣть же таковыхъ приходилось очень много и, къ сожалѣнію, хорошей вентиляціи нигдѣ не встрѣчалъ. Зачастую никакой вентиляціи не бываетъ. На перемѣнахъ ученики остаются въ классахъ и воздухъ дѣлается на столько испорченнымъ, что нѣть физической возможности заниматься. Чувствуется духота, жара, и въ этой атмосфѣре надо заниматься. Къ этому присоединяется еще и тяжелое преподаваніе въ инородческой школѣ. Именно: нѣмецкія дѣти, являясь въ школу, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія даже о произ-

ношениј русскихъ словъ. И воть эту, въ полномъ смыслѣ слова, темную толпу надо образовать, т. е. научить по-русски читать, писать, понимать и говорить. Они не только по-русски, но и по-иѣмецки (такъ какъ преподаваніе ведется на литературномъ языке, а не на томъ нарѣчіи, которымъ говорятъ наши иѣмцы) не понимаютъ почти ни слова.

Обученіе должно вестись реально, натурально. Каждый день обученіе отнимаетъ у учителя часть здоровья, силы, терпѣнія. Говорить съ этими дѣтьми и говорить съ предметами неодушевленными—одно и то же. Приходится всякую вещь таскать на урокъ, что-бы дать дѣтямъ возможность наглядно ознакомиться съ названіями простѣйшихъ предметовъ. Но если дѣло касается ознакомленія съ предметами отдаленными или съ такими, которые неѣть возможности тащить на урокъ, тогда для учителя чрезвычайно трудно. Въ этомъ случаѣ много помогаетъ хотя поверхностное знаніе иѣмецкаго языка. Но такое знаніе у русскаго учителя можетъ встрѣтиться лишь въ видѣ исключенія. Трудность преподаванія зависитъ еще и оттого, что иѣмская школы, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи ни наглядныхъ пособій, ни хорошихъ образцовыхъ ученическихъ библіотекъ и ничего того, что могло бы способствовать болѣе легкому и успѣшному веденію дѣла. Если гдѣ-либо (какъ исключеніе) есть библіотека, пріобрѣтенная безъ всякой программы, то она совершилъ непосильна для учениковъ инородческихъ школъ, ибо состоять изъ книгъ русскихъ писателей: Достоевскаго, Шеллера-Михайлова и др. Въ большинствѣ же случаевъ ни какихъ библіотекъ не имѣется. А если бы дѣти имѣли возможность пользоваться книгами сообразно своему возрасту и степени развитія, такъ чтобы выясненіе отвлеченныхъ понятій могло производиться наглядно,—тогда получились бы результаты иные. Мало того, что извѣстная школа не имѣеть книгъ для чтенія; но даже если имѣеть, то я не встрѣчалъ чтобы учителя заботились о развитіи дѣтей, хотя бы путемъ совѣтовъ чтенія хорошихъ книгъ. Для систематического и послѣдовательного развитія душевныхъ и умственныхъ силъ ребенка должна быть выработана совѣтомъ учителей строгая, посильная для всѣхъ возрастовъ ученическая инородческая программа чтенія книгъ, а также программа обученія. А у насъ обыкновенно приносятъ въ душу дитяти всякий грузъ, который онъ не въ си-

лахъ тащить. Если же дѣло касается предметныхъ уроковъ, то учитель оказывается беспомощнымъ въ смыслѣ выясненія понятій, ибо пособія отсутствуютъ. Съ большими трудомъ приходится выпрашивать у сельского старосты иѣсколько рублей на пріобрѣтеніе пособій или книгъ для библіотеки; и если просьбы бываютъ успѣшны, то лишь какъ исключеніе. Но большей же части совершенно отказываютъ, мотивируя тѣмъ, что обученіе состоить не въ картинахъ, кускахъ деревъ и пр.—а чтобы научить читать—писать. Ну и научаются!. Чего же лучше!

Итакъ, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, постановка школьнаго дѣла въ иѣмецкихъ сelaхъ стоитъ на самой примитивной ступени. Обученіе ведется слабо, почти безуспѣшно; познанія учениковъ—бѣди, сухи. Спрашивается, что же могутъ дѣти пройти въ продолженіе курса въ иѣмецкой школѣ? А вотъ что. Программа учебнаго матеріала равняется программѣ русскихъ земскихъ школъ, а курсъ 4-5 лѣтній. Выполненіе программы немыслимо, а поэтому я скажу только, что можетъ быть пройдено. Въ первый годъ обученія дѣти (не всѣ) выучиваются читать и писать, а равно знать иѣкоторыя слова: 1. классная мебель, 2. учебныя вещи, 3. домашия и иѣкоторыя дикія животныя, 4. домашнія итицы, 5. посуда, 6. мебель, и иѣкотор. др. Причемъ не въ состояніи составить ни одного предложенія. Во второй годъ—научаются читать болѣе бѣгло, но механически, а писать съ прописными буквами. Усваиваютъ названія предметовъ, которыхъ были забыты за каникулы и пополняютъ лексиконъ своихъ словъ названіями растеній, деревъ, цвѣтовъ мѣсяцевъ, дней, звѣрей и др., а также знакомятся съ дѣйствіями предметовъ въ настоящемъ, прошедш. и будущ. врем., но чисто машинально, ибо никогда не примѣняютъ на практикѣ, кромъ школы.

Въ третій годъ—упражняются въ русскомъ правописаніи и заучиваютъ граммат. правила. Дается понятіе о предложеніи; ведется объяснительное чтеніе маленькихъ статей и пересказъ ихъ, но съ большими усилиями и больше паузусть. 4 годъ обученія—начинаютъ изучать части рѣчи и съ большимъ трудомъ понимаютъ, не умѣя примѣнять на практикѣ. Объяснительное чтеніе ведется съ трудомъ, а историческая свѣдѣнія почти не даются ихъ пониманію. Вообще, обученіе не-

22

уравновешеное, ибо приходится спешить выполнить программу, боясь ревизіи Инспектора. Это весь учебный материал, который может быть пройденъ при упорномъ труде учителя. И въ результатѣ: дѣти, окончившія школу, неумѣющія говорить по-русски и почти непонимающія, что говорить — и надломленное и утерянное здоровье учителя! И это все, что можетъ дать современная ишородческая школа!

Сергей Жабокрик.

Антирусско-Травиновцу Гаврілу.

Ми є кажется, я не ошибусь, если скажу, что Травиновецъ Гаврілъ принадлежить къ племени семитовъ если не фактически, то по духу, судя по тону статьи его, которая можетъ служить образчикомъ анти-славянской логики.

Очень жаль, что Вы, г. Травиновецъ Гаврілъ, страха ради іудейска, не дали полной рецензії о статьѣ моей „Воспоминанія“; но и приведенныхъ Вами цитатъ достаточно для того, чтобы составить понятіе съ какимъ литературнымъ критикомъ приходится имѣть дѣло. Сразу видно, какого поля ягода оппонентъ. Вы слишкомъ субъективно и пристрастно смотрите на дѣло просвѣщенія... „Безъ драки хотите попасть въ большие забѣаки“...

Но дѣло не въ этомъ. Я хочу съ Вами, г. Гаврілъ Травиновецъ, поговорить на тему, которая очевидно задѣла Васъ такъ за ретивое, что заставила разразиться цѣтымъ потокомъ колкихъ словъ и двусмысленно-глупыхъ фразъ въ защиту „швабоднаго человѣка“.

Мнѣ тоже стыдно, что въ семье учителей есть экземплярь (типикъ), который въ сужденіи о просвѣщеніи и т. п. упирѣтъ не дальше гоголевскаго Петрушки, а берется еще решать такие вопросы и ставить обобщенія и выводы, которые далеко ему не по плечу, какъ ни старается онъ прикинуть все на свой масштабъ. Но я уклоняюсь отъ главнаго. Прежде всего я хотѣлъ бы знать, какъ Вы понимаете слово „антисемитизмъ“.

Я противъ наплыва евреевъ не только въ гимназіи, но и въ городскія училища. Вѣдь если бы не было 10-процентной нормы, то не подлежитъ сомнѣнію, что все училища не заполнились бы еврейской молодежью настолько, что не только способнымъ дѣтямъ крестьянъ (ая только какихъ имѣль въ виду), а и большинству небогатыхъ жителей города не удалось бы

пробиться туда за Борухами и Ривками... Тогда все училища сдѣлались бы революціонными очагами (подпольными, изъ-за-угла) вплоть до поруганія русской святыни.

Что значить фраза: „политическая незрѣлость мысли“? Мне кажется, что Вы сами-то понимаете ее не лучше, чѣмъ ореографію и стилистику. Вы еще мелко плаваете и плохо разбираетесь въ принципіальныхъ вопросахъ учительской и врачебной этики, хотя дерзаете причислять себя къ прогрессивному лагерю, къ „товарищамъ учителямъ“, чего Вы, М. Г., не заслуживаете и на словахъ. Кто далъ Вамъ право присвоинить имя товарищей учителей всуе?

Вы смахиваете въ своихъ сужденіяхъ скорѣе на цадика-учителя, чѣмъ на культурнаго „товарища учителя“. Одного термина «учителі» еще не достаточно для причисленія себя къ учителямъ въ качествѣ «товарища учителя». Только цадикъ способенъ на такую галиматью, какая попала на страницы 2 кн. Откликовъ.

Если Вы не „изъ нашихъ“, то почему же такъ близко принимаете слово „Борухъ“? Почему вообще Борухъ, Гершко и Янкель предпочитаютъ называть себя Борисомъ, Гавріломъ, Яковомъ? И откуда Вы вывели заключеніе, что словомъ „Борухъ“ я оскорбляю прогрессивный элементъ „нашихъ товарищай учителей“?. Послѣ одного этого заявленія вы, Гавріпль Травиновецъ, уже недостойны называть себя товарищемъ учителей вообще, а не только прогрессивныхъ, тѣмъ болѣе, что изъ вашей логики и наивной аргументаціи еще не видно, чтобы вы обладали качествами культурнаго человѣка даже для деревни. Очевидно вамъ удалось попасть въ нашъ журналъ, который выше всякихъ партійныхъ счѣтакъ, лишь благодаря тому, что редакторъ даетъ мѣсто каждому учителю или выдающему себя за такового (извините, но я не вѣрю, чтобы такой малограмотный и наивный человѣкъ, какъ вы, былъ учителемъ). Я не врагъ евреевъ, но желалъ бы, чтобы кореннай элементъ Россіи не игралъ второстепенной роли въ школахъ всѣхъ типовъ. Вѣдь нашъ народъ на своихъ плечахъ вынесъ не мало, и кормить и евреевъ въ не евреевъ.

Описываетесь, г. Травиновецъ Гавріилъ, и въ томъ, что крестьяне прибѣгаютъ къ зубнымъ врачамъ, особенно въ городѣ, который изобилуетъ „зубовыми врачами“. Я и не мужикъ,

а не прибѣгалъ ни разу въ жизни къ зубному врачу, хотя чѣренѣсь сильнѣйшія зубныя боли и лишится нѣсколькихъ зубовъ. Мужикъ обращается только въ крайней надобности къ участковому врачу, если таковой имѣется въ томъ же селѣ, а то осаждаются больше „фѣршала“, испробовавъ рядъ „домашнихъ средствій“ предварительно. Я бытъ народа лучшѣ знаю, чѣмъ (какъ думается) Вы, ибо 22 года живу съ нимъ. Не дождется Вы, г. Гавріилъ Травиновецъ, чтобы я на „слѣдующій“ разъ не дѣлалъ исключенія для крестьянинна. Запретить мнѣ вы не можете, и даже глупо и смѣшно наявузыывать свои убѣжденія (да и убѣжденія ли? Не перепѣвы ли съ чужого голоса?) въ такой сантиментально-повелительной формѣ.

Но больше всего меня удивило Ваше заключеніе о томъ, что я „цынично“ выругалъ „нашихъ учителей“.

Причемъ же учителя (на которыхъ я не позволю, по чувству солидарности, бросить и тѣни), разъ дѣло идетъ „наукахъ-коммерсантахъ“ по „хлѣбнова части“.

Что тутъ общаго!

Вы договорились до геркулесовыхъ столбовъ. Я никогда не возьму своихъ словъ назадъ. Эпитетъ „экземплярецъ“ пристегиваю къ Вамъ: Вамъ онъ больше къ лицу. „Шоправда, то ни грихъ“.

Не только крестьянину, а даже мнѣ, учителю, который вѣкъ учить чужихъ дѣтей, не удается помѣстить своихъ дѣтей въ гимназію или въ комерческое училище, гдѣ евреи преобладаютъ. Какой нибудь торговецъ „блестящей ваксы“ помѣщаетъ сына въ среднее учебное заведеніе, а учитель и въ низшемъ не находить мѣста для своихъ дѣтей вслѣдствіе наплыва „швабодныхъ людей“. Но я все-таки не смотрю на вопросъ съ племенной точки зренія, а коснулся его мимоходомъ.

Интересно знать, какая кара ждетъ меня и г. Редактора.

Учитель Гавріилъ Молчановъ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній.

І.

Въ Самарѣ кончились педагогическіе курсы... Учителя и учительницы "спышали", кто на пароходъ, кто на паровозъ... Учитель церковно-приходской школы—Х-стоялъ около воротъ нашего учительскаго временнаго общежитія и, останавливая вѣкоторыхъ изъ учителей, спрашивалъ: "вы за извозчикомъ? Сколько у васъ багажа? Дайте мнѣ тотъ двугривенныи, который вы обрекли извозчику: я донесу ваши вещи до пристани!" Этимъ предложеніемъ онъ ставилъ своихъ коллегъ въ крайне неловкое положеніе... Услугами его, конечно, никто не воспользовался, но двугривенные, пятиалтынныи и гривенники ему давали. Онъ бралъ и говорилъ: "благодарствуйте; теперь будетъ на что мнѣ добѣхать до родной деревни"... Это явленіе удручало учителей и они старались скорѣе забыть о первоквномъ учителѣ Х и его нуждѣ.

Учительскіе курсы въ Самарѣ были устраиваемы два года подъ рядъ губ. земствомъ, для учителей земскихъ и министерско-земскихъ школъ губерніи.

Учитель Х попалъ въ нашу семью по просьбѣ одного земскаго учителя, съ которымъ онъ былъ односельчанинъ по школѣ! Мы довольно были, что дали ему возможность слушать наши курсы, жить въ нашемъ общежитіи, пытаться въ нашей артельной столовой въ помѣщеніи земской школы сельскихъ учительницъ, Весь мѣсяцъ онъ ходилъ въ зало губ. зем. управы, где читались лекціи и давались уроки; участвовалъ съ нами въ экскурсіяхъ и прогулкахъ по Волгѣ, поѣзжалъ наши товарищескіе танцевальные вечера и плясалъ "какъ дома"; на скрипкахъ взятыхъ изъ школы учительницъ учителя проходили первую позицію по Бергю; Х учился и игрѣ на скрипкѣ...

Смотрѣли мы на него и были довольны, что среди насъ онъ получилъ возможность примѣнить къ дѣлу свои способности... Наша простота и теплота были благотворною влагою для развитія таившихся въ немъ задатковъ.

Пароходъ Купеческаго общества далъ второй свистокъ, готовясь отойти отъ Самары на низъ. Прошли на пароходъ неторопливые учителя, заспѣшили учительницы. Оглядѣлись мы, всѣ-ли наши тутъ, и попросили накрыть намъ „къ чаю“... Черезъ три часа пароходъ подошелъ къ селу Е—кѣ... Нѣсколько пассажировъ, въ томъ числѣ четыре учителя, изъ которыхъ одинъ былъ X, сошли на этой пристани.

Одинъ изъ учителей, котораго за его физическую и духовную солидность съ первой встречи все коллеги называли Константиномъ Максимовичемъ, щекаѣ съ курсовъ съ цѣлымъ хозяйствомъ: женою, дѣвочкой дочкой, бабушкой и ванькой; у нихъ было нѣсколько мѣстъ домашняго скарба... Матроны и кое-кто изъ товарищѣй помогли К. М. сгрузиться на Е—ую пристань, куда онъ надумалъ заѣхать въ гости къ отцу. Оставалось свести съ парохода робкую его супругу съ дѣтьми и дряхлую бабку...

Вдругъ слышимъ пронзительный женскій вопль, о помоци... Оказалось, что на ту же пристань съ парохода, поспѣшило нѣсколько десятковъ рабочихъ—татаръ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ не было билетовъ.

Пароходская команда старалась удержать ихъ на сходняхъ, а татары торопились сойти... Въ эту свалку попала и семья нашего коллеги... Его появленіе на мѣстѣ шума сразу измѣнило картину... Онъ освободилъ изъ плѣна какъ своихъ, такъ и безправныхъ на пароходѣ пассажировъ—татаръ.

Черезъ нѣсколько минутъ чалки были отданы и пароходъ двинулся далъе... Произшедшее, вѣроятно, не было выходящимъ изъ ряда вонъ въ пароходской жизни, поэтому администрація парохода спокойно побрела по своимъ мѣстамъ: кто на посты, кто на отдыхъ... Но вѣдь на пароходѣ были „народные учителя“, пользующіеся вообще репутацией „безпокойныхъ“, при томъ они щекали съ курсовъ, гдѣ жили они цѣлый мѣсяцъ въ атмосферѣ прямо-таки европейской личности ихъ и чувство несправедливости, забитыя и забытыя въ деревенской глупи, были реставрированы... Все

азіатское они почувствовали моментально; а поступокъ съ женой нашего товарища, которая къ тому же была въ интересномъ положеніи, да и просто съ „азіатами“—„гололобыми чертами“—былъ именно азіатскій, исключая отсюда— „японскій“ и „китайскій“, которые обращаются другъ съ другомъ въ жгучъ европеизвъ...

Горячіе учителя попросили матросовъ пригласить въ третій классъ капитана парохода... Пришелъ его помощникъ... Его попросили успокоить пассажировъ обѣщаніемъ, что на слѣдующихъ приставахъ такихъ сценъ „борьбы на сходняхъ“ не будетъ... Онъ мягко и „деликатно“ сказалъ, что такой случай въ навигацію первый: обыкновенно „чистая публика“ выходитъ особо отъ черной... А съ этими „гололобыми чертами“ грѣха бываетъ постоянно много... Учителя и часть публики были поражены наивностью этого молодого человѣка.

Онъ очевидно считалъ ненормальнымъ въ этой сценѣ только то, что притиснули женщину, а съ „гололобыми чертами“ такъ всегда... Защитники „гололобыхъ“ увѣряли помощника, что безбилетныхъ нужно обнаруживать контролемъ. Онъ отвѣтилъ: „кабы они ѿхали, какъ люди, а то они забыются въ ободья и сидятъ съежившись все время, ихъ и не найдешь“... На это довольно остроумно нашелъ отвѣтъ кладчикъ ободьевъ (ободья возятъ связанными въ цилиндры значительной высоты); онъ сказалъ: „такъ зачѣмъ же вамъ ихъ притѣснять, мѣсто подъ ободья оплатилъ я, стало быть они ѿхали какъ бы у меня на квартирѣ“... Помощникъ нашелся: „мы беремъ и за мѣсто и за грузъ“... Сердитый администраторъ торжественно удалился. Пассажиры долго смѣялись и горевали надъ участью татаръ, которымъ приходится изъ экономіи ѿхать съежившись, „на квартирѣ у кладчика ободьевъ“... Этотъ случай далъ толчекъ уму и сердцу пассажировъ третьаго класса. Мимоходомъ скажу, что я пробовалъ, хотя на послѣдніе гроши, ѿздѣтъ во всѣхъ классахъ многихъ волжскихъ пароходовъ и вывелъ заключеніе, что, говорятъ только пассажиры третьаго класса, говорятъ хорошо, содержательно, и всегда просто и откровенно. Пассажиры первого класса дарятъ другъ друга драгоценными словцами, второго—больше молчатъ, а четвертаго,—большею частью переселенцы, ищущие куска хлѣба или неудачники

рабочіе, болящіе и т. п.—они или рычатъ или воютъ, да поютъ...

Пассажиры 3-го класса говорятъ. Заговариваютъ они какъ-то скоро, знакомятся не представляясь: одно умное слово, одно вѣрное чувство, искренность голоса, простота взгляда—и пассажиры стали друзьями... Описанный мною случай заставилъ пассажировъ заговорить и очень горячо. Часа три они „калякали“, то успокаиваясь, то разгорячаясь. Раздѣлились на партии. Кто осуждалъ К. М., который освободилъ жену фразой: „что за чертъ за порядки на этихъ купеческихъ пароходахъ“ и поднесъ къ физіономіи матроса. и ногами и руками загораживавшаго сходни, кулакъ... Другіе нападали на татаръ, которые стараются проѣхать „на шарамыжку“ (даромъ). Находились такіе, которые удивлялись самому разговору—„не стоять того эти гололобые черти“...

Всѣхъ дольше и содержательнѣе разговаривали въ группѣ составившейся изъ учителей, которые пожертвовали сномъ для разслѣдованія причины всѣхъ причинъ, арендатора одной прибрежной водяной мельницы и нѣсколькихъ степенныхъ мужиковъ, которые раньше охотно „собесѣдовали о перстахъ и аллилуїяхъ“, а теперь слушаютъ и другіе сюжеты...

Въ этой группѣ не осуждали К. М. который своей грубой фразой о порядкахъ просто по русской пословицѣ вышибъ „клинь клиномъ“. Въ этой группѣ всѣ чувствовали нелѣпость самого существованія на свѣтѣ не просто чернорабочихъ татаръ, а „гололобыхъ чертей“. Каждому было понятно, что не отъ добра человѣкъ нѣсколько часовъ просидитъ съежившись въ ободьяхъ, лишь бы съэкономить 30—40 коп. Всѣ понимали и физическое и нравственное неудобство этого сидѣнія. Съ „гололобыхъ чертей“ перешли „на чертей“—же „сиволапыхъ“—т. е. русскихъ деревенскихъ мужиковъ. Кто ихъ жалѣлъ, осуждая; кто осуждалъ, жалѣя.

Дѣло было далеко за полночь... Въ окна смотрѣли то звѣзды, то, мимолетно, огни встрѣчныхъ каравановъ. Цублика поуснула. Не спали только разговаривавшіе, да въ сторонѣ пьяненъкіе „сиволапые“ сидѣли за бутылкой, взятой изъ буфета часа два тому назадъ: они заслушались и сидѣли предъ налитыми чарками. Не спала женщина съ младенцемъ у груди... Когда разговоръ началъ пресѣкаться, одинъ

изъ „сиволапыхъ“ пробрался къ группѣ разговаривавшихъ, лѣгъ двоимъ сосѣдямъ на плечи и свѣсили голову въ кругъ сидѣвшихъ, проилакали пьянымъ голосомъ: „родные, любезные! Какъ вы жалѣете насть; а вы жалѣйте не словами только, а нутромъ“. Отъ этого стона, пьяного и скорбнаго, сдѣлалось тяжко на душѣ говорившихъ. Разговоръ прекратился. Кое-кто поднялся, чтобы уходить... У молодой матери заплакало дитя. Она умоляюще сказала: „господа, дайте спокой младенцу“... Всѣ пошли въ разныя стороны не прощаюсь...

На другой день я съ Хвалынской пристани прибылъ въ родную школу. Потянулись будни, освѣщенная отблескомъ пережитаго праздника—курсовъ. Вспоминались лекціи, профессора, уроки, бесѣды; симпатичныя лица товарищѣй въ другой. Черезъ три недѣли къ крыльцу моей квартиры подкатился велосипедъ товарища—Васи Ф. Онъ учительствовалъ въ уѣздномъ городѣ и любилъ лѣтомъ, кататься на велосипедѣ по роднымъ степямъ, дѣлая иногда большиѳ перегонь. Онъ, пріѣхалъ изъ с. Е—ки, которое я упоминалъ въ началѣ моего разсказа... Испупавшись компаніей въ чистыхъ водахъ Телика, мы засѣли за чай... Разговоръ скоро перешелъ на курсовыя впечатлѣнія. „Когда вы разѣзжались изъ Самары, я былъ въ Е—кѣ, гостили у брата... Ну и тицъ обрѣлся у васъ на курсахъ“... Онъ называлъ учителя Х... И не дожидалась характеристики со стороны собесѣдника, сказавъ: „да, славный малый. Это былъ именно чистый листъ бумаги, нетронутая натура, сумма силь...“ Онъ на нашихъ курсахъ достаточно обогатилъ свой умъ и сердце. Онъ попалъ къ намъ по просьбѣ хромого учителя К., будеть онъ ему благодаренъ за тѣ духовныя богатства какими воспользовался онъ въ Самарѣ...“

— А я добавлю: и материальныя... Ха-ха-ха! Ты, вѣрно ничего не знаешь? Ты гдѣ его видѣлъ въ послѣдній разъ?

— На пароходѣ, когда съ Костемъ произошелъ инцидентъ какъ я писалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ...

— Хочешь я расскажу тебѣ, что было съ нимъ, потомъ?
— „Рассказывай!“

И посмѣялся и подосадовалъ и погрустилъ я, когда Вася Ф. рассказалъ мнѣ слѣдующее: X, мы знали, въ Самару пріѣхалъ безъ багажа, а изъ Самары возвращался съ

двуумя узлами „чего-то“, съ зонтикомъ, и скрипкой въ футляре. На конторкѣ спаль одинъ торговецъ. X посмотрѣль на его карманныхъ часахъ, „сколько времени“, и проснувшись этихъ часовъ не досчитался. Когда ему сказали, что X. смотрѣль ихъ и окружающіе удивлялись тому, что,, другъ“ такъ безцеремонно подходитъ къ спящему (всѣ думали, что X. и спящій товарищи), то торговецъ поспѣшилъ въ село, поднялъ на ноги полицію... Уряднику удалось узнать, что X. остановилъ въ портерной. Урядникъ туда... Узнавъ, что объектъ подозрѣнія—учитель, онъ не рѣшился его обыскивать и донесъ о случившемся приставу. Приставъ явился къ X. и такъ внушительно повелъ дѣло, что X. испугался и сознался, что всѣ вещи, кои онъ везетъ,—чужія: часы торговца, скрипка изъ земской школы сельскихъ учительницъ, зонтикъ инспектора народныхъ училищъ, въ узлахъ оказалось нѣсколько наборовъ бѣлья, даже какъ-то попали золотые серьги... На самомъ X. оказалось три сорочки сколько же брюкъ...

Этимъ же лѣтомъ, въ августѣ мы пришлось поѣхать Самару. Я встрѣтился тамъ съ учителемъ К., который ввелъ въ нашу среду X. Ему пришлось раньше насть оставить курсы, уѣхать на минеральныя воды. Онъ интересовался концомъ курсовъ. Я рассказалъ ему о прощальныхъ рѣчахъ, о проводахъ профессоровъ, о прощаніи другъ съ другомъ учащихъ... «Ну что X? Досидѣлъ до конца курсовъ? Не сбѣжалъ?—Я ему: твой X отличился!—„Я такъ и думалъ: онъ, навѣрно, послѣ напіихъ курсовъ попалъ на епархиальные (они были въ этотъ годъ въ Самарѣ, начавшись во второй половинѣ нашихъ?) Тамъ навѣрно онъ оказался очень развитымъ изъ церковныхъ вольнонаемныхъ учителей?.. Давалъ урокъ и стяжалъ славу?.. Какъ я радъ“. К., очевидно, доволенъ былъ лѣченіемъ, прекрасно себя чувствовалъ и радовался глядя на Божій міръ: это лѣто ему принесло и духовную пищу (на курсахъ) и 50 руб. отъ Земства на лѣченіе больной ноги...

Пока онъ лепеталъ, я обдумывалъ, какъ бы помягче сообщить о поступкѣ X... Мое сообщеніе опрокинуло настроение бѣдного К., и онъ чуть не рвалъ на себѣ волосы отъ негодованія, что такого дикаря ввелъ въ нашу семью. Я старался его уѣшить, объясняя психологію X такъ. X

не привыкъ видѣть вещи не запертыми; наша простота и открытость показалась ему до того необычными, что въ душѣ его явилось желаніе поживиться по пословицѣ „плохо лежить—брюхо болитъ“... Это можетъ быть у него наследственное... Настроенія моего коллеги какъ не бывало... Я попробовалъ его утѣшить тѣмъ, что, хотя онъ ему и землякъ, но учитель церковно-приходской школы, а не земской. Коллега былъ уничтоженъ.—„Лучше бы мнѣ съ тобою не встречаться“, сказалъ я не зная, что сказать...

II.

Я ѿхалъ на пароходѣ о-ва „Самолетъ“ изъ Вольска въ Балаково. Въ третьемъ классѣ было просторно и чисто.

Мужчины и женщины помѣстились вмѣстѣ, что всегда дѣйствуетъ хорошо на мужчинъ... Даже пьяненький крестьянинъ или развязный сельскій торговецъ, привыкшій дома въ своей деревнѣ не стѣсняться женщины, здѣсь на пароходѣ „содерживается“ какъ-бы изъувѣженія къ взглядамъ другихъ.

Впрочемъ бываютъ такие періоды жизни, когда темы всѣхъ ѿдущихъ бываютъ общія и животрепещущія, не остается мѣста ни анекдотамъ ни какимъ либо пустымъ разсказамъ. Я вспомнилъ поѣздку изъ періода „конца русско-японской войны“, времени возвращенія солдатъ.

Лишь только я взялъ билетъ и вонзелъ въ помѣщеніе 3-го класса, вниманіе мое приковала группа... На одной койкѣ сидѣлъ солдатъ—герой войны и рассказывалъ мелкіе случаи изъ военныхъ стычекъ и мирныхъ отношеній между плѣнными и плѣнными.

„Служивый“ былъ настроенъ хоропо и слушатели не слышали отъ него тѣхъ жалобъ, осужденія или негодованія на дѣйствія начальства, какія приходилось не разъ слышать отъ низшихъ чиновъ этой злосчастной войны. Когда слышишь хорошіе отзывы о томъ, о чёмъ всѣ отзываются дурно, то невольно закрадывается въ сердце подозрѣніе: не лжетъ ли новый разсказчикъ... У меня, помню, зародилась въ сердцѣ вражда къ этому оптимисту солдату, который къ тому же былъ тѣсно окруженнъ старухами и женщинами—солдатками... Воротилась откуда-то пожилая крестьянка и толкая отъ солдата дѣвченку сказала: „уйди, ты, съ моего мѣста, я

говорила—не занимай, я приду... Ну, соколикъ мой[“], обратилась она къ служивому: „а матери-то ты писаль про свое горе?“—«Нѣть, тетушка, зачѣмъ прежде времени разстраивать ее? Я вотъ что думаю сдѣлать. Я не забылъ, какъ устроена наша хата, знаю гдѣ образа; я, какъ войду, то и виду не покажу, что слѣпой; пусть мама не сразу увидить мое и свое горе, пусть сначала обрадуется». «Сказано слово, и все объяснилося»... Я пересѣль поближе къ солдату и увидѣль, что глазныя впадины его были мертвы. Осколками гранаты ему выбило ясныя очи и нанесло нѣсколько ранъ на лицѣ, шеѣ и груди. Раны зажили, а глаза вытекли. Я почувствовалъ глубокое чувство жалости къ этому человѣку, который потерялъ самое дорогое—зрѣніе... «Проклятіе войнѣ», подумалъ я. Какое единовременное способіе, какая пенсія, какой орденъ можетъ утѣшить этого человѣка и его „маму“... «Оптимизмъ» этого страдальца мнѣ показался или наиграннымъ или покоящимся на какой-нибудь мистической философіи... И я доволенъ былъ, что нашъ народъ умѣетъ утѣшать себя въ тяжкія минуты жизни, при невозвратимыхъ потеряхъ...^{!!}

Подошелъ нашъ пароходъ къ пристани цементнаго завода и остановился...

Слѣпецъ «нашупалъ» окно и сталъ „смотрѣть“ на гору... «Какой большой заводъ... Одна труба большая, а ешё съ десятокъ поменье... Хе-хе-хе»... „Да ты, дяденька, видишь!“ поборанила его какая-то дѣвочка, какъ-бы обрадовавшись, что есть за что „дяденьку“ побранить... „Дурочка, развѣ я не знаю, какъ строятся заводы. Это я нарочно говорю, не привыкну я сознаваться, что не вижу, стыжусь... А этакъ-то я часто шучу; иногда говорю: эхъ какой лѣсъ-то на горѣ, какія облачка-то бѣгутъ надъ лѣсомъ... А солнышко-то какъ ярко свѣтитъ... Вѣдь я все это помню, недавно я это видѣлъ, любовался этимъ... А теперь вотъ не увижу, и маму не увижу... Хорошо что не женатъ и дѣтишекъ нѣть“^{!!}

Въ голосѣ слѣпца слышалась глубокая грусть... Всѣ молчали... Двѣ старушки тихо плакали... Никто не пытался утѣшить несчастнаго, ибо утѣшать было нечѣмъ. Всѣ это чувствовали и тяжестью этого чувства были придавлены...

Бібліографіческий отдѣль.

І. Маляревський. *Пісествование въ двухклассной церковно-приходской школѣ. Школьная библиотека, книжка № 50, приложение къ журналу «Народное образование» за декабрь 1906 г. С.-Петербургъ.*

Должно сознаться, что естествовѣдѣнію не очень-то вѣзетъ въ русской начальной школѣ различныхъ типовъ; педагогическимъ журналамъ сплошь и рядомъ приходится отмѣтывать несоответствіе, невыдержанность, даже ненаучность учебниковъ по естествовѣдѣнію для народныхъ школъ и, кромѣ того, просто неправильные основные принципы и взгляды на преподаваніе этого крайне важнаго предмета обучения.

Въ самомъ дѣлѣ, есть рецензія («Русскій Начальный Учителъ» 1905 г., № 4), которая буквально начинактается такимъ печальнымъ утвержденіемъ: «Еще одинъ учебникъ по естествовѣдѣнію появился на свѣтѣ и увеличилъ собою число ненужныхъ книгъ». Къ моему крайнему сожалѣнію, мнѣ приходится повторить эти пессимистическія слова по поводу книжечки г. Маляревского лишь съ тѣмъ измѣненіемъ, что это не учебникъ, а систематическая программа и планъ преподаванія.

Надо замѣтить, что, хотя въ предисловіи отъ редакціи и сказано, что «она (редакція) не вполнѣ согласна съ якобы частностями, какъ напримѣръ съ якобы опытами, которые можно было бы замѣнить болѣе поучительными и болѣе наглядными, а такъ же и съ некоторыми объясненіями опытовъ»,—однако, «она придаетъ большое значеніе этому труду въ томъ отношеніи, что онъ является результатомъ самостоятельной практики преподаванія въ школахъ данной мѣстности».

Самый поверхностный просмотр книжечки Маяревского укажет непредубежденному читателю, что явление местности и на ней не отразилось вовсе, что опытныхъ практическихъ свѣдѣній она не даетъ и что большинство объясненій не точны, спутаны и, что хуже всего, ненаучны, неравны. Больше внимательный разборъ книжечки при этомъ становится крайне необходимымъ для того, чтобы оградить захолустныхъ учителей отъ роковыхъ ошибокъ въ дѣлѣ распространенія знанийъ обѣ окружавшемъ настѣ мірѣ.

Направленіе редакціи журнала "Народное образование" по вопросамъ методики естествовѣдѣній ясно выражается однимъ именемъ: Н. С. Дрентельть, именемъ весьма почтенного и неутомимаго дѣятеля въ духѣ популяризатора 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія.

Рецензентъ книги Н. С. Дрентельна "Начальная физика" ("Русский Начальный учитель" 1906 г., № 4) такъ раскрываетъ это понятие! Это направленіе ярко характеризуется для меня "однимъ" очеркомъ: "Учитель Живучевъ", помещеннымъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ журналь "Воспитаніе" (имя автора не помню).

У Живучева, народнаго учителя, "заведена" маленькая библиотечка", "маленький телескопикъ", "маленький микроскопикъ" и т. д.; онъ касается такимъ образомъ до всѣхъ отдельностей знания, но всего онъ отвѣдаль самъ и предлагаетъ другимъ лишь въ минимальномъ количествѣ. Даже и тогда это казалось почти карикатурнымъ: на экземплярѣ, попавшемъ мнѣ въ руки, "одна читательница" помѣтила: "приторень Живучевъ".

Вотъ почему теперь, когда особенно строго надо держаться основного педагогического правила "не сообщать дѣламъ ничего лишняго, ничего такого, что бы они легко могли забыть,— мнѣ думается, отступать отъ научности, наглядности и серьезнаго выбора опытовъ прямѣтаки грѣшно. Не къ чѣму сообщать "ученикамъ" выдуманные, сочиненные примеры, когда широко образованный учитель всегда можетъ выбратьъ ихъ изъ непомѣрно "разросшейся" тѣхники, проникшей почти во всѣ позиции нашей жизни. Разсужденія въ этиѣ случаѣ безплодны и гораздо полезнѣе были бы, гдѣ онѣ возможны по местнымъ условіямъ, экскурсіи на фабрики, заводы, водопроводы, плотины и т. д.

Наглядность и научность—вотъ тѣ два устоя преподаванія естествовѣдѣнія, какіе отчасти намѣчены въ моихъ рецензіяхъ на книжку: „Мой микроскопъ“ Е Чижова («Русскій Начальный Учитель», 1905 г. № 12), „О климатѣ и погодѣ“ П. И. Браунова (ст. 195).

Программа опытовъ составлена г. Маляревскимъ очень странно; послѣ стекла слѣдуютъ поваренная соль, металлы, воздухъ, жидкости, теплота; судя по шрифтамъ, больше отдѣловъ въ книжечкѣ нѣтъ. Однако, нельзѧ же предположить, что въ отдѣлѣ „теплота“, по мнѣнію автора, должны входить параграфы: составъ воздуха, понятіе о рудахъ, удѣльный вѣсъ и плотность, горизонтальная поверхность, давленіе жидкости, влажность атмосферы и тому подобные. Чтобы покончить съ этимъ распределеніемъ матеріала, я долженъ упомянуть, что о трехъ состояніяхъ тѣмъ Маляревской находитъ возможнымъ говорить на стр. 36 послѣ намековъ на химическія явленія и почти въ срединѣ книжки.

Обратимся къ частностямъ, которыя крайне необходимо разсмотрѣть.

Авторъ грѣшилъ противъ истины, когда говоритъ, что желѣзо становится хрупкимъ при сильномъ холодаѣ: желѣзныя балки ломаются въ домахъ при пожарахъ, когда температура по Цельсію доходитъ до 400°. Глава о поваренной соли касается вообще солей и селитръ, однако, безъ определенія химическаго понятія „соль“ и частнаго вида селитры, взятаго для опыта.

Г. Маляревскій, включающій въ примѣрную программу краткихъ свѣдѣній о строеніи и жизни растеній—химическій составъ (однако, безъ формулъ и знаковъ, въ слѣпую, *à l'aveugle*, какъ говорятъ французы) клѣтчатки, жировъ, крахмала, клейковины, производя опыты, скромно называетъ желѣзный и мѣдный купоросъ—синимъ и зеленымъ.

Вовсе не объясняется малоупотребительное наименіе разновидности гранита съ правильно проросшимъ на mannerъ еврейскихъ писменъ кварцемъ—еврейскій камень. Въ перечисленіи свойствъ металловъ опущена текучесть, общезвестное явленіе относительно свинца (свинцовые трубы) и столь блестящее разработанное Шпрингомъ. Не указано, что при ржавленіи увеличивается вѣсъ предметовъ и что это легко можетъ быть проверено.

Фраза: „объяснить, что лигатура прибавляется для увеличения прочности серебра и золота“—заключаетъ двѣ грубыя ошибки, такъ какъ лигатура увеличиваетъ твердость (а не прочность) и не золота, а сплава уже, Опуская въ воду губку, кусокъ сахара, кусокъ мыла, авторъ уверенно заявляетъ, что поднимающіеся пузырьки представляютъ воздухъ; утвержденіе необоснованное и въ корень подрѣзывающее точность и разграничение понятій „воздухъ“ и „газъ“. Извѣстно ли автору, что въ водѣ находятся растворенные газы, которые могутъ выдѣляться при извѣстныхъ условіяхъ?

На стр. 16 приводится опыты для уясненія различія жидкостей по вѣсу въ равныхъ объемахъ, а о вѣсахъ тѣль, о взвѣшиваніи, объ удѣльномъ вѣсѣ и плотности говорится на стр. 37. Надо помнить, что разница въ страницахъ книжки обусловливается большую разницу во времени преподаванія. Говоря о жидкостяхъ летучихъ и не летучихъ, объ испареніи раствора, о кипѣніи воды, авторъ предугадываетъ вспросы, такъ или иначе связанные съ теплотою, разсмотрѣніе которой отнесено дальше. Высыханіе лака, масляныхъ красокъ и смолы—предлагается объяснить самому учителю; процессы высыханія съ участіемъ кислорода воздуха и при необходимости провѣтриванія (иначе венцы могутъ перегорѣть)—необходимо требуетъ поясненія для самого преподающаго.

Не дается также никакихъ материаловъ для решенія нѣсколько странно формулированного вопроса: Отчего въ моряхъ вода соленая. Опытъ 42-й излагается такимъ образомъ: «Налить въ колбу немного воды и закупорить ее смоченной пробкой, не вкладывая послѣдней туго. Кипятить воду на спиртовой лампѣ до того времени, пока силой образовавшагося пара вытолкнетъ пробку изъ горлышка колбы». Лично я этого опыта, именно, съ колбою, а не съ бутылкою изъ толстаго стекла, повторять не совѣтую. Взрывъ водяныхъ паровъ разнесетъ почти въ мгновеніе ока тонкую колбу, брызнетъ во все стороны горячимъ паромъ, каплями воды и осколками стекла. Лично мнѣ не однажды приходилось сталкиваться съ этимъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ во время практическихъ работъ офицеровъ въ лабораторіяхъ военной электротехнической школы и учебнаго воздухоплавательного парка; при качественномъ и количественномъ анализѣ взрывчатыхъ веществъ и газовъ.

Совсѣмъ непонятно, почему въ опытахъ для объясненія термометра рекомендуется (употребление) воды съ чернилами, не объяснено, что въ такихъ инструментахъ при нагреваніи расширяется стекло и что расширение жидкости больше расширения стекла. Порядокъ опытовъ въ этомъ отдельѣ совсѣмъ непонятный и не систематической, при расширении воды не указана ея наибольшая плотность при 4° Цельсія, почему совсѣмъ нельзя объяснить, отчего при замерзаніи вода расширяется до извѣстнаго предѣла. Въ опытахъ нагреванія тѣль не указано самаго общеизвѣстнаго факта нагреванія плашки гвоздя при его забиваніи; въ опытахъ съ сѣрной кислотой не дано процентное содержаніе кислоты, не объяснены необходимыя мѣры предосторожности при смѣшаніи этой кислоты съ водой.

Нагреваніе смѣси воды и сѣрной кислоты дало поводъ Маларевскому сдѣлать неправильный выводъ: соединеніе некоторыхъ веществъ развиваетъ теплоту,— выводъ неправильный въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ этимъ затемняются понятія о химическихъ реакціяхъ, требующихъ для своего воспроизведенія большихъ затратъ тепла извѣнѣ. (Реакціи экзотермическая и эндотермическая). Не дано даже и намека на поправку отдѣльныхъ термометровъ и непрерывную проверку ихъ. Стaraясь установить теплопрозрачность разныхъ веществъ, стѣдовало бы уяснить, почему стекла въ окнахъ домовъ сами не нагреваются, а ламповый стекла нагреваются довольно сильно; зависимость тепловаго дѣйствія отъ разстоянія отъ источниковъ теплоты.

Часть ученія о теплотѣ относящаяся къ атмосфернымъ явленіямъ изложена въ разныхъ мѣстахъ, разбросанно и безъ связного научнаго объясненія, слишкомъ ужъ простыя всѣ гипотезы г. Маларевского относительно образования вѣтровъ, влажности воздуха и т. д. Если бы авторъ серьезно былъ ознакомленъ самъ съ природою химическихъ реакцій, то именно учителямъ онъ никогда бы не говорить, что «углекислый газъ имѣеть способность мутить известковую воду», что «углекислый газъ заключается въ мѣлѣ, что сѣрная кислота разбѣдає желѣзо и выдѣляетъ изъ него водородъ» (?), что въ синемъ купоросѣ сѣрная кислота остается неизменной и т. д. Наивно звучитъ въ устахъ педагога фраза «химія—

наука интересная и полезная»; необходимо было, конкретизируя это понятие, указать разницу между химией наукой и технологией.

Извѣстно ли автору, что ртуть, цѣликомъ пеrходящая въ пары при нагреваніи, отдѣляетъ пары даже при обыкновенной температурѣ, какъ обѣ этомъ, въ частности, свидѣтельствуетъ личное письмо ко мнѣ покойнаго Д. И. Менделѣева. Отдѣль взвѣшиванія не развитъ совершенно; пользуясь случаемъ, указать на строго-научную статью Д. К. Добросердова «вѣсы и взвѣшиванія» въ октябрьскомъ № „Ученыхъ записокъ Императорскаго Казанскаго Университета” за 1905 г. Въ книжкѣ Маляревскаго, гдѣ приведено много опытовъ, основанныхъ на давлениіи воздуха, ни слова не сказано о томъ что воздухъ вѣсомъ.

Непонятно раздѣленіе вопросовъ о земномъ притяженіи и его направлени; авторъ преспокойно принимаетъ за земное тяготѣніе треніе, прилипаніе, явленія смачиваемыхъ и несмачиваемыхъ жидкостей, договаривается до такихъ пѣрловъ: «тѣла взаимно притягиваются одно другимъ, если они легкія и близко прикасаются другъ къ другу». Всѣ эти грубые ошибки прямо показываютъ, что авторъ не имѣетъ никакого понятія о физикѣ частичныхъ силъ. Объясненія отвѣса горизонтальной поверхности и таковой же плоскости обходятъ геометрію и ея простыя определенія плоскости линейкою. Большими неудобствомъ является одновременное употребленіе и русскихъ и метрическихъ мѣръ, не согласованныхъ между собою. Въ концѣ книжки снова выплываютъ вопросы о давлениіи жидкостей,—о плаваніи тѣль, давлениіи и влажности воздуха; по послѣднему вопросу авторъ договаривается буквально до абсурда, не умѣя объяснить причинъ той или иной степени влажности, зависи-мой отъ температуры.

Въ примѣрной программѣ г. Маляревскаго вводить цѣлый рядъ вопросовъ изъ самаго труднаго отдѣла химіи—химіи органической, вопросы диффузіи, опытовъ которой приведено не было, вопросы оптики также безъ всякихъ опытовъ (вполнѣ доступныхъ вездѣ, гдѣ только свѣтить солнце), диктуетъ учителю, какія части тѣла человѣка можно сравнивать съ частями тѣла животныхъ и какія—неудобно...

-и-и. Я полагаю, что сказанного довольно для выясненія цѣнности книжки Малышевскаго и... для самого г. Малышевскаго...

Богъ ему судья, этому незадачливому провинціальному (тобольскому) писателю-естествоиспытателю!...

L. Мищенко.

Въ С.-Петербургскомъ Обществѣ народныхъ университетовъ.

(Отъ нашего корреспондента).

11 ноября 1907 г. въ помещеніи секретаріата С.-Петербургскаго Общества народныхъ университетовъ (Гагаринская, 16) Л. Л. Мищенко началъ чтеніе своего оригинального курса „метеорологія и климатологія въ связи съ гигіеной“. Правильнѣе было бы назвать этотъ курсъ болѣе широко: физическая жизнь земли въ связи съ органическою жизнью, соціальною и личною гигіеною; въ курсъ входитъ много интересныхъ и важныхъ вопросовъ техники, гигіиена, санитаріи и науки, какъ, чаргимъръ, условія жизни въ деревняхъ и въ городахъ, фізіологіческія вліянія поднятія на большія высоты, связь между числомъ пасмурныхъ и туманныхъ дней и количествомъ фабрикъ, вліяніе погоды на пьянство, примененія природныхъ запасовъ энергіи, искусственное создание тѣхъ или иныхъ температурныхъ и другихъ условій, вызовъ дождя, опыты съ полярнымъ сіяніемъ и съ искусственными облаками и т. д.

Курсъ этотъ построенъ такимъ образомъ, что при самой строгой научности онъ является общедоступнымъ, будучи освобожденъ отъ тяжелыхъ математическихъ выкладокъ; лекціи Л. Л. Мищенко сопровождаются многочисленными свѣтовыми демонстраціями на экранѣ. По окончаніи основнаго курса будетъ предложенъ дополнительный „метеорологія и воздухоплаваніе“ и будетъ сорганизована экскурсія въ магнитно-метеорологическую обсерваторію.

Слушатели возбудили ходатайство о повтореніи курса Л. Л. Мищенко въ залѣ Тенишевскаго училища; въ настоящее время получено также разрешеніе отъ Управленія С.-Пе-

тербургскаго Учебнаго Округа на перенесеніе курса въ домъ городскихъ установлений (Садовая, 55). Кромъ того, нынѣ ведутся переговоры о самостоятельномъ прочтении курса „метеорология и климатология въ связи съ гигиеною“ въ санитарно техническомъ институтѣ (2 Рождественская, 21), и Л. Л. Мищенко получены приглашения отъ провинціальныхъ народныхъ университетовъ, какъ, напримѣръ, изъ Тифлиса и Ставрополя и др.

Курсъ этотъ, ~~еще кратчайший~~ работалъ 4 года, еще въ 1904—1905 г.г. предполагался къ прочтению на гигиеническихъ курсахъ Общества охраненія здоровья женщины. Курсъ будетъ напечатанъ.

До настоящаго времени Л. Л. Мищенко прочитаны: 11 ноября 1907 г.—вступительная лекція, въ коей было заинтриговано слушателей избранными научными дисциплинами и показать неразрывную связь вѣдъ, въ, вонючими гигиеной, соціально-экономическими, а также изложитъ предметы курса. Лекція от 18 ноября 1907 г. была посвящена свойствамъ и высотѣ земной атмосферы; лекція 25-го ноября 1907 г. излагала изслѣдованія и данныя состояния воздуха; лекція 2 декабря 1907 г., была отведена теплуха земли, и его источникомъ для земной атмосферы; лекція 9 декабря 1907 г., была посвящена температурѣ зимнихъ слоевъ воздуха; прошлѣютоя лекція курса Л. Л. Мищенко, была прервана администрацией общества и инновьгъ въведеніемъ въ 1908 г. За это время прочитаны: 27 января 1908 г.—распределеніе температуры въ разныx слояхъ воздуха, 3 февраля 1908 г.—температура поверхностиныхъ глубокихъ слоевъ почвы, 10 февраля 1908 г.—температура воды въ мористочнѣй, ковъ, фрукты, соръ, морей и океановъ; морскія теченія, 17 февраля 1908 г.—заненіе воздуха и его колебанія, вертикальное распределеніе давленія воздуха, что ангажировано прими. Декларируются еженедѣльно по 100 рѣсурсамъ отъ 2 до 4 часовъ днія; плата за входъ 15 коп.; билеты при входѣ опровергнуты. Билеты эти можно приобрести въ кассѣ Тифлисской гимназии № 10, въ здании М. Г. Университета. Каждый билетъ въ кассѣ опровергнутъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ редакторъ!..

Не откажите поместить въ Вашемъ уважаемомъ изданіи
нижеслѣдующее сообщеніе:

Предстоящимъ лѣтомъ въ Москвѣ при педагогіческіхъ
курсахъ Общества воспитателей и учителей состоится
чтение систематическихъ лекцій общевидѣнаго и педагогічес-
каго содержанія, пред назначеныхъ главнымъ образомъ для
провинціальныхъ начальниковъ, учителей и учительницъ. Лек-
ціи будутъ читать:

Айхенвальдъ Ю. И. "Русскіе писатели XIX в." (Новая рус-
ская литература).

Бочкиревъ В. Н. Русская исторія XVII, XVIII, XIX
столѣтій

Григорьевъ С. Г. Общее землемѣріе.

Егоровъ О. И. Мѣтод. ариѳм. и геометрии.

Игнатьевъ В. Е. Анатом. и физіолог. челов.

Капелькинъ В. Ф. Общая біологія.

Кравецъ Т. Н. Физика.

Крапивинъ С. Г. Химія.

Коганъ Н. С. Всеобщая литература XIX в.

Нолянский Н. Н. Общее ученіе о правѣ.

Тихомировъ Д. И. Методика обученія родному языку.

Ушаковъ Д. И. Введеніе въ языковѣдѣніе (лекціи по
наукѣ о языкахъ примѣнительно къ во-
просу о преподаваніи русск. яз. въ
школѣ).

Устиновъ В. М. Государственное право.

Чеховъ Н. В. Обзоръ учебниковъ и учебн. пособій
по рус. яз.

Шестаковъ П. М. Обзоръ дѣтской и народной литер.
Шпеттъ Г. И. Педагогическая психологія.

Для слушателей лекцій будетъ устроена выставка лучшихъ учебниковъ по предметамъ начального преподаванія и лучшихъ книгъ для домашнаго дѣтскаго чтенія. Предположено устроить нѣсколько образовательныхъ экскурсій. Для желающихъ (въ числѣ не болѣе 40 челов.) будутъ организованы практическія занятія по химіи: 6 разъ по 2 часа, плата 10 руб. съ каждого. (Сами слушающіе заготовятъ приборы, которые вмѣстѣ съ реактивами поступятъ въ ихъ собственность).

Разрѣшеніе мѣстной администраціи на устройство лекцій получено. Лекціи продолжатся съ 3 іюня по 9 іюля.

Плата 10 руб. Комплектъ слушающихъ 750 челов. Заявленія просятъ направлять въ канцелярію педагогическихъ курсовъ, по адресу—Москва, Б. Грузинская, Георгіевская площадь, д 2/31.

Въ заявлениі должны быть указаны: фамилія, имя, отчество, почтовый адресъ, четко написанный, и приложены 2 семик. марки на пересылку отвѣта.

Принятыми будутъ считаться только тѣ лица, отъ которыхъ плата (10 р.) будетъ получена канцелярію курсовъ не позже 10 мая.

Предсѣдатель комиссіи по устройству лекцій

П. Шестаковъ.

Временные курсы для народныхъ учителей

съ разрѣшенія учебнаго начальства
будутъ открытысь 5 юня по 5 юля въ С.-Петербургѣ.

Программа общеобразовательныхъ предметовъ: 1) гуманитарная секція: исторія литературы, языкоизнаніе (исторія русскаго языка, діалектологія, сравнительное языкознаніе), новѣйшая исторія, лекціи по исторіи философіи; 2) естественно-историческая секція: анатомія и физіология человѣческаго тѣла, міръ животныхъ, міръ растеній, физика и механика, математика.

Программа педагогическихъ предметовъ: психологія, исторія педагогики, важнѣйшіе вопросы практической педагогики, дидактики и методики.

Плата за слушаніе курсовъ **10 рублей**. Запись на курсы принимается въ педагогическомъ бюро (**С.-Петербургъ, Чернышевъ, 16**) и въ канцеляріи Спб. біологической лабораторіи (Торговая, 25). Взносы денегъ и личные справки въ Педагогическомъ бюро ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресенія отъ 4 до 7 час. вечера.

Иріскиваются для слушателей бесплатныя помѣщенія.

Будутъ организованы по праздникамъ и воскресеніямъ образовательныя экскурсіи.

Въ чтеніи лекцій согласились принять участіе: проф. А. К. Бороздинъ, проф. Ив. А. Бодуэнъ-Де-Куртенэ, проф. Будле, проф. А. В. Васильевъ, А. Г. Генкель, Григорьевъ, Я. И. Душечкинъ, Н. М. Кнеповичъ, проф. И. И. Лапшинъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, П. Л. Мальчевскій, Н. П. Павловъ-Сильванскій.

Приглашены и еще некоторые профессора и педагоги.

Запись слушателей принимается до дня открытия курсовъ.

Завѣдывающій курсами проф. А. Бороздинъ.

Правда ли?

Намъ прислана слѣдующая замѣтка подъ заглавіемъ «Педагогиче-
скій абсурдъ» и за подписью «Бывшій учитель Буинскаго у. Павловъ»

Въ началѣ 1906/7 учебнаго года должностъ инспектора
народныхъ училищъ Буинскаго уѣзда занялъ г. Касаткинъ,
бывшій учитель—инспекторъ одного изъ Казанскихъ городскихъ
училищъ.

Съ первыхъ же дней своей миссіи К. приступилъ къ без-
мощадной фільтрації педагоговъ, при чемъ обезличившаяся часть
учительства, какъ индифферентная масса, незамѣтно миновала
фильтръ и столь же незамѣтно пришла въ состояніе устойчиваго
равновѣсія, а болѣе живой элементъ, способный чувствовать,
сознавать, мыслить и дѣйствовать, быть обреченъ судьбою (въ
лицѣ инспектора) на изгнаніе изъ школы въ качествѣ «недо-
учекъ», «недорослей» и т. п.

На пути къ вѣдворенію въ подчиненныхъ молчаливаго по-
виновенія г. К. не останавливается и предъ такимъ, имѣющимъ
обширное примѣненіе между деревенскими бабами, орудіемъ, какъ
сплетни. Обыкновенно при встрѣчѣ съ учителемъ, въ искрен-
ности работнія котораго г. К. не имѣетъ оснований сомнѣваться,
онъ тщательно выпытывалъ у него о другомъ учителѣ, ко-
торый пока еще «взять подъ сомнѣніе». Въ такихъ случаяхъ
бѣдному учителю приходится, изъ чувства самосохраненія, из-
мышлять на товарища самыя нелѣпныя клеветы, ибо онъ рис-
куетъ увидать предъ своимъ носомъ эффектный кулакъ патрона
и услышать внушительныя угрозы: «я лицо независимое», «я
вправѣ отпустить Васъ съ чернымъ паспортомъ» и т. п. Спра-
шивается: за что такое наказаніе? за нежеланіе клеветать на
товарища, т. е. за порядочность и благородство?

Къ сожалѣнію встрѣчаются и «ласковыя телята», которые
отваживаются «двухъ матокъ сосать».

Выступая въ роли столь своеобразнаго «интервьюера», г.

К. не ограничивается учителями, но частенько обращается и къ волостнымъ чинамъ, отдавая предпочтеніе материалу, полученному изъ этого послѣдняго источника.

Въ результатѣ между учителями, вмѣсто чувства солидарности и взаимной поддержки, водворились обычаи, выражаемыя поговоркой: *homo homini lupus*.

Вслѣдствіе такой политики г. К. педагогическое дѣло въ нашемъ уѣздѣ вылилось въ слѣдующія комбинаціи: въ нѣсколькихъ училищахъ перемѣна ролей учителя и помощника, при чмъ случалось и такъ, что въ помощники низводился окончившій училищную семинарію, а учителемъ дѣлался помощникъ, окончившій сельскую школу и до учительства фигурировавшій въ роли писца волостного правленія.

Это еще цвѣтки, а вотъ и ягодки: за восемь мѣсяцевъ инспекторства г. К. имѣется нѣсколько случаевъ вольнаго или невольнаго разставанія учителя со школой и учениками, нѣсколько случаевъ закрытия школъ.

Вообще, пока не ограниченно властвуетъ г. К., народному учителю Буйинскаго уѣзда среди всякихъ треволненій жизни, въ когтяхъ этого кошмара, остается вѣнить отчаянно: «когда же настанетъ этой муки конецъ?»

Правда ли это? И не сводить ли здѣсь г. Павловъ какіе нибудь личные счеты? Не заключается ли также какой нибудь игры въ словахъ „живой элементъ“? Будемъ надѣяться, что буинцы откликнутся.

Въ № 230 газеты „Сѣверъ“ напечатаны слѣдующія двѣ корреспонденціи:

1 Изъ Кадниковскаго уѣзда.

Недавно въ уѣздѣ произошелъ слѣдующій случай.

Изъ Корбанской волости шла пѣшкомъ дѣвушка учительница изъ села Куракина.

Дорогой повстрѣчался ейъ полицейскій надзиратель.

«Стой!» — приказываетъ начальство.

Дѣвушка идетъ, не останавливаясь,

«Остановись! ты кто такая?»

Послѣ троекратнаго приказанія остановиться, полицейскій надзиратель насильно останавливаетъ ее и требуетъ паспортъ.

Дѣвушка объясняется, что паспорта она иѣ имѣть, такъ какъ находится въ своемъ уѣздѣ.

Не удовольствовавшись отвѣтомъ, надзиратель немедленно обыскалъ вещи дѣвушки. Въ платочекѣ были связаны: юбка, галоши и шапка.

Все тщательно было пересмотрѣно. Ничего, конечно, такого, что угрожало бы общественной тишинѣ и спокойствію, не нашлось.

Но дѣло этимъ не ограничилось.

Дѣвушку посадили въ сани и повезли обратно въ Корбангу.

По пути встрѣтился деревенскій парень изъ той волости, изъ которой была дѣвушка. Этотъ парень и удостовѣрилъ ея личность и дѣвушка съ миромъ была отпущена.

2 Изъ с. Подосиновца Никольского уѣзда.

Не очень давно въ одномъ изъ №№ «Сѣвера» была помѣщена маленькая замѣтка изъ нашего же Никольского уѣзда, констатировавшая фактъ неладовъ между просто-учащими народныхъ училищъ съ одной стороны и учителями-завѣдующими тѣхъ-же училищъ—съ другой.

Въ подтвержденіе этого факта приходится отмѣтить другой фактъ, выразившійся уже въ очень грубой формѣ. Главными дѣйствующими лицами являются завѣдующій Яхренъгскимъ земскими училищемъ учитель А. А. Пановъ и учительница того же училища М. А. Иванова.

Съ 3-го на 4-о февраля с. г. около часу ночи, когда всѣ уже спали, въ квартиру учительницы Ивановой (у нея тоже не было огня) вдругъ раздается настойчивый стукъ въ наружныя двери.

Когдѣ ихъ отперли, то перенуганная, выскочившая въ одномъ бѣльѣ, учительница увидѣла въ сѣняхъ сначала мать завѣдующаго училищемъ, а потомъ и самого г. Панова, ввалившагося сюда съ приглашеннымъ имъ крестьяниномъ. Со стороны незванныхъ гостей послѣдовали оскорбительныя выраженія по адресу хозяйки. Послѣдняя успѣла запереться на крючокъ въ своей комнатѣ, но завѣдующий (представьте себѣ всемогущаго завѣдующаго) настойчиво требовалъ отворить двери, иначе грозилъ выломать ихъ.

На вопросъ осаждаемой—что нужно?—Пановъ требовалъ впустить его осмотрѣть ея комнату и постель, чтобы обнаружить, кто у неї... ночуетъ.

Оскорбленная барышня впускает его въ комнату, которая подвергается тщательному осмотру со стороны блюстителя нравственности другихъ (его собственная нравственность не запретила ему вломиться въ чужую квартиру).

Никого не найдя и допросивши прислугу, Пановъ удаляется, но, видимо, не довѣряя никому и ничему, счелъ нужнымъ запереть на замокъ двери дома снаружи, которые и оставались запертыми некоторое время.

Снявъ «осаду», Пановъ направился къ мѣстному батюшкѣ о. Димитрию, должно быть, сообщить о плачевыхъ результатахъ набѣга. Кстати нужно сказать, что во все время «осады» со стороны оконъ квартиры учительницы стоять человѣкъ для наблюденій, чтобы кго-либо не ускользнулъ оттуда въ окна (черезъ двойные-то рамы!).

Потерпѣвшая заявила о происшедшемъ г. приставу и дѣло обычнымъ путемъ направляется въ окружный судъ. Чѣмъ оно кончится, покажетъ будущее. Съ другой стороны г. завѣдующій донесъ о случившемся своему начальству, однако, инспекторъ народныхъ училищъ счелъ нужнымъ выслушать и учительницу, и срочно бумагою требуетъ отъ Ивановой сообщить ему ея личные показанія о происшедшемъ.

По слухамъ, Панова хотятъ перевести на другое мѣсто. Товарищи-учащіе, знающіе о немъ, выразили за это Панову свое товарищеское порицаніе.

Правда ли это?

Къ читателямъ.

Взявъ на себя веденіе отдѣловъ „замѣтки и матеріалы по метеорології“, „метеорологія и климатологія въ связи съ гигиеною“ въ журналѣ «Отклики народнаго учителя и его досуги», обращаюсь ко всѣмъ читателямъ съ покорнѣйшею просьбою принять во вниманіе и сообщить это возваніе своимъ знакомымъ.

Метеорологія, какъ прикладная наука, все болѣе и болѣе выростающая въ своемъ неоспоримомъ значеніи для современной жизни культурнаго человѣка, имѣть громадное число скромныхъ провинціальныхъ адептовъ, метеорологъ-практиковъ, чаще всего изъ міра педагоговъ, врачей, сельскихъ хозяевъ, военныхъ воздухоплавателей, наконецъ.

Къnimъ-то и обращаюсь я съ убѣдительною просьбою о сотрудничествѣ, обѣ обмѣнѣ матеріалами, о критическихъ отзывахъ, совѣтахъ и присылкѣ своихъ обработанныхъ матеріаловъ—наблюдений.

Всѣ рукописи и письма направлять мнѣ по личному моему адресу: С.-Петербургъ, Невскій, 120, кв. 11. Л. Л. Мищенко, съ надписью на конвертѣ „По метеорології“.

Въ самомъ непродолжительномъ времени мною будутъ опубликованы „ближайшія задачи современной русской прикладной метеорології“ и „программа свѣдѣній, необходимыхъ для помѣщенія въ статьяхъ провинціальныхъ работниковъ по метеорології“.

Леонидъ Мищенко.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 Г.

Третій годъ изданія

ежемѣсячный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ“

(бывш. «Отклики Сельскихъ Пастырей»)

— 10.—

Какъ и въ прежніе годы нашъ журналъ неизмѣнно будеть служить дѣлу виѣпархіального общенія приходскаго, главнымъ образомъ, сельского духовенства и единенію его съ мірянами.

Общепризнанная разрозненность сельского духовенства особенно требуетъ обмѣна по назрѣвшимъ вопросамъ церковно-обществ. жизни и пастырской практики.

Шаралльно росту сознанія членовъ церкви, журналъ будеть содѣйствовать необходимому воскрешенію забытыхъ и намѣченію новыхъ каноновъ, какъ соборному выраженію этого сознанія, для христіанізациіи культурной жизни.

Для такого обмѣна журналъ широко раскрываетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ и пасомымъ.

Подписька принимается по адресу конторы „Сельскій Священникъ“ г. Киевъ, Трехсвятительская ул., № 5.

Цѣна въ годъ 2 руб. съ пересылкой.

Разсрочка по соглашенію съ редакціей. Оставшіеся экземпляры за 1906 г. журнала „Отклики Сельскихъ Пастырей“, „Пробужденіе“ и „Сельскій Священникъ“ (ноябрь—декабрь)—всѣ вмѣстѣ стоять 1 р. 50 к. съ пересылк., а „Сельск. Свящ.“ за 1907 г. №№ 1—6-й съ пересылкой 1 рубль.

Статьи, помѣщенные за прежніе годы, имѣютъ принципіальный характеръ и представляютъ полный интересъ въ настоящее время.

Редакторъ-издатель *B. A. Никитинъ.*

“Гусельки Яровчаты”

общедоступный музикально - литературный журналъ посвященный народному музыкальному образованію.

Цѣль журнала—возможно широко прѣивитъ идею общедоступного и всеобщаго музыкальнаго образованія, для чего наиболѣе просто и всестронне освѣщать музыкальную жизнь, запросы и явленія, относящіяся къ музыкальному образованію и музикѣ во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и выяснить наиболѣе условія для достиженія прогресса въ этой области. Пѣнію семействному и школьному, а такъ же хоровому, какъ наиболѣе доступнымъ пока музыкально-образовательнымъ средствамъ, будетъ удѣлено особое вниманіе, равно какъ и жизни тружениковъ культивирующихъ эти образовательные отрасли.

По связи музыкального образованія съ общимъ въ журнальѣ будеть небольшой литературный отдѣлъ съ преобладаніемъ статей педагогического характера и свѣтѣніемъ состояніи образованія школьнаго и народнаго.

Содержаніе. Музикальный отдѣлъ.

Статьи о музикѣ и пѣніи историческаго, критическаго, педагогическаго характера. Шѣніе музика въ школьнѣ и семье. Музикальное образованіе. Хоровое дѣло. Жизнь и интересы учителей, пѣвцовъ, регентовъ, музыкантовъ. Записки и воспоминанія. Музика въ провинціи, селахъ и деревняхъ. Библіографія. Практическія свѣдѣнія. Обзоръ музыкальныхъ журналовъ. Скрипка, фисгармонія, церковное: школьнѣе и дѣтсковъ пѣніе.

Литературный отдѣлъ. Беллетристика. Статьи педагогическаго характера. Образованіе въ Россіи: учебныя заведенія, школы, курсы. Обзоръ педагогическихъ журналовъ. Библіографія.

Г. преподавателей пѣнія, матерей, сочувствующихъ музыкальному воспитанію, г. регентовъ и дирижоровъ хоровъ просимъ отозваться живымъ содѣйствіемъ къ осуществленію цѣли журнала.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (учебный годъ).

Первый № съ сентября 1907 года.

Подписанная цѣна на годъ 1 р. 50 к.

Редакція: Тамбовъ, Киркина улица, между Большой и 1-й Долгой, домъ Лебедевой.

Вышли №№ 1—6.

Редакторъ *Свящ. В. Лебедевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

(второй годъ изданія)

— на журналъ —

„ТАВРИЧЕСКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ“. выходящій въ г. Симферополѣ два раза въ мѣсяцъ.

Подписанная цѣна 2 Рубля въ годъ съ пересылкою. Для учащихъ допускается разсрочка по полугодіямъ безъ повышения подписанной платы.

Журналъ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ народного образования, освѣщеніе условій учительскаго труда, содѣйствіе объединенію учащихъ и улучшенію положенія учительства въ правовомъ и материальномъ отношеніяхъ.

Адресъ: Симферополь. Въ редакцію журнала Таврическій Народный Учитель.

Годъ изданія—восьмой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 г. НА
педагогический журналъ

„НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ“,

приложение къ Циркуляру по Казанскому Учебному Округу.

12 вып. въ Годъ. Цѣна—одинъ рубль,
за границу 1 р 50 коп.

Подписька принимается въ канцелярии Чонечителя, Казанск.
Учебного Округа

«Начальное обучение» выходитъ въ 1908 году ежемѣсячно въ объемѣ отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ, по программѣ, состоящей изъ двухъ отдѣловъ *официального* и *неофициального*. Въ первомъ отдѣле печатаются: а) Высочайшія повелѣнія, относящіяся къ начальнымъ народнымъ училищамъ, б) распоряженія Министерства народнаго просвѣщенія, в) приказы и распоряженія окружного начальства и г) распоряженія директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, а также изъ лицъ совѣтовъ. Во второй отдѣлъ входятъ: а) краткія общедоступныя статьи по начальному обученію и воспитанію, б) примѣрные уроки по предметамъ начального обучения съ пояснительными примѣчаніями, в) статьи по вопросамъ о школьнѣомъ образованії, г) практическіе совѣты по благоустройству училищъ, д) выдающіяся события школьнїй жизни, посвѣщенія училищъ высокопоставленными лицами, педагогические курсы и съезды, школьнѣе праздники и экскурсіи, біографическія свѣдѣнія о педагогахъ и школьнѣхъ деятеляхъ и т. п. и е) библіографія. Въ журналѣ ведутся систематическіе отдѣлы: „Воспитаніе и начальное образование за границей“, „Изъ жизни русской начальной школы“ и бібліографической отдѣлъ.

Къ участію въ сотрудничествѣ приглашаются директоры, инспекторы, законоучители, учителя и учительницы городскихъ

и сельскихъ училищъ и всѣ лица, интересующіяся и занимающіяся педагогическимъ дѣломъ.

Подписка и подписанія деньги приимаются въ редакціи при канцеляріи Понечителя Казанскаго Учебнаго Округа.

Статьи для напечатанія въ журналѣ присылаются по адресу: Казань, канцелярія Понечителя Учебнаго Округа, редакція журнала «Начальное Обученіе».

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи подлежать, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ. Гонораръ за статьи—въ размѣрѣ отъ 16 до 32 р., за печатный листъ.

Въ виду поступающихъ запросовъ на журналъ „Начальное Обученіе“ за ирежніе годы, редакція объявляетъ, что въ ея распоряженіи имѣется небольшое количество экземпляровъ „Начального Обученія“ за 1902, 1904, 1905 и 1906 г.г. Цена экземпляра за каждый годъ—одинъ рубль. Экземпляры за 1907 г. все разошлись.

**Плата за объявленія (о книгахъ и учебныхъ пособіяхъ) по-
зади текста:**

За одну страницу объявлений мелкимъ шрифтомъ каж-
дый разъ взимается 20 р., за полстраницы—10 р. и за чет-
верть страницы—5 р.

ЖУРНАЛЪ КРУГОЗОРЪ.

Литературный, научный и художественный
для самообразования.

Выходитъ еженедѣльно съ 1-го января 1908 года съ множествомъ рисунковъ въ текстѣ, съ приложеніемъ 52 картинъ одноцвѣтныхъ и 52 картинъ въ разныхъ краскахъ.

Всѣ картины и рисунки служить объясненіемъ къ тек-
сту и въ цѣляхъ педагогическихъ, могутъ замѣняться образ-
цами, картами или моделями.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ.

Беллетристика. Этому отдѣлу будетъ предоставлено ме-
сто въ каждомъ номерѣ журнала.

ОТДѢЛЬ I.

Географія, Географія физическая, Географія математическая, Географія комерческая

Каждому изъ отдѣловъ географіи будетъ предоставлено по очереди мѣсто въ каждомъ номерѣ журнала.

Исторія: I. Исторія нашей родной страны, съ самаго ея возникновенія. II. Исторія человѣчества, съ момента появленія на землѣ человѣка. Сюда войдутъ: а) Первобытная исторія. б) Народы Востока. в) Античный міръ. г) Средніе вѣка. д) Новая исторія. III. Новѣйшая исторія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, со времени французской революціи до нашихъ дней.

Каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ будетъ послѣдовательно чередоваться въ номерахъ журнала.

Юридическая знанія: 1) Общее учение о правѣ. 2) Ученіе о государствѣ. 3) Гражданское право. 4) Уголовное право. 5) Судоустройство и судопроизводство—гражданское и уголовное.

Торговое право и политическая экономія.

ОТДѢЛЬ II.

Прикладныя знанія: Физика, Химія и химическая технологія Зоология, Садоводство.

Каждый изъ этихъ четырехъ отдѣловъ будетъ послѣдовательно чередоваться въ номерахъ журнала.

Целеводство, луговодство и огородничество, Лѣсопромышленность и лѣсное хозяйство, Рыбопромышленность, Манифактурная промышленность.

Каждый изъ этихъ четырехъ отдѣловъ также будетъ чередоваться въ каждомъ номерѣ журнала.

Хроника. Руководящій обзоръ событий въ Россіи и за границей за истекшую недѣлю будетъ даваться въ каждомъ номерѣ журнала.

Каждый подписчикъ по истеченіи каждыхъ 6-ти мѣсяцевъ непрерывнаго полученія журнала будетъ получать 1 книжку по своему выбору или сборникъ романовъ и повѣстей или дѣтскихъ разсказовъ.

Къ учителямъ сельскимъ, городскимъ и средней ШКОЛЫ.

Питая надежду встрѣтить въ вашей средѣ отзывчивое сочувствие своимъ стремленіямъ и увѣренная найти въ васъ серьезныхъ себѣ помощниковъ, какъ непосредственныхъ толкователей и разъяснителей поднятыхъ вопросовъ всѣмъ тѣмъ читателамъ, которымъ что либо можетъ оказаться въ жур-

налы непонятнымъ. Редакція желаетъ войти съ вами въ не-посредственное широкое общеніе и для этого открываетъ въ журналѣ специальный отдѣлъ „Народная школа“, въ ко-торомъ будеть давать отвѣты на ваши вопросы, какъ-бы они разнообразны ни были: библиографическіе, педагогическіе и др. имѣющіе общественное значеніе.

Этимъ отдѣломъ вы можете пользоваться для диспутовъ между собою, для решенія общими силами волнующаго каждого изъ вида вопроса. Редакція приметъ всѣ мѣры, чтобы облегчить приобрѣтеніе вами книгъ, гравюръ, учебныхъ пособій и проч. болѣе для васъ удобнымъ и дешевымъ способомъ.

Сочиненіе каждого изъ васъ Редакція, какъ преслѣдующая исключительно просвѣтительныя цѣли и владѣющая собственной типографіей, можетъ принять къ издательству отдельнымъ оттискомъ, если найдетъ это возможнымъ, какъ со стороны редакціонной, такъ и экономической.

Всякая корреспонденція по дѣламъ этого отдѣла журнала должна быть на бланкѣ училища или же пишущій долженъ дать Редакціи какое либо иное доказательство своей принадлежности къ средѣ педагогического персонала.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 12 мѣсяцевъ—6 руб.; на 1 мѣсяцъ—50 коп. Заграницу—1 руб.

Подписка принимается на любое количество мѣсяцевъ, но не менѣе мѣсяца (съ 1-го по 1-ое число) и въ требованіяхъ должно быть указано название мѣсяца, въ который подписчикъ желаетъ получить журналъ.

Подписная плата вносится деньгами, а пересылаться можетъ и марками сберегательными въ 5 и 10 коп., гербовыми въ 5 коп., почтовыми въ 1, 2 и 3 коп., марки высшихъ достоинствъ въ уплату не принимаются и будутъ пересылаться обратно съ удержаніемъ почтовой пересылки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ журнала Гончарная, 10
Въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

1908 годъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДИСКА НА ГАЗЕТУ
„ДѢТСКАЯ ГАЗЕТКА“
ВЫХОДЯЩУЮ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

изданія В. И. Дмитріева.

На помощь крестьянамъ пострадавшимъ отъ неурожая.

- 1) „Надоѣло“ и „Легенда о нищихъ“. Л. Н. Толстой.
„Голодный годъ“ А. С. Ермоловъ.
„Картички деревенской жизни“. Св. И. Кедровъ.
„Союзъ копѣйки“. Проф. Ив. Озеровъ. 20 к.
2. „Джонъ Бернсъ—вождь рабочей партии въ Англіи
Э. Пименова. 20 к.
3. „Сила науки въ экомической борьбѣ“ О. Полетаева. 20 к.
4. „Страницы изъ жизни проф. Д. И. Менделѣева“ С. Кашъ. 20 к.
5. „Письма изъ деревни“ Г. Коллежинский. 20 к.
6. „Скромное геройство“ В. Зарубинъ. 15 к.
7. „Въ мастерской художника Руджіо“ Его-же. 15 к.
8. „Добродѣтельная фея“ Аккерманскія легенды. Его-же 15 к.
9. „Первая Рождественская елка“ (съ французскаго).
Кн. С. Мещерская. 15 к.
10. „Рюрикъ“ (изъ юнкерской жизни) И. Жилинскій.
Юнкерскія стихотворенія В. Дмитріевъ. 20 к.
Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
При выпискѣ изъ склада всего изданія сразу (10 книжекъ)
цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкой.

Склады изданія: 1) Въ СПБургъ у издателя—Б. Монетная
д. № 16, кв. 1. и въ „Союзѣ Копѣйки“ Саперный пер. д. 16,
кв. 22.

Вся чистая прибыль отъ продажи всѣхъ этихъ
книжекъ поступаетъ на помощь крестьян. потрадав.
отъ неурожая, чрезъ посредство «Союзъ-Копѣйки».

СКАЗКИ, БАСНИ

—<>)(II)(—>

ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕННЯ

Ізраїль.

Учителя Павла Вересова.

Приложение къ журналу
„Отклики пародного учителя и его досуги“
1908 года.

ПѢТУШОКЪ.

На краю села стояла хата;
Не красна углами, не богата,
Но жила счастливо въ ней старушка:
Каждый день у ней была пирушка.
Хоть она землицы не держала,
Ржи не съяла въ поляхъ, не жала,
Яровой ишеницы не полола,
Но не рѣдко всячину молола.
Былъ у ней въ подпольѣ жерновъ-чудо—
По желанью онъ готовилъ блюдо:
Ужь чего-бѣ она ни захотѣла,
Только-бѣ чудо-жерновъ повергъла,
И готово кушанье любое.

Разъ покрылось небо голубое
Мутной тучей, Вьюга загудѣла.
Вдругъ къ лачугѣ тройка подлетѣла,
Колокольчикъ замеръ подъ дугою.
Входить знатный баринъ со слугою:
«Пріюти, старушка, насъ отъ ночи,
«Ѣхать дальше не хватаетъ мочи.
«Угости съ дороги насъ закуской;
«Крѣпко будемъ спать на лавкѣ узкой».
А она съ поклономъ отвѣчала:
«Ужь давно господь я не встрѣчала,
«Угостить васъ рада всей душою:
«Пирогами, кашей и лапшою.
«У меня въ подпольѣ жерновъ-чудо,—
«По желанью онъ готовитъ блюдо».

Вотъ старушка жерновъ повергъла,
Получила все, чѣго хотѣла.

«Вамъ по вкусу-ль, гости дорогіе?
«Если нѣтъ, такъ явства дамъ другія».
Вдоволь знатный баринъ угостился,
Не шутя онъ жерновомъ прельстился.
«Не зѣвай-ка ночью ты, Филатко!»
Онъ шепнулъ слугѣ: «покушать сладко
«Я привыкъ давно, еще съ пеленокъ
«Да и ты не прочь, пузатый пострѣленокъ!»
Такъ питаетъ замыселъ коварный
Въ сердцѣ баринъ нашъ неблагодарный.
А старуха между тѣмъ хлопочетъ:
Пріютить гостей получше хочетъ.
Обратилась къ нимъ съ такою рѣчью:
«Подѣлиться рада съ вами печью—
«Смокли вы, озябли, чаю, тоже,
•Такъ на лавкѣ спать ужъ вамъ не гоже».
Отказались гости лѣзть на печку.
Улеглись и погасили свѣчку.

По-утру хозяйка-то проснулась,
Посмотрѣла вкругъ и ужаснулась,
Затряслася бѣдная отъ страха,
Поблѣдила какъ ея рубаха;
Зашемили старческія кости:
Вѣдь не даромъ рано скрылись гости,
За пріемъ спасиба не сказали;
Тѣмъ ее жестоко наказали.
Бросилась въ подполье, смотритъ — худо:
Выкраденъ оттуда жерновъ-чудо.
А такой бѣды не ожидала.
Вотъ на лавку сѣла, зарыдала.

На заваленкѣ, любуясь солнцемъ,
Цѣтушокъ сидѣлъ передъ оконцемъ.
Слыша плачъ старушки, молвилъ смѣло:
«Не горюй! поправить можно дѣло.
«За него примуся аккуратно,
«И доставлю жерновъ твой обратно».

Онъ взлетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо,
«Поскорѣй отдай, нѣтъ — выйдетъ худо;

«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».
Пѣтушокъ страшаетъ безумолку,
Тѣмъ и хочетъ онъ добиться толку,
Понагнать на барина кручину.

Баринъ бросилъ пѣтушка въ пучину.
Пѣтушокъ почувствовалъ невзгоду
И промолвилъ: «Пей же, горло, воду,
«Обрати пучину эту въ сущу,
«Чтобъ спасти я могъ отъ смерти душу».
Горло жадно воду выпивало,
И пучины словно не бывало.

Пѣтушокъ взлетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо!
«Поскорѣй отдай, нѣтъ—выдѣтъ худо!
«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Баринъ бросилъ пѣтушка въ солому,
Навалилъ поверхъ сухого лому,
И поджегъ все это самолично.
Смотрить—запылалъ костеръ отлично.
Пѣтушокъ почувствовалъ невзгоду
И промолвилъ: «Лей же, горло, воду,
«Чтобъ бѣды не стало надо мною».
Хлынула въ костеръ вода волною,
Потушила пламя роковое.
Пѣтушокъ назойливѣе вдвое;
Онъ взлѣтель опять на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо.
«Поскорѣй отдай, нѣтъ—выдѣтъ худо:
«Не отдашь его,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Видѣть баринъ, что приходить жутко.
Съ пѣтушкомъ ему плохая шутка.
Мыслить: что бы съ нимъ такое?
И отправилъ въ кухню на жаркое,
У него же поваръ былъ искусный—
Приготовилъ завтракъ очень вкусный.

Скушаль. Только вдругъ дыханье сперло...
Пѣтушокъ же выскочилъ чрезъ горло,
Полетѣлъ на барскія хоромы,
И надъ ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, баринъ, жерновъ-чудо,
«Поскорѣй отданъ, нѣтъ--выйдетъ худо,..
«Не отдашь,—пожалуй къ бою,
«Не на жизнь, на смерть сражусь съ тобою».

Разболѣлся баринъ нашъ отъ горя.
Вышелъ врагъ его сухимъ изъ моря,
Изъ утробы вышелъ невредимымъ,
Остается онъ непобѣдимымъ,
Часъ отъ часу громче просить боя,
Не даетъ хозяину покоя.

Баринъ думать сталъ другую думу:
«Выдамъ жерновъ я ему безъ шуму,
«Пусть несетъ его, куда онъ хочетъ,
«Только ужъ со мною не хлопочеть».
Отдалъ жерновъ. Нѣтъ борьбы упорной:
Поклонился головой покорной
Пѣтушку нашъ баринъ за обиду
Тотъ вспорхнулъ и улетѣлъ изъ виду.
А затѣмъ съ добычею богатой
Появился скоро передъ хатой,
Гдѣ старуха плакала тоскливо.

Нынѣ вновь она живеть счастливо.

РѢПКА.

Давнымъ-давно на свѣтѣ жилъ
Старикъ съ своей старухою.
Была старушка добрая,
Пекла блины овсяные,
Варила кашу яшную,
Кормила старика.
Вотъ разъ она промолвила:
«Мнѣ рѣпки захотѣлося.
«Земли у насъ достаточно
«На потолокъ наношено.
«Достань сѣмянъ щепоточку,
«Посѣй, авось и выростетъ—
«Полакомлюся я».

Старикъ, не знаю, какъ и гдѣ,
Досталъ сѣмянъ щепоточку,
Граблями землю влажную
Разрыхлилъ всю старательно,
Посѣялъ вечеркомъ.

На третій день ранехонько,
Лишь только зорька алая
Взошла на небо синее,
Старуха говорить:
«Старикъ, иди, провѣдай-ка:
«Велика-ль рѣпка выросла?»
Сходилъ и молвилъ: «съ пуговку».

На пятый день опять ему
Сказала на зарѣ:
«Теперь провѣдать надобно—
«Велика-ль рѣпка выросла?»
Отвѣтилъ: «съ перстенекъ!»

Прошло семь дней. «Провѣдать бы —
«Велика-ль рѣпка выросла?»
Отвѣтилъ: «съ ложку красную».

Прошло еще двѣнадцать дней.
Опять старуха молвила:
«Провѣдать рѣпку надобно».
Старикъ отвѣтилъ ей:
«Ужь рѣпа съ блюдо выросла,
«Пора ее повыдергать:
«Сегодня послѣ завтрака
«Пойду за ней съ мѣшкомъ».

— «А развѣ ты одинъ пойдешь?
«Зачѣмъ же а остануся?
«Вдвоемъ скорѣе справимся,
«Возьми меня съ собой!» —

— «Пойдемъ, но какъ ты, старая,
«На потолокъ подымешься?
«У насъ худая лѣстница,
«Съ трудомъ по ней хожу».

— «Такъ вотъ что я придумала:
«Вѣдь ты мѣшокъ подъ рѣпу-то
«Съ собой возьмешь не маленький —
«Усядуся въ него;
«А ты съ такою ношею,
«Надѣюся, управишься:
«Подымешься по лѣстницѣ
«Легко на потолокъ».

— «Ну, что же? Ладно сказано.
«Но съ уговоромъ, старая;
«Сиди въ мѣшкѣ смирнехонько!
«И ни о чѣмъ не спрашивай,
«Пока не подымусь».

Полѣзъ старикъ съ мѣшкомъ въ зубахъ;
Руками крѣпко держится
За лѣстницу высокую.
Старухѣ же не терпится:
Узнать скорѣе хочется—
Далеко-ль потолокъ.

— «Да скоро ли подымешься?»
— «Одна ступень осталася»,

Отвѣтилъ ей старикъ,
Но изъ зубовъ повыронилъ
Мѣшокъ-то со старухою.
Она на землю грянулась,
И Богу душу грѣшную
Мгновенно отдала.

Дѣдъ молвилъ съ укоризною:
«Зачѣмъ, болтунья старая,
«Нашъ уговоръ нарушила?»
«Кабы меня послушала,
«Сидѣла бы смиренѣонько,—
«Жива бы ты осталася
«И рѣпки бы покушала».
Стариkъ погоревалъ,
Да дѣлать больше нечего:
Искать пришлось плакальщицъ,
Причетчицъ созывать.
Идеть по полю чистому,
Навстрѣчу заяцъ выскочилъ:
— «Куда пошёлъ ты, дѣдушка?»
— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—
«Старуха умерла»?
— «Возьми меня, пожалуста».
— «Какъ будешь ты оплакивать?»
— «Ту-ту-ту-ту! гожуся ли?»
— «Тебя, косой, не надобно:
«Не мастеръ ты оплакивать».
Идеть. На встрѣчу волкъ,
— «Куда пошелъ ты, дѣдушка?»
— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—
«Старуха умерла»?
— «Возьми меня, пожалуста!»
— «Какъ будешь ты оплакивать?»
— «У-у-у-у! гожуся ли?»
— «Нѣтъ, сѣрый волкъ, не надобно:
«Не мастеръ ты оплакивать».
Идеть по лѣсу темному,
Медвѣдя повстрѣчалъ.
— «Куда плетешься, дѣдушка?»
— «Ишу причетчицъ-плакальщицъ».

«Старуха умерла».

— «Возьми меня пожалуста!»

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

Какъ рявкнулъ зычнымъ голосомъ
Топтыгинъ—эхо громкое

По лѣсу разнеслось.

— «Тебя, медвѣдь, не надобно:

«Не мастеръ ты оплакивать,

«Ревѣлъ ты оглушительно;

«Я чуть не умеръ самъ».

Идетъ. Съ лисицей встрѣтился.

— «Куда плетешься, дѣдушка?»

— «Искать причетчицъ-плакальщицъ—

«Старуха умерла».

— «Возьми меня пожалуста!»

— «Какъ будешь ты оплакивать?»

Лиса заводитъ жалобно:

«Была старушка добрая,

«Пекла блины овсяные,

«Варила кашу яшную,

«Кормила старика.

«Но вотъ бѣда случилася:

«Старушкѣ не стерпѣлося,

«Скорѣй узнать хотѣлося—

«Далеко-ль потолокъ?

«И уговорь нарушила.

«За то, что не послушала

«Совѣта старишка,—

«И рѣпки не покушала,

«Упала съ высока,

«И жизнь свою покончила».

— »Вотъ это правда сущая...

«Куда какъ ладно сказано:

«Умѣешь ты оплакивать—

«Ло слезъ меня разжалобишь,

«Пойдемъ со мной, лиса!»

Пришли. Она причетами
Холодный трупъ оплакала
И тѣмъ вдовца потѣшила.
Потомъ и на погостѣ

Отправили покойницу.
Шока стариkъ могилу рылъ,
Да въ землю гробъ закапывалъ—
Лиса поминки спрavила:
Слизнула пѣтушка.

З Е Р Н О.

Было то давнымъ-давно.
Князь напечъ одно зерно
Въ поставцѣ своей свѣтлицы
Съ яицо какой-то птицы.
«Гдѣ родилось и когда?
«Какъ могло попасть сюда?»
На языкъ вопросъ просился.
Долго князь съ зерномъ носился:
Призывалъ къ себѣ вельможъ,
Много разъ на общей сходкѣ
Разсуждали о находкѣ:
«Что—пшеница или рожь?»
Такъ и такъ зерно вертѣли,
Разскусить его хотѣли,
Причинили боль зубамъ.
Но зерна не раскусили.
А потомъ заголосили.
Не послать ли по избамъ
Кликать кличъ во всѣ предѣлы,
Чтобъ сходились земледѣлы,
Старики преклонныхъ лѣтъ,
Князю дать прямой отвѣтъ:
Кто, живя въ частливой долѣ,
Сѣялъ зерна эти въ полѣ?

* *

И приказъ былъ очень строгъ.
Старики явились въ срокъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ, дряхлѣйшій,
Былъ введенъ на костыляхъ
Въ красный теремъ, гдѣ свѣтлѣйшій
Возсѣдалъ на соболяхъ.

Князь подумалъ: «Удивленье!
«Что за странное явленье?
«Не видалъ такого вѣкъ;
«Онъ не трупъ, не человѣкъ.
«Словно сиѣгъ бѣлѣетъ волосъ,
«Еле живъ дрожащій голосъ;
«Два пятна на мѣстѣ глазъ,
«Ибо свѣтъ давно угасъ;
«Точно листъ трясется губа,
«Горбъ съ котелью во рту ни зuba;
«Лобъ въ морщинахъ, слухъ тугой;
«Ноги выгнулись дугой.

— «Ты сто лѣтъ на свѣтѣ бѣломъ
«Занимался сельскимъ дѣломъ»,
Князь промолвилъ старику;
«Вѣроятно, на вѣку
«Ты видалъ чудесъ не мало.
«Вотъ случайно мнѣ попало
«Это дивное зерно.
«Объясни намъ: что оно?
«Вѣдь такія же едва ли
«При тебѣ не созрѣвали?
«Можетъ быть, что ты ихъ самъ
«Разсѣвалъ по полосамъ?
«Если нѣть скажи откуда,
«Изъ какой чужой страны
«Выли къ намъ привезены?

— «Не видаль такого чуда,
Молвилъ старецъ взявъ зерно:
«Не слыхалъ, чтобъ въ наше время
«Кто сѣвалъ такое сѣмя...
«Знать водилося давно...
«Здѣсь отецъ мой -- пригласите,
«У него о томъ спросите:
«Можетъ быть, и знать онъ».
И отвѣсиль онъ поклонъ.

* *

«Твой отецъ сюда явился?!»
Князь свѣтлѣйшій удивился,
Отпуская старика:

«Не ошибкаль языка?
• Такъ позвать его скрѣе!
«Чай войдетъ одинъ скелеть.”
• Если прожилъ столько лѣтъ».
Къ удивленію, бодрѣе
Сына входитъ старина:
Чуть погнулася спина,
И не такъ бѣлѣетъ волосъ;
И звучитъ пріятнѣй голосъ.
Несравненно тоньше слухъ.
При одномъ, а не при двухъ
Костиляхъ предсталъ у трона.
Князь вручилъ ему зерно.
• Ты, старикъ, по Божьей волѣ!
• На землѣ живешь давно;
» Можетъ, зерна эти въ полѣ
« Съяль въ годы старины...
«Если нѣть, скажи, откуда,
« Изъ какой чужой страны
« Были къ намъ привезены?

— «Не видалъ такого чуда..
„Гдѣ взросло, не знаю, нѣть,”
Говорить старикъ въ отвѣтъ:
„Здѣсь отецъ мой, пригласите
„У него о томъ спросите:
„Можетъ быть, и знаетъ онъ“.
Поклонившись, вышелъ воинъ.

„ * * * „
„Что за дивное явленье?
„Если молвить безъ обидъ,
„Чѣмъ моложе поколѣнья,
„Тѣмъ дряхлѣй оно на видъ;
„И напротивъ, чѣмъ старѣе,
„Тѣмъ глядѣть оно бодрѣе.”
„Внукъ и сынъ сказали „нѣть“
„Что-то намъ отвѣтить дѣлѣ?
Молвилъ князь своимъ вельможамъ:
„Отъ него развѣдать можемъ,
„Вѣроятно о зернѣ“
„Зрѣло-ль въ нашей сторонѣ?

, Такъ позвать его къ отвѣту!“
Водро входитъ къ князю-свѣту ..
Самъ стариkъ безъ костылей: ..
Хоть украшенъ сѣдиною, ..
Не погнулся онъ спиною, ..
Зубы блещутъ бѣлизною; ..
Очи ярче двухъ углей,
Грудь высокая широка;
Голосъ звученъ какъ труба;
Слухъ безъ всякаго порока.

— „Ну, стариkъ, твоя судьба
„Презавидная на свѣтѣ,
„Если ты чрезъ столько лѣтъ
„Сохранилъ здоровье въ цвѣтѣ!
„Дай же мнѣ прямой отвѣтъ:
„Кто и гдѣ, въ какое время,
„Разсѣвалъ такое сѣмя?“
Князь спросилъ, подавъ зерно.

— „Было время, но оно
„Укатилося давно.
„Что же вы сочли за диво?..
„Я такія зерна самъ
„Разсѣвалъ по полосамъ;
„Самъ изъ нихъ вариль я пиво;
„Шили мы, богатыри,
„Иногда недѣли три;
„Веселились, не пьянѣли...
„Пѣсни славно такъ звенѣли
„Отъ зари и до зари..
„Дань платили годовую
„Преисправно мы князьямъ;
„Ѣли рыбу пудовую,
„Подносили медъ друзьямъ.
„Безъ запрета средь долины
„Сѣкли дубы исполны...
„А прекрасные грибы
„Дѣти брали у избы.
„Нынче люди стали плохи--
„Все хвораютъ, мрутъ, какъ блохи.

„Перевелся красный звѣрь...
„Все не то пошло теперь...
„По зубамъ оно родное,
„Это зернышко ржаное“,
Звучно дѣдъ мой пробасилъ
И зерно перекусилъ.

Сила молитвы.

Въ дремучемъ лѣсу, надъ обрывомъ крутымъ,
Стоитъ одиноко сторожка;
Межъ камней, заросшихъ бурьяномъ густымъ,
Къ ней вьется глухая дорожка.
Здѣсь жиль, по преданью, когда-то лѣсникъ
Вдвоемъ со своею подругой.
Жилъ долго—во всякия дебри проникъ,
И зорко слѣдилъ за окружной.
Онъ слылъ нелюдимомъ; а въ образѣ совы,
Какъ въ сelaхъ носились слухи,
Къ нему по ночамъ изъ дремучихъ лѣсовъ
Слетались нечистые духи.
Норой разразится свирѣпо гроза,
Завоюютъ мохнатыя ели;
Огнемъ у него заблистаютъ глаза,
Встаетъ онъ съ убогой постели:
Трясутся колѣни, дрожитъ голова,
Поспѣшно выходитъ онъ въ сѣни,
Кому-то невнятно лопочетъ слова;
Витаются какія-то тѣни.
Однажды въ убогую хату свою
Онъ поздно пришелъ изъ обхода;
Въ молчаніи сѣлъ онъ къ столу на скамью;
А въ окна стучитъ непогода.
Старуха-хозяйка за пряжею льна
Дремала на лавкѣ за печью.
„Я скоро умру... Не пугайся, жена“,
Онъ къ ней обращается съ рѣчью:
„Но только сама не рѣшайся умыть
„Мое посинѣвшее тѣло...
„Сходи за людьми, чтобы худу не быть;
„Не сходишь—ужасное дѣло“...

Онъ тяжко вздохнулъ и невольно умолкъ:
Упалъ, а глаза помертьели...
Подъ окнами буря завыла, какъ волкъ;
Какъ змѣи, лѣса зашипѣли
Старуха трепещетъ—страхъ въ душу проникъ.
И думаетъ грустную думу:
„Сходить за людьми завѣщаль мнѣ лѣсникъ—
Боится осенняго шуму...
„Куда же пойду. коль не видно ни зги?
„Сама по немногу устрою..
„Царица Небесная, мнѣ помоги!
„Умою, холстиной покрою“...
На лавку она подостлала сѣница,
Покрыла какой-то ветошкой,
И ложе готово: кладеть мертвѣца...
Вдругъ кто-то мяукаетъ кошкой.
Затеплить свѣчу непослушной рукой
Старуха спѣшить хлопотливо
И шепчетъ: „Раба твоего упокой“,
И смотритъ кругомъ боязливо.
Въ ночной темнотѣ свирѣпѣтъ гроза;
Мертвѣцъ шевелится на ложѣ...
Зеленымъ огнемъ загорѣлись глаза,
И съ лавки встаетъ онъ. „О Боже!
„Святые угодники, будьте со мной!
„Пасите меня отъ напасти!“
Взы милась: „Не знаю молитвы иной—
„Избавьте отъ адовой пасти!“
Вдругъ дверь отворилась... И свѣтъ просиялъ...
Вошли въ облаченьяхъ церковныхъ
Священникъ и дьяконъ. И трепетъ обуялъ
Умершаго въ путахъ грѣховныхъ.
И буря умолкла въ густой темнотѣ—
Исчезла нечистая сила.
— „А кто Вы такие?“ — „Мы самые Тѣ,
„Кого ты въ молитвахъ просила.
— „Побудьте со мною, святые отцы!“
— „Не бойся, вернемся мы вскорѣ ..
— „А нынѣ зовутъ насъ въ другіе концы—
„Несчастье случилось на морѣ“.

Гостья съ погоста.

Спалъ малютка въ колыбели.
Я гашу гонь въ свѣтцѣ...
Вдругъ ворота заскрипѣли,
Кто-то стукнуль на крыльцѣ.
Въ стѣни входить. Кто? узнай-ка!
Слышь, берется за скобу...
Дверь открылась и хозяйка
Тихо входить къ намъ въ избу.
И стоитъ у колыбели.
„Ты зачѣмъ теперь у насъ?“
Я спросилъ слетѣвъ съ постели.
— „Какъ зачѣмъ? провѣдать васъ!..
„И домашнюю скотинку
„Накормить вѣдь надо мнѣ,
„И малютку сиротинку
„Приголубить въ тишинѣ“.
Отвѣщаю рѣчью строгой:
„Убирайся-ко къ себѣ...
„Мы идемъ своей дорогой,
„Не нуждаемся въ тебѣ“.
— „Если такъ, уйду вѣстимо...
„Больше въ здѣшней сторонѣ
„Ты меня не встрѣтишь, Тимо,
„Приходи-ка ты ко мнѣ!
Говорилъ я съ нею смѣло...
Право, будто бы съ живой...
Какъ ушла—иное дѣло:
Точно сталъ я самъ не свой.
Натерпѣлся вдоволь страха;
Не смыкалъ всю ночь я глазъ,
И тряслась на мнѣ рубаха,
Пока зорька не зажглась.

Т Р Я П К А.

Валялась тряпка въ грязной лужѣ.
Пріютъ, признаться, не хороши,
Но могъ вѣдь быть гораздо хуже:
Цѣна тряпицѣ— мѣдный грошъ,
А гибнуть вещи и дороже,
Когда судьба накажетъ строже:
Ее-жь послѣдняя спасла.
Толпа дѣтей во школу шла.
«Ребята, въ лужѣ-то ветошка!»
Воскликнулъ весело Антошка:
«Промыть ее да разодрать—
«Ей можно доску вытираТЬ».
И такъ попала въ столъ тряпца,
Гдѣ были книги и тетрадь.
«Ты кто? скажи! ты что за птица?»
Она назойливымъ допросомъ
Терзаетъ слухъ имъ свысока:
«Туда, гдѣ грифель, я, доска—
«Нельзя соваться съ вашимъ носомъ!»

Когда глупцу окажутъ честь,
Не знаетъ онъ куда и сѣсть.

С Л У Ж Б А.

Извѣстный службой безпорочной,
Курьеръ летитъ съ бумагой срочной.
«Пошелъ, ямщикъ! пошелъ, злодѣй!»
Кричитъ Ивану онъ сердито.
Хоть паръ валитъ отъ лошадей,
И тѣло ихъ кнутомъ избито.
Примчались къ станціи стрѣлой.
— «Какой же ты сегодня злой»,
Ивану молвили лошадки:
«Вѣдь мы неслись во всѣ глошатки,
А ты кнутишемъ бухъеи бухъ!»
«Едва изъ насъ не вышибъ духъ!»
«Вѣдь, это, братъ, совсѣмъ не дружба!»

— «Когда бы вы могли понять,
«Не стали-бъ мнѣ за то пенять:
«Не я васъ гналъ кнутомъ, а служба».

Я Б Л О Н Я.

Стояла яблонь у села.
Весной, когда она цвѣла,
Летала въ гости къ ней пчела;
Въ густой листвѣ пѣвали птицы;
Въ тѣни прохладной въ лѣтній зной
Сидѣлъ здоровый и больной,
И плодъ срывали наливной
Старухи, красныя дѣвицы.
Пришла печальная пора:
Дряхлѣетъ тощая кора—
И горе яблонькѣ безплодной!
Никто не лѣчитъ, чуть жива...
И наконецъ зимой холодной
Ее срубили на дрова.

Пока работалъ въ полной силѣ,
Не знаяши отдыха, Панфилъ,
Онъ былъ и дорогъ всѣмъ и милъ;
Ослабъ—забыли о Панфилѣ.

Орелъ и сычъ.

Случилось встарь:
Пернатый царь
Лѣсовъ и горъ
Хотѣлъ умножить птичій хоръ.
Онъ вѣдалъ хищничьи проказы.
Чтобъ оградить со всѣхъ сторонъ
Отъ ястребовъ
И отъ воронъ
Своихъ пѣвцовъ—
Послалъ указы:
«Не єсть яицъ
«У пѣвчихъ птицъ».

И поручилъ сычу надзоръ за выполненьемъ.
Но сычъ ничуть не восхищался пѣньемъ;
И самъ всегда яичный столъ имѣлъ,
И доносить царю на тѣхъ не смѣлъ,
Кто силенъ быль иль клювомъ, иль когтями:
Порою были тѣ его гостями.
Пришлось сычу отчетъ нести орлу.
Тяжель подъемъ для слабыхъ на скалу,
Такъ сычъ стянуль яичко у синицы»

И закусилъ

Для подъ крѣпленья силъ.
Потомъ летитъ въ гнѣздо царь-птицы
И говоритъ: «Карай, о царь, куница:
Онъ зорятъ всѣ гнѣзда пѣвчихъ птицъ.
За дерзость съ нихъ сними пушныя шубки».
У самого-жъ во рту торчатъ скорлупки.
«Клеветъ и лжи я слышать не хочу»,
Отвѣтилъ царь и за доносъ
Отрѣзалъ носъ
Сычу.

Кому быть секретаремъ.

Въ лѣсахъ разносится молва,
Что секретарь погибъ у льва.
Кричитъ лисица безумолку:
«Теперь почтеннѣйшему волку
«Чреда предстать передъ царемъ.
«Кому же быть секретаремъ,
«Какъ не любезнѣйшему куму?
«И безкорыстно и, безъ шума
«Даетъ дѣламъ законный толкъ,
«Хранитъ онъ свято честь и долгъ».
И глупый волкъ, уловку эту
Принявъ за чистую монету,
Промолвилъ: «Вижу самъ теперь:
«Моя кума—добрѣйшій звѣрь...
«Давненько къ ней забрался въ гости,
«И пожираю все до кости
«Съ ея раскошнаго стола;
«Отъ ней же мнѣ и похвала».
Подслушавъ это разсужденье,
Хорекъ сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Вскружило голову, мой свѣтъ,
«Тебѣ слѣпое заблужденье:
«Лиса совсѣмъ не такъ добра...
«И если только хвалить кума,
«То для того, чтобы безъ шума
«Его повыжить со двора».

Д Б Д У Ш К А.

Отъ людей почету
Нынѣ много мнѣ.
Вынесъ все безъ счету
На своей спинѣ.
Баринъ былъ худенекъ
Тѣломъ и душой:
Много тратилъ денегъ—
Лакомка большой.
Покутить безбожно,
Глядь—въ мошнѣ изъянъ.
Все возьметъ, что можно,
У своихъ крестьянъ.
Впрочемъ, что-жъ такое?
То прошло давно...
Вспоминать лихое
Грустно и грѣшно.
Насъ, рабовъ радивыхъ,
Вышній наградилъ:
Отъ господъ строптивыхъ
Царь освободиль.
Я кровавымъ потомъ
Тысячу скопилъ:
Пустошь за болотомъ
Барскую куциль.
Вывезъ лѣсь отборный
Къ берегу ручья,
До мъ себѣ просторный
Туть поставилъ я.
А въ трудахъ узорныхъ
Богъ меня хранилъ:

Пять сыновъ покорныхъ
Выrostиль, женилъ.
Тѣсновато стало—
Велика семья,
Такъ домовъ не мало
Вновь построилъ я.
И хозяйство наше,
Общее для всѣхъ,
Словно въ красной чашѣ
Золотой орѣхъ.
Внуки пашутъ нивы,
Правнуки въ порѣ—
Всѣ къ труду ревнивы
И живутъ въ добрѣ.
Въ срокъ вношу поборы
Въ земскую казну...
Не вступаю въ споры,
Шапочки не сгну.
Не хожу стыдливо
Къ богачу въ подвалъ...
Баринъ такъ счастливо
Прежде не живалъ.

Кто на днѣ?

Ты мыслишь лукаво: «Стою наверху,
«Высокій душой, недоступной грѣху;
«Блеститъ золотая одежда на мнѣ,
«Языкъ мой съ небесною волей въ роднѣ:
«Кого онъ осудитъ на грѣшной землѣ,
«Кипѣть тому вѣчно въ горючей смолѣ».

О, нѣтъ! ты упалъ ниже всякаго «дна»,
Свидѣтель тому ужъ надежда одна.
Чтобъ пышно одѣться, ты сколько другихъ
Оставилъ на свѣтѣ босыхъ и нагихъ?
И такъ изолгался твой праздный языкъ,
Что въ слово свое ты и вѣрить отвыкъ.

Лукавыя думы прельщаютъ тебя:
Ты «цвѣтомъ людей» величаешь себя.
Въ обширныхъ палатахъ блаженствуешь ты,
Къ услугамъ твоимъ чудеса красоты—
Созданья искусства, и рабство льстецовъ,
И столь утонченный изъ тучныхъ тельцовъ;
Но «цвѣтомъ людей» называться стыдись:
На «днѣ» твое мѣсто, туда и садись:
Что разомъ однимъ поглощаетъ твой ротъ,
Тѣмъ труженикъ бѣдный питался бы годъ.

Но тотъ на вершинѣ высокой горы,
Кто съ ранняго утра до поздней поры
Въ трудахъ проливаетъ кровавый свой потъ:
Въ немъ сила святая и жизни оплотъ.

М О Л О Т Ъ.

Много лѣтъ тяжелый молотъ
Сталь упругую ковалъ:
Въ лѣтній зной и зимній холодъ
Онъ покоя не знавалъ.

Въ поднебесной все не вѣчно.
Ослабѣлъ онъ наконецъ,
И тогда его беспечно
Бросилъ въ сторону кузнецъ.

И съ тѣхъ поръ въ трудѣ жестокомъ
Не является нигдѣ;
Но молва о немъ потокомъ
Разливается вездѣ:

Вотъ коса въ лугу росистомъ,
Чуть зардѣется заря,
«Молотъ билъ меня», со свистомъ
Вторить пѣсни косаря.

Ежедневно въ зимній холодъ,
Оглашая темный боръ,
«Биль меня тяжелый молотъ»,
Звучно стукаетъ топоръ.

БАРЫШЪ.

У куница-Барыши
Загорѣлась душа
Страстю къ золоту:
Разослалъ онъ гонцовъ,
Чтобъ лихихъ кузнецовъ
Звали къ молоту.

И куютъ топоры
До холодной поры—
До Крещенія...
Смерть дремучимъ борамъ—
Плеть Барышъ по дворамъ
Извѣщенія.

Начинать, силачи!
Ото сна палачи
Повоспрянули;
И природы краса,
Вѣковые лѣса
На земь грянули.

И торчатъ тамъ одни
Обгорѣлые пни
Нынѣ, братія!
А народъ отъ души
Барышу за гроши
Шлетъ проклятия.

В ТХИ.

Въ полной силѣ зима: шлѣгъ трескучій морозъ,
Засыпаетъ дороги мятелями...
Въ чистомъ полѣ ползетъ за обозомъ обозъ,
И бредутъ пѣшеходы артелями.

Вѣхи путникамъ кажутъ прямые пути,
Пробуждаютъ въ душѣ бодростъ сильную;
А безъ вѣхъ бы инымъ и родныхъ не найти—
Вѣтеръ спѣль бы имъ пѣсню могильную.

Въ дни ненастяя, народныхъ волненій и смутъ,
Не внимая коварныхъ ученію,
Такъ избранники неба заблудшихъ ведутъ
Къ несомнѣнному ихъ назначенію.

Добрый хозяинъ.

Ой, не плачь, родная рожь,
Что продамъ тебя за грошъ.

Помни: красною весною
Снова встрѣтишься со мною:

Хоть и втрое заплачу,
Всё-жь назадъ я ворочу.

Съ давнихъ поръ
Выше горъ
Ищешь ты того, напрасно,
Что божественно прекрасно.

Снизойди, !
Погляди
Безъ лукавства, пошли ласки
Своему младенцу въ глазки:

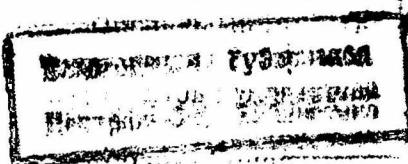
Чистота,
Красота
Въ нихъ для нась неизъяснима,
Какъ во взорѣ херувима.

Хоть ты очень хитра,
Дорогая сестра;
Но со мною, смотри,
Не хитри, не хитри!
Помни: даль мнѣ Творецъ
Вѣдать тайны сердцеъ,
Такъ не скрыть отъ меня
Въ сердцѣ страсти—огня.
Вѣдь я знаю, о комъ
Ты вздыхаешь тайкомъ,
И зачѣмъ ходишь ты
Къ быстрой рѣчкѣ въ кусты;
И что свѣтить въ глазахъ,
И что шепнуть уста,
Какъ стоишь ты въ слезахъ
Предъ иконой Христа.

На нескромный вопросъ
Ждалъ я гнѣва, угрозъ,
Свѣтлоокая,
Какъ въ дубравѣ весной
Повстрѣчалась со мной
Одиночная.

«Да», отвѣтила ты.
И покрыла черты
Тѣнь сдыдливая,
И порывы къ борьбѣ,
И покорность судьбѣ
Молчаливая.

Пахучій плодъ едва созрѣлъ среди листвы,
А жадный червь уже ползетъ къ нему съ травы.
О злость и зависть, это вы!

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

1. Подписавшися въ разсрочку благоволятъ, при высылкѣ послѣдующихъ платежей, сообщать номеръ бандероли, подъ ко-
торою высылается журналъ.
 2. О неполученіи какой-либо книжки журнала необходимо
присылать заявленіе тотъ-часть же по полученіи слѣдующей
книжки.
 3. Присылаемая въ редакцію рукописи просимъ писать
такъ, чтобы одна сторона листа оставалась чистою. Посыпать
рукописи можно, какъ дѣловыя бумаги, подъ бандеролью, или
въ не заклеенному конвертѣ, не вкладывая въ него письма,
имѣющаго характеръ личной переписки. Значительныя по объему
рукописи можно высыпать посылками.
 4. Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ
которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, ини-
циалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть
приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отче-
ствѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюде-
нія этого условія рукописи не только печататься, но даже и про-
сматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ
книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.
 5. Адресъ для рукописей и подписной платы: Вологда,
редактору-издателю журнала «Отклики народного учителя и его
досуга» Аѳанасію Ѣедоровичу Знаменскому.
 6. Рукописи размѣромъ болѣе печатнаго полулиста возвраща-
ются авторамъ въ томъ лишь случаѣ, если на пересылку ихъ
прислана, почтовыми марками, достаточная сумма. Рукописи ме-
нѣе печатнаго полулиста ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.
-

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **4** р., на полгода **2** р. **10** к. и на 3 мѣсяца **1** р. **10** к. На другіе сроки подписка не принимается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ основаніяхъ: при подпискѣ **1** р., къ 1 марта **1** р., къ 1 іюня **1** р. и къ 1 сентября **1** р.

За объявленія уплачивается **15** р. за страницу за каждый разъ; за полстраницы **8** р. за каждый разъ.

Вновь подписавшимся будутъ высланы всѣ вышедшия номера, начиная съ первого.